

Э. ГЕМЕРИ

СВЕРХБОГАЧИ

NEW YORK

ЭНДРЕ ГЕМЕРИ

СВЕРХБОГАЧИ

GÖMÖRI ENDRE

SZUPERGAZDAGOK

BUDAPEST
KOZMOSZ KÖNYVEK
1981

ЭНДРЕ ГЁМЁРИ

СВЕРХБОГАЧИ

МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
1987

ББК 65.6
Г33

Сокращенный перевод с венгерского Г. С. ЛЕЙБУТИНА

Г $\frac{0604040000-020}{003(01)-87}$ 54-86

© «Космос», Будапешт, Венгрия, 1981
© Перевод изд-ва «Международные
отношения», 1987

РОТШИЛЬД - ПЯТЬ ЗОЛОТЫХ СТРЕЛ

**КРАСНАЯ ВЫВЕСКА — ПРОТИВ НАПОЛЕОНА —
НА ВЕРШИНАХ МОГУЩЕСТВА — СУЭЦКИЙ ЗАЕМ —
КРАХ «КРЕДИТАНШТАЛЬТ» — АВАНТЮРА
С ГИММЛЕРОМ — ВОЗРОЖДЕНИЕ КЛАНА**

Банкирский дом Ротшильдов просуществовал полтора столетия, прежде чем открыл свой филиал в Швейцарии, в этом, так сказать, финансовом центре мира. Впрочем, в истории династии Ротшильдов этот факт не играет какой-то заметной роли: просто он символизирует, что в 70-х годах XX в. Ротшильды вновь вступили на путь расширения своего финансового влияния в мире. Но уже в начале 50-х годов стало очевидно, что окруженный легендами банкирский клан оправился от потрясений, причиненных второй мировой войной, и снова занял свое место среди наиболее влиятельных банкирских домов мира.

Когда-то о потомках первых Ротшильдов ходила поговорка, что младенцы в этом роду появляются на свет сразу в 150-летнем возрасте и 150-кратными миллионерами. Цифры эти, возможно, не очень точны, но они символизируют одно — и это соответствует действительности, — что «финансовый стиль» Ротшильдов традиционен и аристократичен. Ведь известно, что цюрихский филиал фирмы, например, согласен принять в число своих клиентов только лиц, имеющих капитал не меньше, чем 1 млн. швейц. франков.

По семейному «балансу» клана во всяком случае можно с уверенностью сказать, что этот стиль выдержал все испытания экономических и политических катастроф и потрясений. И поныне в руках Ротшильдов находится крупнейший банк Франции. Английская ветвь клана Ротшильдов тоже владеет самым влиятельным частным банком Великобритании.

Собственностью французской ветви династии Ротшильдов был также и крупнейший железнодорожный комплекс Франции «Компани дю Нор», после национализации которого ротшильдовский банк в виде компенсации получил 270 тыс. французских государственных акций. К тому же в собственности клана и после национализации сохранились многие предприятия. В руках Ротшильдов остался и крупнейший горнодобывающий концерн «Ле Никель» и не менее богатая компания «Пеньярройя». Значительные финансовые интересы Ротшильды имеют в нефтяном тресте «Ройял датч-Шелл», в горнорудной монополии «Рио Тинто» и в тресте «Де Бирс», занимающемся добычей алмазов. В последние 20 лет Ротшильды финансировали деятельность нескольких крупных экономических проектов. Их объединяет находящаяся под контролем династии «Компани финансьер». К числу крупнейших из них относятся и предприятия по добыче никеля в Сахаре, и нефтеперерабатывающий трест «Антар», который впоследствии был продан Ротшильдами французскому государству, и долевое участие в создании горнорудных предприятий по добыче золота, урана, железа, магнезита на территории ряда африканских стран, и капиталовложения в строительство и эксплуатацию центра туризма на всем юге Франции — от Шамони до Средиземноморского побережья.

Не в последнюю очередь все это означает и активное влияние Ротшильдов на политику страны. Так, Рене Мейер в 1938 году, будучи генеральным директором у Ротшильда, вел переговоры с французским правительством относительно национализации принадлежавших Ротшильду железных дорог, а после второй мировой войны сам несколько раз возглавлял сначала правительство Франции, а позднее Европейское объединение угля и стали, впоследствии переросшее в западноевропейский «Общий рынок».

Принадлежал к числу советников де Голля и Помпиду, перешедший в свое время в окружение генерала с поста генерального директора фирмы Ротшильда. Позднее он тоже встал во главе сначала французского правительства, а затем — французского государства.

Клан Ротшильдов ведет свою родословную из Франкфурта-на-Майне в Германии. Предки основателя династии Ротшильдов Майера Ротшильда жили на протяжении многих поколений в убогом доме на перегороденной с обеих сторон Юденгассе (еврейской улице), где возле

запиравших вход и выход тяжелых цепей стояла стража. На углу дома болталась на цепочке красная табличка (по-немецки — ротшильд), от названия которой семья, обитавшая в этом доме, и получила свое прозвище-фамилию. Молодой Майер Ротшильд обучался ремеслу в городе Ганновере (Северная Германия), поскольку в этом городе власти были более снисходительны, чем во Франкфурте, к обитателям еврейского гетто. А когда после нескольких лет, проведенных в качестве ученика в банкирском доме Оппенгеймеров, Майер Ротшильд в 1764 году возвратился домой, во Франкфурт, здесь ему сразу же напомнили, что, согласно закону Франкфурта, каждый мальчишка на улице может крикнуть ему: «Жид, знай свое место!» И он должен был, втянув голову в плечи, пробираться по улице, робко прижимаясь к стене и сняв с головы островерхий колпак. За время, пока он учился в Ганновере, семья его во Франкфурте окончательно обеднела и жила уже не на «богатом конце» Юденгассе и не в доме под красной вывеской, а в ветхой сырой лачуге, где по тогдашним обыкновениям с карниза свисала сковорода на цепочке, и дом этот так и назывался — «дом под сковородой».

В этом-то доме, темном и жалком, и открыл свою маленькую фирму Майер Ротшильд. Сначала он держал торговлю старинными монетами, сам составлял каталоги и развозил эти монеты по заказу из одного германского княжества в другое. Так у него возникли связи с аристократами, которые тогда повально увлекались коллекционированием старинных денег, в том числе и с герцогом Вильгельмом, владельцем герцогства Ханау. Герцог купил у него сразу несколько монет. Это был первый «гешефт» Ротшильда с главой иностранного государства.

Вскоре в «доме под сковородой» Майер Ротшильд оборудовал уже некое подобие лавки денежного менялы, где проезжие купцы могли поменять деньги одних германских княжеств на валюту других. Так возник первый банк фирмы Ротшильдов — в комнатухе в 4 кв. м! Доходы от обмена иностранной валюты Майер Ротшильд использовал на расширение своей торговли старинными монетами. Он скупил несколько лавок, которые принадлежали попавшим в трудное положение менялам, вместе с запасом монет. С полученным таким путем «торговым запасом» он снова объехал все маленькие германские княжества и герцогства. Однажды во время вояжа в

Веймар ему посчастливилось заключить сделку с покровителем самого Гёте — с герцогом Карлом-Августом.

Расширение деловых связей Ротшильда в конце концов привело к тому, что на стену «дома под сковородой» в 1769 году прибили новую вывеску. На ней уже красовался герб герцогского дома Гессен-Ханау и надпись золотыми буквами внизу: «Майер Ротшильд, управляющий делами герцога Вильгельма, его высочества князя Ханау».

Управление делами герцога было делом доходным, да и сам Вильгельм тоже был довольно колоритной фигурой. Он доводился внуком английскому королю Георгу II, двоюродным братом Георгу III, шурином королю Швеции, а также был племянником короля Дании. Но не это было самым главным. Куда важнее было другое обстоятельство: он первым из немецких князей сочетал свою принадлежность к аристократии с предоставлением кредитов под ростовщические проценты, с грубым и наглым стяжательством.

Вскоре должниками Вильгельма оказались больше половины государей Европы. Кроме того, он научился превращать в золото даже кровь самих гессенцев. Его не знавшие милосердия и пощады унтер-офицеры умели вымуштровывать дисциплинированных и готовых на все наемников. И как только новая рота ландскнехтов заканчивала подготовку, герцог тотчас же продавал ее за большие деньги англичанам — для поддержания порядка в заморских колониях, разраставшейся в то время Британской империи. Всякий раз, когда в дальней английской колонии убивали какого-то гессенского наемника, герцог Вильгельм получал за него большую денежную компенсацию. И очень скоро властелин крошечного герцогства сделался богатейшим феодалом в Европе, своего рода банкиром-ростовщиком, кредитором многих европейских князей и королей. Постепенно в этот бизнес включился и Майер Ротшильд. Наряду с другими менялами и банкирами, он время от времени получал от герцога Вильгельма поручения — взыскать тот или иной иностранный долг (разумеется, за соответствующее вознаграждение).

И вот пробил час, когда разбогатевшее семейство Ротшильдов смогло переселиться в новый дом — уже «под зеленой вывеской» — и стало вместо Ротшильдов называться Грюншильдами (грюн по-немецки — зеленый). Некоторое время Ротшильды даже всерьез подумывали,

не взять ли это их новое уличное прозвище в качестве фамилии, но потом все же решили остаться при старой фамилии. С ней они и вошли в историю.

Но этот постепенный прирост их богатства еще ничего не значил. На протяжении почти 20 лет Майер Ротшильд платил подоходный налог всего лишь в 2 тыс. флоринов в год. Только в 1795 году придирчивые городские финансовые инспекторы увеличили размер налогов с Ротшильда до 15 тыс. А это, по понятиям франкфуртского гетто, означало самый высокий уровень богатства. В гетто, но не в финансовом мире германских княжеств.

Настоящий «финансовый взрыв» подготовил уже не сам Майер Ротшильд, а его пятеро сыновей, ставшие финансовыми воротилами Германии, Англии, Австрии, Италии и Франции.

Один биограф династии, немецкий граф Цезар Корти в книге «Возвышение дома Ротшильдов» писал: «Каждый раз крушение какого-то государства приносило Ротшильдам новые богатства». Как мы увидим дальше, дело, конечно, обстояло гораздо сложнее. Однако факт остается фактом: первый «международный гешефт» удался пятерым Ротшильдам в 1804 году именно благодаря тому, что как раз совершенно разорилось Датское королевство. Король Дании приходился дядей к тому времени уже сказочно богатому герцогу Вильгельму. И Вильгельм решил дать своему дяде денег взаймы. Но устроить все это он хотел так, чтобы его имя не фигурировало в сделке, в которой с должника взимаются огромные ростовщические проценты: ведь даже сказочно богатому герцогу-племяннику не пристало обирать до нитки своего угодившего на край финансового краха родного дядюшку-короля. И герцог перепоручил это дело пятерым братьям Ротшильдам. Для них это было своего рода международным дебютом, но в то же время и большим успехом дома. Это был первый случай, когда семейство Ротшильдов «на целый корпус» обошло банкиров Франкфурта, происходивших из старинных патрицианских родов, и те пришли в ярость от одного известия, что «миллионеры из гетто» ссужают под большие проценты самого датского короля.

После трюка с Данией дом Ротшильдов, казалось, был уже на верном пути к званию «придворного банкира герцога Вильгельма», считавшегося одним из богатейших европейских государей. И вдруг появление на европейской арене Наполеона сокрушает этот столь благоприят-

но начавшийся «бизнес»! В 1806 году французская армия, захватив пол-Европы, заняла и Гессен. Герцог Вильгельм тоже был обращен в бегство. А ведь он был самым главным из покровителей Ротшильдов. К тому же один из пяти братьев Ротшильдов Натан застрял в Лондоне и таким образом был совсем отрезан от континента.

Однако министерство финансов Наполеона все равно не смогло одолеть семейства Ротшильдов. Должники лишившегося своего трона герцога Вильгельма формально были обязаны уплатить долги, собранные со всей Европы, французской казне. Однако четыре молодых Ротшильда вихрем промчались по немецким княжествам и герцогствам в экипажах с «двойным дном» и ухитрились под носом французских властей собрать золото с должников для герцога Вильгельма. Французская полиция, правда, вскоре появилась во франкфуртском гетто и перерыла весь дом «под зеленой вывеской». Но там полицейские нашли только старого, сгорбленного, с трясующимися руками «банкира», который занимался учетом векселей мелких кредиторов. Векселя же, выданные должниками герцогу Вильгельму, были спрятаны под двойным полом экипажей сыновей этого «банкира».

Понятно, что герцог Вильгельм не требовал, чтобы собранное для него с должников золото Ротшильды немедленно передавали ему. И сыновья старого Ротшильда стали подыскивать, куда бы выгоднее вложить эти лежащие пока без дела деньги. Таким выгодным «местом приложения капитала» оказалась континентальная блокада Англии, отчаянно борющейся против Наполеона. В годы блокады Европа только контрабандой могла получать с Востока колониальные товары, пряности и всевозможное промышленное сырье. И с точки зрения организации такой регулярной контрабандной торговли то обстоятельство, что пятый сын Ротшильдов, Натан, застрял в Лондоне, являлось даже очень полезным для общего дела. Именно Натан и создал надежную сеть контрабандистов, которые проходили через любые кордоны наполеоновской блокады Англии и провозили на континент хлопок, шелк, табак, сахар, кофе и краситель для тканей — индиго. Настоящий поток этих товаров, необходимых для фабрик и потребителей Европы, хлынул на континент — разумеется, по фантастическим блокадным ценам. Таким образом, наполеоновская блокада пошла на пользу семейству Ротшильдов, вызвав рожде-

ние контрабандной торговли, организованной для ее прорыва.

Добытых за годы войны денег и установленных деловых связей теперь было достаточно, чтобы после крушения Наполеона Ротшильды занялись уже своей основной и отныне официально признанной деятельностью. Этот новый поворот в деятельности клана Ротшильдов организовал опять-таки Натан, теперь намеренно осевший в Лондоне. Он же дал и характеристику новому курсу: «Ротшильды оставили контрабанду и продают единственно стоящий товар — деньги».

Поскольку основным капиталом для организации контрабандной торговли являлись средства, тайком собранные ими для герцога Вильгельма с его должников, теперь встал новый вопрос, во что еще вложить скопившиеся у банкиров в условиях блокады огромные деньги. Натан Ротшильд и его четыре брата, оставшиеся на континенте, наладили между собой тайную переписку, с помощью которой братья решили, что будут играть на поражение Наполеона. Надо отдать должное их прозорливости; ведь это решение было принято ими еще в дни военных триумфов французского императора, когда ничто не предвещало его предстоящего падения.

Практическое значение этого решения состояло в том, что Ротшильды убедили герцога Вильгельма все свое состояние (около 20 млн. долл. по нынешнему курсу, что в те времена считалось почти невысказанно большим богатством) вложить в облигации английского государственного займа. Выполнять это решение поручили Натану Ротшильду, которому братья с помощью своих контрабандных связей смогли переправить эту гигантскую сумму в Англию. Натан же предпринял еще один «виток» в этой гонке за прибылью. Первоначально они поручили ему на все деньги герцога Вильгельма приобрести облигации английского государственного займа по курсу 72 фунта за облигацию. Английский же Ротшильд, дождавшись, когда в результате временных успехов Наполеона облигации английского государственного займа упадут в цене, скупил их значительно дешевле. Разницу он, разумеется, положил себе в карман.

К тому времени лондонский банк Ротшильдов сделался уже такой могущественной «финансовой державой», что операции с деньгами герцога Вильгельма его уже не устраивали. И Натан Ротшильд принялся присматривать себе «рыбу» покрупнее. А эта «крупная рыба»

плавала у берегов Индии и называлась Ост-Индской компанией. Задача же Ротшильдов состояла только в том, чтобы перебросить золотой запас этой компании герцогу Веллингтону, армия которого в это время сражалась на Пиренейском полуострове. Дело это было не из легких. Сначала Натан Ротшильд на сумму в 800 тыс. фунтов (тогдашних фунтов!) купил золото у Ост-Индской компании, потому что знал, что английскому правительству золото позарез нужно для герцога Веллингтона. И он продал это золото правительству Англии с огромной прибылью. Однако англичане не знали, как же теперь перебросить это золото Веллингтону. Единственно возможный путь, конечно же, лежал через территорию Франции. Безрассудство? Но Ротшильды взялись за выполнение и этого поручения английского правительства, и в один миг Натан Ротшильд сделался банкиром английской армии.

Братья Ротшильды, находившиеся на континенте, решили эту задачу остроумно, тонко и с большой хитростью, которая и в дальнейшем тоже была характерна для них. Самый младший из Ротшильдов, Якоб, который впоследствии велел называть себя Джеймсом, неожиданно появился в Париже. Ему еще не было и 20-ти, и он ни слова не знал по-французски. Однако он с блеском выполнил стратегический план своих братьев, хитроумно обманув французские власти. Надо сказать, способ, к которому он прибег, был удивительно простым. Остальные четыре Ротшильда написали Джеймсу письма, на его парижский адрес, в дом номер пять по улице Наполеон. В этих письмах Ротшильды притворно жаловались своему парижскому братцу, что они собирались вывезти золото из Англии в Испанию, но английское правительство наотрез отказало им, потому что боится такой утечкой золота ослабить государство. Ротшильды позаботились, чтобы их послания к брату в Париж попали в руки французской тайной полиции. И министерство финансов Франции заглоло «наживку». Если англичане против того, чтобы золото уплывало из Англии, решили во французском министерстве, надо помочь этим brave Ротшильдам, чтобы они все же смогли вывезти это свое жалкое золотишко...

Трюк с притворными письмами удался: правительство Наполеона действительно помогло Ротшильдам, чтобы английское золото в конце концов попало сначала в Испанию, а затем в руки Веллингтона. Золото беспре-

пятственно перевезли через Ла-Манш, оттуда Джеймс Ротшильд привез его в Париж, а Карл Ротшильд, впоследствии миллионер в Неаполе, с помощью французских банкиров переправил его уже дальше, через Пиренеи.

Конечно, дело было не лишено риска. В какой-то момент начальник полиции города Кале во Франции даже заподозрил недоброе. Но его «подмазали». Потом стал требовать от своего правительства ордера на арест некоего Джеймса Ротшильда уже начальник полиции Парижа. Однако министерство финансов продолжало слепо верить притворным письмам к парижскому Ротшильду, и золото беспрепятственно продолжало поступать в армию Веллингтона.

К концу наполеоновских войн Ротшильды практически держали в своих руках финансовые связи не только английского правительства с Веллингтоном, но и между Англией и ее союзниками — Австрией, Пруссией и царской Россией.

Заключительный аккорд наполеоновской эпохи — битва под Ватерлоо — даровал Ротшильдам еще больший шанс. Битва под Ватерлоо, как известно, сделала Англию первой державой Европы, а Ротшильдов — первыми банкирами континента. Жирный «куш Ватерлоо» Ротшильдам удалось захватить потому, что во время наполеоновских войн пять братьев-банкиров для осуществления своих рискованных финансовых операций организовали не имевшую ранее примера в истории информационную и курьерскую службу. (Эта служба продолжала существовать в своей первоначальной форме для лондонской ветви Ротшильдов и после победы над Наполеоном, вплоть до второй мировой войны!)

Информация вообще стоит денег, а что могло быть дороже информации об исходе битвы под Ватерлоо? Связь, надеюсь, здесь ясна, и лондонская биржа следила за ее исходом со страхом. Если при Ватерлоо победит Наполеон, цены облигаций английского государственного займа начнут падать. Если же он проиграет сражение, империя его мгновенно рухнет, и бумаги подскочат в цене до небес.

19 июня 1815 г. поздно вечером курьер Ротшильдов сел в порту Остенде на быстроходный корабль курьерской службы Ротшильдов, который, согласно законам банкирского дома, не имел права перевозить никого из «посторонних». Натан Ротшильд ночь на 19 июня провел на английском побережье Ла-Манша в одном из портов,

в Фолкстоне, и на рассвете 20 июня уже знал от своего курьера, что Наполеон битву под Ватерлоо проиграл. Курьер Ротшильдов на восемь часов опередил всех остальных, даже курьера самого герцога Веллингтона.

А Натан Ротшильд первым делом сообщил о поражении Наполеона английскому правительству, после чего отправился на фондовую биржу. Всякий средней руки банкир, имея в руках такую информацию, принялся бы на все свои деньги скупать долговые бумаги английского государственного займа. Всякий, но не Натан Ротшильд! Он, наоборот, продал облигации английского государственного займа. В огромном количестве. Ни слова не говоря. Просто стоял на своем привычном месте на бирже у колонны, которая с тех пор так и называется — «колонна Ротшильда», и продавал, продавал... По бирже пронесся слух: «Ротшильд продает!» Значит, он что-то знает! Значит, битва при Ватерлоо проиграна?! А лондонский Ротшильд продолжал выбрасывать на фондовый рынок все новые пакеты английских государственных бумаг. И лишь затем, выждав подходящий момент, когда государственные бумаги упали до самого низкого уровня, но биржа еще не проснулась, он одним махом все, что только что продал, скупил назад. Но уже за мизерную часть их номинальной стоимости. А несколько часов спустя до биржи дошло официальное сообщение о поражении Наполеона. И цена на облигации государственного займа Англии снова взвилась вверх. На недосягаемую высоту. Банкирский дом Ротшильдов загреб буквально бесчисленную прибыль.

Фредерик Мортон, один из летописцев династии, 140 лет спустя так комментировал эти события: «Не поддается учету, сколько замков, скаковых конюшен, картин Ватто, Рембрандта заработал он для своих потомков в этот день».

После падения Наполеона банкирский дом Ротшильдов осуществил выплату Лондону, Вене и Берлину французских репараций в сумме 120 млн. ф. ст., разумеется, за жирные проценты. Через их же руки потекли финансовые средства, которые английское правительство предоставило Вене в качестве материальной компенсации за потери в войне против Наполеона. Поэтому в 1817 году венский императорский двор милостиво дал понять Ротшильдам, что они заслуживают награды. Надворный советник фон Ледерер, ведавший вручением императорских наград и поощрений, внес предложение пожаловать

Ротшильдам табакерку из золота с бриллиантовой монограммой императора на крышке. В ответ Ротшильды деликатно информировали двор, что бриллиантов у них своих предостаточно, лучше уж пусть им пожалуют дворянство. Правительство охнуло, но фон Ледерер посоветовал императору: «Учитывая, что братья Ротшильды — иудеи, определим их на самую низшую ступень дворянства». Так Ротшильды получили из Вены право писать свою фамилию с приставкой фон.

Предложили братьям представить двору и проект своего фамильного герба. Братья были люди смелые и направили в императорскую канцелярию такой проект дворянского герба, которому могли позавидовать и наследные принцы. На этом гербе было все на свете — от орла до леопарда, от льва до пучка из пяти золотых стрел, зажатых в руке, которые символизировали единые пятерых братьев. Кроме того, они запроектировали вокруг герба нарисовать воинов с коронами на головах и в доспехах. Перепуганная «геральдическая канцелярия» написала министру финансов, что предлагаемый Ротшильдами проект герба нельзя утвердить, потому что, согласно законам геральдики, на гербе простых дворян не положено изображать ни короны, ни льва, ни орла. Затем чиновники канцелярии взялись за перья и исчеркали новый герб, изготовленный по заказу Ротшильдов за такие большие деньги.

Немногим позднее, 23 сентября 1822 г., банкирский дом Ротшильдов предоставил Меттерниху личный заем в 900 тыс. золотых флоринов сроком на семь лет под очень льготные проценты. И сразу, через какие-то пять дней, императорским указом все пять братьев Ротшильдов были возведены в ранг баронов, а бюрократы из «геральдической канцелярии», скрежеща зубами, позволили изобразить на гербе все, что Ротшильды ранее изобразили на своем проекте герба: и орла, и льва, и боевой шлем.

Так что и по сей день герб, полученный милостью Меттерниха, красуется на бумаге для личной переписки членов банкирского дома Ротшильдов.

В Лондоне же в первые десятилетия после падения Наполеона и на многие поколения вперед интересы английского государства тесно переплелись с интересами Ротшильдов. (Банк Англии и ныне часть своих операций с золотом осуществляет через банкирский дом Ротшильдов. В лондонском офисе госбанка на третьем этаже

сидят представители пяти крупнейших банкирских домов, в том числе и представитель банка Ротшильдов. Они-то и определяют на каждый день курс золота на английской бирже.)

Один из братьев Ротшильдов — Джеймс, обосновавшийся во Франции, главный герой трюка с контрабандой золота для Веллингтона, теперь занимал пост генерального консула Австрийской империи в Париже. В 1828 году он купил изумительный по красоте и богатству дворец министра полиции Наполеона Фуше на улице Лаффит. (Когда у него спросили, почему он выбрал именно этот дворец, Джеймс Ротшильд отвечал: «Потому что этот самый Фуше вынюхивал мои следы в деле Веллингтона и чуть даже не арестовал».) И по сей день этот дворец — верховная ставка Ротшильдов во Франции.

Поэт Гейне несколько раз бывал гостем в доме на улице Лаффит, но его свободолюбивый нрав не очень-то сносил всеобщее коленопреклонение перед золотым тельцом, и Гейне писал: «Наблюдал, как кланяются и унижаются перед ним люди. Изгибают свои позвоночники, как не смог бы ни один самый выдающийся акробат. Моисей, очутившись на святой земле, снял обувь. И я уверен, что эти деловые агенты тоже побежали бы во дворец босыми, если бы не побоялись, что запах их ног будет неуютен барону... Сегодня я видел, как один разодетый в золотую ливрею лакей шел с баронским ночным горшком по коридору. Какой-то биржевой спекулянт в это время стоял в коридоре. Перед столь важным сосудом сим он даже снял шляпу. Я запомнил имя этого человека, потому что со временем он непременно станет миллионером...»

Гейне не склонился перед золотым тельцом. Однажды Джеймс Ротшильд устраивал званый ужин для нескольких своих приятелей, тоже банкиров. После ужина он пригласил на кофе и коньяк и Гейне — наверняка для того, чтобы тот блеском своего остроумия развлекал банкиров. Но поэт вернул приглашение с такой припиской: «Милый господин барон, я имею обыкновение пить кофе после ужина там, где я поужинал...»

Ну, а Вена была, разумеется, особым случаем, учитывая, что здесь Ротшильды сталкивались с более строгими антиеврейскими законами и распоряжениями, чем в Англии или Франции. Евреям в Австрии не разрешалось иметь земельных владений, занимать государственные должности или выполнять политические поручения.

Засилье австрийской полиции было настолько сильным, что Ротшильды во избежание возможных неприятностей даже не пытались направить своего представителя на знаменитый Венский конгресс, созванный союзниками для обсуждения вопросов, связанных с победой над Наполеоном. В Лондоне и в Париже они уже были «королями», а в Вене еще не смели даже приблизиться к простому министру.

И все же и венские Ротшильды тоже пробились через сети бюрократических рогаток австрийской монархии, нашли путь к всесильному Меттерниху и к украшенному короной и орлами баронскому гербу.

По поручению братьев Ротшильдов Соломон Ротшильд приехал в 1819 году в Вену. Ввиду «ограничительного закона» он не мог владеть здесь собственным домом и потому для начала снял комнату в гостинице «Римский император». Первым делом он организовал для австрийского правительства государственный заем в 50 млн. флоринов. Заем этот с Ротшильдом в качестве гаранта имел колоссальный успех, сам его инициатор заработал на нем 6 млн. Несколько миллионов заработал и венский двор. После этого государственного займа Соломон Ротшильд стал арендовать в «Римском императоре» уже целый этаж, затем — через несколько месяцев — еще один и так далее, пока наконец к нему не перешла в аренду вся гостиница. Хотя юридически быть домовладельцем он по-прежнему не имел права.

За успехом государственного займа последовало ловкое управление субсидиями, которые давали Вене английские банкиры. И наконец Ротшильд «провертывает» еще одно довольно деликатное «фамильное дело». Героиней этой истории явилась Мария-Луиза, дочь австрийского императора, отвергнутая жена Наполеона I. Венский конгресс признал Марию-Луизу «жертвой Наполеона» и подарил покинутой мужем австрийской принцессе Пармское герцогство, а Меттерних — аристократического возлюбленного в лице придворного фон Нейпперга. Вскоре принцесса сочеталась тайным браком с Нейппергом, настолько тайным, что детей от этого брака долгое время даже не регистрировали. Тем не менее дети были все же внуками австрийского императора, и потому Меттерних поручил Соломону Ротшильду потихоньку продать часть Пармского герцогства, а затем во что-нибудь повыгоднее вложить деньги, чтобы у внебрачных внуков понемногу образовалось хорошенькое наследство.

Ротшильд выполнил и это поручение, и с этого дня он уже совместно с Меттернихом, на правах его союзника, управлял Австрией. Ну, а отсюда оставался всего лишь один шаг до вышеупомянутого золотого займа в 900 тыс. флоринов и до украшенного короной, орлом и львом баронского герба.

В 1835 году умер император Франц, и Меттерних, боясь, как бы паника на бирже не потрясла самые основы австрийской экономики и его личные позиции, снова обратился за помощью к Соломону Ротшильду. И тот вместе со своим парижским братцем Джеймсом Ротшильдом сделал во всеуслышание официальное предложение: если кто-то хотел бы продать облигации австрийского государственного займа, банкирские дома венских и парижских Ротшильдов готовы за любую, самую высокую цену их приобрести. Европейские биржи успокоились. Ротшильд еще раз оказал помощь переживавшему временные трудности Меттерниху. (Вот несколько строк из письма австрийского посла в Париже Меттерниху: «Должен признаться Вам, господин Канцлер, что в результате потрясающе сильного влияния банкирского дома Ротшильда была задушена в зародыше финансовая паника, которая уже начала было овладевать некоторыми нервными вкладчиками».) Вместе, плечом к плечу, Меттерних и Ротшильд стояли и в революционной буре 1848 года. (Меттерних писал тогда Соломону Ротшильду: «Если меня заберет черт, он утащит с собой и Вас».)

13 марта вечером черт явился «забирать» Меттерниха: революционная толпа публично жгла его портреты на венских улицах. Двадцатью часами позже Меттерних спасся бегством во Франкфурт. Здесь он положил в карман тысячу золотых флоринов, которые ему презентовал австрийский Ротшильд с помощью чека, выписанного на банкирский дом Ротшильдов во Франкфурте. А через несколько месяцев и в апартаменты Ротшильда в гостинице «Римский император» тоже вломилась разъяренная толпа, и Ротшильд также — по крайней мере на время — сбежал во Франкфурт.

Он был «абсолютным банкиром абсолютного канцлера», символом гнета династии Габсбургов. Ну, а такие связи исключительно прочны. Ныне живущий потомок легендарного канцлера Меттерниха князь Меттерних каждый год посылает в Париж барону Эли Ротшильду ящик рейнского вина, а тот, в свою очередь, отвечает

ему ящиком «Шато Лаффит» из погребов известных всему миру виноградников. И путешествует не только вино. Западные журналы в рубрике «Общественная хроника» каждый год отмечают, что члены семей Ротшильда и Меттерниха посещают друг друга в их семейных замках.

В Риме в 1832 году появился даже едкий памфлет, который распространяли на улицах города. Текст его гласил: «Ротшильд только что поцеловал руку папы, а, прощаясь, самым утонченным образом выразил удовлетворение деяниями наместника Святого Петра на земле. Не башмак Святейшего отца получил Ротшильд для поцелуя, а целый мизинец на руке, чтобы толстосуму не нужно было слишком низко склоняться в поклоне».

Злому памфлету предшествовало такое событие: четвертый (итальянский) из братьев Ротшильдов, Карл, в то время был еще владельцем крупнейшего банкирского дома в Неаполе. Через своих братьев Карл убедил Меттерниха, что австрийцы должны вывести свои войска из Неаполитанского королевства. Карл Ротшильд дал деньги тосканскому герцогу, чтобы осушить гигантские болота. Он же предоставил папе римскому заем для модернизации сельского хозяйства в его владениях. А папа Георгий XVI, приняв заем, не только дал возможность Ротшильду избежать слишком глубокого поклона, но и пожаловал итальянскому Ротшильду Большой крест ордена Святого Георгия.

В Германии, между тем, главой династии считали пятого из братьев — Амшеля Ротшильда. Он был глашатаям всего клана и обращался к правителям европейских стран за орденами и должностями консулов. Франкфуртский дом согласовывал всю международную стратегию династии. Не было ни одного капиталовложения на землях между Рейном и Дунаем, к которому не приложил бы руку Амшель. Сотни немецких заводов, железных дорог и шоссе в проектах родились сначала в комнатах франкфуртского дома Ротшильдов. А в саду этого дома уже давно был частым избранным гостем молодой пруссак, которому впоследствии суждено было стать канцлером Германской империи, — Отто фон Бисмарк. В 1851 году, когда Пруссия послала Бисмарка своим представителем на всегерманскую конференцию, Амшель стал казначеем «федерации германских государств», и это (как пишет один из его биографов Маркус Эли Раваж в книге «Пять человек из Франкфурта»)

означало в известном смысле, что он стал министром финансов позднее родившейся из «федерации» Германской империи.

Из Франкфурта направлялась и династическая «политика браков» клана Ротшильдов. Согласно «конституции клана», сыновья из дома Ротшильдов должны были жениться на девицах из отдаленных ветвей Ротшильдов же, а девушки из дома Ротшильдов должны были по возможности выходить замуж за аристократов. В Лондоне дочь Натана Ротшильда стала женой лорда Саутгемптона. Одна его племянница, тоже из дома французских Ротшильдов, — супругой графа Розбери. Позднее ее муж стал премьер-министром Британской империи. Девушка из дома неаполитанских Ротшильдов вышла замуж за герцога де Грамона, а ее сестра — за герцога Ваграмского.

Третий брачный закон дома Ротшильдов предписывал: все свадьбы должны были игратья во франкфуртском доме. И аристократы, бравшие в жены девиц из дома Ротшильдов, вынуждены были подчиняться этим неудобным правилам. Роскошные кареты, как правило, не умещались на узких улочках еврейского гетто, и гости пешком плелись по булыжным улицам, а шлейфы дам мели пыльную мостовую. Этот закон оставался в силе вплоть до того самого времени, когда Амшель Ротшильд умер в возрасте 80 лет.

В том, что история дома Ротшильдов так переплелась с историей Европы в ее важнейших поворотах, огромную роль играло умение Ротшильдов быстро собирать информацию. А если надо — и распространять дезинформацию. Лучше всего это демонстрирует пример с курьером, сообщившим об исходе битвы при Ватерлоо.

В феврале 1820 года Ротшильды первыми узнали, что перед зданием парижской оперы был убит единственный наследник французского короля Людовика XVIII. С ним вместе умерли надежды Бурбонов возвратиться на трон. Гонцы Джеймса Ротшильда первыми примчались в Лондон, Вену, Франкфурт и Неаполь, и Ротшильды смогли с пользой для себя разыграть на биржах крах престолонаследия Бурбонов еще до того, как правительство или конкуренты Ротшильдов получили сведения о происшедшем.

Десять лет спустя парижские Ротшильды с помощью специально выращенных почтовых голубей быстрее всех сообщили своим братьям — владельцам банковских до-

мов в разных странах известие о начале Июльской революции во Франции. В Англии лондонский банкирский дом Ротшильдов узнал раньше английского правительства о том, что на французский трон вступил Луи-Филипп. Крупнейшая фигура в европейской дипломатии Талейран так писал об этом в письме, которое он отправил сестре Луи-Филиппа: «Ротшильды всегда на 10—12 часов раньше королевских послов информируют английское правительство о событиях. Это происходит потому, что курьеры Ротшильдов пользуются специальными морскими судами, которые не имеют права перевозить никого, кроме этих курьеров, и отправляются в путешествие через Ла-Манш независимо от погоды».

В книге «Ротшильды: семейный портрет» историк Ф. Мортон пишет, что курьерская связь Ротшильдов была надежнее, чем у любой великой державы. Поэтому часто случалось, что послы Англии, Франции, Испании, аккредитованные в различных европейских государствах, доверяли им и свою посольскую почту. Тайная полиция Австрии докладывала канцлеру Меттерниху (а тот отмечал для себя), что курьеры из Неаполя в Париж следуют через город Пьяченца. «Здесь находится австрийский гарнизон, и потому, — гласило полицейское донесение, — может быть, нужно попытаться уговорить курьеров, чтобы они предъявляли нам перевозимые ими письма для просмотра».

Дружба Меттерниха с Ротшильдами, разумеется, не помешала канцлеру Австрии отдать приказ об обыске курьеров, а Ротшильдам, со своей стороны, — обманывать канцлера. Меттерних дал указание австрийским гарнизонам в Италии: считать курьеров Ротшильда «официальными австрийскими курьерами», только если они везут письма, запечатанные императорской печатью. В других случаях все письма распечатывать и подвергать цензуре. Ротшильды на этот приказ канцлера ответили созданием второй, параллельной курьерской сети. У курьеров этой сети не было иной задачи, как позволить себя задержать и дать проверить находившуюся при них почту. На их глазах письма вскрывались, но в них, разумеется, содержалась дезинформация. Австрийская же полиция прилежно пересылала эту дезинформацию Меттерниху.

Стоит ли удивляться после всего этого, что в 1870 году Наполеон III с помощью французских и английских Ротшильдов пытался выяснить: согласно ли английское

правительство оказать Франции помощь в случае нападения на нее Пруссии? Лондонский Ротшильд вместе с английским премьер-министром Гладстоном появился на аудиенции у английской королевы Виктории в Виндзорском замке. После этой аудиенции английское правительство приняло решение не оказывать Франции помощь. Так французские Ротшильды раньше, чем сам Наполеон III, узнали, что в 1870 году начнется франко-прусская война. И, разумеется, в соответствии с этим направляли свою финансовую политику.

После крушения Франции император Вильгельм I, Мольтке и Бисмарк разместили свою ставку верховного командования в одном из замков Ротшильда во Франции, в Ферри. Император обошел вокруг весь замок, сад, конюшни, оранжереи и в заключение сказал: «Король такого богатства не сможет оплатить. На это способен только Ротшильд».

Ротшильды стояли и у колыбели Британской империи. К 1860 году Ротшильды возвели в Лондоне свой городской дворец по соседству с дворцом герцога Веллингтона, на улице Пикадилли, 148. 14 ноября 1875 г. здесь ужинал Дизраэли, премьер-министр Англии. Во время ужина слуга на серебряном подносе подал сэру Лайонелу Ротшильду, тогдашнему главе лондонского банкирского дома Ротшильдов, послание, отправленное одним из тайных агентов парижских Ротшильдов. Лайонел прочитал его гостю. Суть послания состояла в том, что запутавшийся в долгах хедив, правитель Египта, предложил французам составлявшие собственность Египта акции Суэцкого канала. Но хедив недоволен ценой, которую готово заплатить за эти акции правительство в Париже. Суэцкий канал являлся, разумеется, и в то время одним из важнейших стратегических, торговых и политических мировых путей. И англичане уже давно мечтали наложить на него свою руку, но им никак не удавалось вынудить к переговорам хедива. Сообщение шпионов парижским Ротшильдам означало, что сейчас такой случай представился. Как писали современники, Дизраэли только спросил у Лайонела Ротшильда: «И сколько же египтяне хотят?» После этого оба поднялись от стола и пошли телеграфировать в Париж. Пока в библиотеке был подан коньяк, от парижских Ротшильдов уже прибыл ответ: хедив просит 4 млн. фунтов (по тогдашнему курсу — 44 млн. долл.).

На другой же день политическая машина, хотя и не

без скрипа, пришла в движение. Парламент как раз находился на каникулах, а закон запрещал Банку Англии предоставлять займы в перерывах между парламентскими сессиями. И вообще руководители банка сказали лорду Дизраэли: такой большой заем — в 4 млн. фунтов — они не смогут выдать сразу, в одной сумме, не подвергнув потрясению лондонскую денежную биржу. Дизраэли же знал, что все зависит сейчас от быстроты, почти молниеносности действий. Сначала он попросил аудиенции у королевы Виктории, потом созвал заседание совета министров. После получасового совещания премьер появился из зала заседаний и ожидавшему в передней своему секретарю сказал только: «Да».

Секретарь знал: речь идет о том, что кабинет уполномочил Дизраэли просить заем на покупку Суэцкого канала не у Банка Англии, а у Ротшильдов. «Когда секретарь премьер-министра вошел в комнату, — пишет биограф Ротшильдов Ф. Мортон, — Лайонел Ротшильд, сидя в кресле, ел мускатный виноград. Он продолжал лакомиться виноградом и когда посланец Дизраэли сказал ему, что английское правительство очень хотело бы завтра к утру получить взаймы 4 млн. фунтов. Секунды две Лайонел молча разжевывал виноградные ягоды, а затем, выплюнув зернышки, сказал: «Ну что ж, получит».

Двумя днями позже лондонская «Таймс» заявила, что банкирский дом Ротшильдов перевел на счет египетского хедива 4 млн. фунтов и тем самым дал возможность правительству ее величества приобрести 177 тыс. акций, ранее находившихся в руках правителей Египта. А это давало Великобритании право контроля над Суэцким каналом. 24 ноября 1875 г. Дизраэли отправил восторженное письмо королеве Виктории: «Он — Ваш, мадам, Ваш! Мы переиграли французское правительство. Четыре миллиона фунтов стерлингов, и причем немедленно! Это могла сделать только одна фирма в мире — Ротшильды!»

Десятки других подобных эпизодов украшают историю Ротшильдов. В опубликованной перед первой мировой войной статистике говорилось, что лондонский банкирский дом Ротшильдов финансировал 18 глав правительств в различных странах мира. Сумма предоставленных им кредитов по нынешнему курсу составила 30 млрд. долл. Супруга австрийского императора Франца-Иосифа Елизавета последние дни своей жизни провела на вилле Ротшильдов близ Женевского озера, где ее и сразил кинжал анархиста. Королева Англии Виктория

была постоянной гостьей во дворцах Ротшильдов, и каждое лето несколько недель ее семейство отдыхало в их замках на юге Франции. (В дневниках одного из братьев Ротшильдов содержится запись о том, как баронесса Алиса Ротшильд однажды даже прикрикнула на английскую королеву: «Немедленно сойдите с газона, Вы же топчете мои цветы!» Виктория послушно отошла от несчастных цветов.)

Это была вершина — и здесь мало что изменил даже тот факт, что со временем из пяти банкирских домов Ротшильдов выжили только три. Состоялось объединение Италии, и связанный с неаполитанским королевским двором банкирский дом Ротшильдов закрыл свои двери. Со смертью в 1901 году во Франкфурте последнего мужчины в роду отмерла немецкая ветвь фамильного древа, и тамошний банкирский дом прекратил существование. (Однако по женской линии вплоть до прихода к власти Гитлера франкфуртский банкирский дом Ротшильдов еще функционировал, хотя прежнего своего значения он уже не приобрел. Дочь последнего франкфуртского Ротшильда вышла замуж за банкира Гольдшмидта, и банк стал называться «Банкирский дом Ротшильд — Гольдшмидт».)

Первая мировая война означала для Ротшильдов относительное падение их влияния в финансовом мире. Биографы династии считают, что основная экономико-политическая причина этого состоит в том, что-де с первой мировой войны всемирно-политическую роль завоевывают Соединенные Штаты Америки, а значит, и американские финансовые воротилы, капиталисты и банкиры. Фактом является то, что во время первой мировой войны каждый из Ротшильдов поддерживал именно то правительство, в столице которого размещался его «штаб». В этой войне нового типа уже не было возможности координации действий между разными домами Ротшильдов, а тем более для «романтической» деятельности их шпионской и курьерской служб. Но и в этот своеобразный период истории события иногда имели комический оттенок. Жена барона Мориса де Ротшильда, главы французского банкирского дома, отправилась отдыхать от военных лишений в Швейцарию, в Санкт-Мориц. Остановилась банкирша в легендарном и поныне отеле «Палас», дирекция которого заверила баронессу, что в гостинице нет немцев. И вдруг за ужином мадам Ротшильд попала на глаза жена одного немецкого

владельца фабрик шампанского, которая также отдыхала от тягот войны в этой же фешенебельной гостинице. Супруга Ротшильда, забыв о том, что ее семейство родом из Франкфурта, иначе говоря, из Германии, возмущенно вскричала: «Видеть не могу этих немцев!» — и покинула гостиницу, поклявшись, что она больше ни ногой в Санкт-Мориц.

Но у Ротшильдов даже и обида — это тоже бизнес: сгорая от желания отомстить, баронесса уговорила мужа построить новый, свой собственный фешенебельный курорт в живописных французских Альпах, возле городка Межев. Сегодня это один из самых дорогих зимних французских курортов и бриллиант в ряду авуаров банка Ротшильдов. Ф. Мортон говорит об этом так: «Когда в 1918 году орудия смолкли, ничто уже не осталось тем же самым, чем было в начале войны. Изменились даже Ротшильды».

В истории династии это, разумеется, не означало ничего иного, кроме того, что Ротшильды стали немного скромнее. Но банкирский дом, как и прежде, действовал на полную мощь. Богатства его остались нетронутыми, предприятия продолжали приносить фантастические прибыли, и всю разницу по сравнению с довоенными временами можно было, пожалуй, суммировать так: на новом этапе монопольный капитал Ротшильдов уже не оказывал такого решающего влияния на поворотные моменты всемирной политики, как, скажем, во времена битвы при Ватерлоо или займа на покупку Суэцкого канала.

Размаху деятельности австрийского дома Ротшильдов, разумеется, мешало то обстоятельство, что если в 1914 году венские Ротшильды еще были главенствующими банкирами могущественной великой державы, в 1918 году, с распадом австро-венгерской монархии, их деятельность ограничилась только маленькой Австрией.

Теперь уже в первую очередь все зависело от тесного сотрудничества всех Ротшильдов — английских, французских и австрийских — в сфере главным образом финансовых спекуляций. Лидером в этих маневрах был и остается до наших дней, можно сказать, исключительно влиятельный представитель французского дома Ротшильдов барон Эдуард Ротшильд, член правления французского национального банка.

Теперь Ротшильды решили создать международный

банковский синдикат, щупальца которого тянулись от Луи Ротшильда с его венским банком «Кредитанштальт» до банкирского дома Морганов в Нью-Йорке. Международные валютные спекуляции приносили огромные прибыли всему клану Ротшильдов все время — вплоть до наступления всемирного кризиса 1929 года. Особенно сильно кризис затронул положение австрийских Ротшильдов. В 1930 году самый значительный в то время сельскохозяйственный кредитный банк Австрии «Боденкредитанштальт» оказался на грани краха, и австрийский канцлер лично отправился к Луи Ротшильду просить принять на свой баланс долги пошатнувшегося банка. Ротшильд внял просьбе канцлера, но в условиях всемирного кризиса эта спасательная акция настолько обременила сальдо частного банка, что через год он и сам вынужден был прекратить платежи. Крах банка «Кредитанштальт» означал, собственно говоря, покотившуюся теперь лавиной великую экономическую депрессию в Центральной Европе, начавшуюся еще в 1929 году. Крах обошелся австрийским Ротшильдам в 30 млн. золотых шилл., а австрийскому правительству, предоставившему банку субсидии, — по меньшей мере вдвое больше!

Но Луи Ротшильд и после краха банка «Кредитанштальт» оставался самым богатым человеком в Австрии. Венский банк Ротшильдов этот крах не потряс. Ведь австрийские Ротшильды были еще и крупнейшими помещиками Центральной Европы.

Опасности для них надвигались совсем с другой стороны: к западу от австрийской границы в эти годы уже все громче топали сапоги нацистских штурмовых отрядов, и было ясно, что и венских Ротшильдов ждут определенные испытания, не потому, что они — банкиры, но потому, что они — евреи.

Впрочем, легендарный аппарат ротшильдовских курьеров в делах семейных продолжал существовать и функционировать, и банкирский дом французских Ротшильдов буквально за день до предстоящего «аншлюса» (присоединения к Германии) теперь уже маленькой страны — Австрии известил об этом Луи Ротшильда. Французские родичи советовали Луи Ротшильду немедленно покинуть Австрию. Но барон был великим сибаритом и явился (разумеется, в сопровождении лакея) с билетом на самолет на венский аэродром только на следующий день.

Однако прежде чем ему удалось сесть в самолет на

Цюрих, два нацистских охранника опознали его и отобрали у него и билет, и заграничный паспорт. А двумя днями позднее эсэсовцы появились во дворце барона Ротшильда, чтобы предложить «следовать за ними». С этого момента началась трагикомедия отношений между нацистами и венскими Ротшильдами — характерный образчик глубокого почтения и уважения Гитлера к капиталистическим тузам.

Барон Луи Ротшильд отвечал эсэсовцам, что он с радостью последует за ними, но прежде хотел бы поужинать. Штурмовики, которые не очень-то привыкли к такого рода пожеланиям, на сей раз, как видно, получили специальное указание, потому что терпеливо стояли возле стола, накрытого белой дамасской скатертью, и ждали, пока три лакея подадут барону ужин, а затем он не спеша омоет ароматной водой пальцы, выкурит после ужина привычную сигару, примет предписанные ему лекарства. Только после этого барон в сопровождении эсэсовцев покинул свой дворец.

Луи Ротшильда привели к начальнику новой австрийской полиции, которую теперь возглавили нацисты. Здесь, как рассказывают биографы, между ними состоялся такой диалог: «Словом, вы и есть Ротшильд? Ну, и как Вы богаты, если быть точным?» Барон Луи на это ответил, что прошло бы несколько дней, пока его бухгалтеры на основании сводок всемирных фондовых бирж и складов сырья смогли бы определить истинные размеры его состояния на данный момент. «Ну хорошо, — сказал начальник полиции, — тогда скажите мне хотя бы, какова стоимость вашего венского дворца вместе с находящимися там сокровищами искусства?» На это Ротшильд отвечал так: «А сколько стоит венский собор Святого Стефана?»

На этом моменте начальник полиции прекратил допрос и велел сунуть барона в камеру. Но барон недолго оставался там. Вскоре его доставили в венское управление гестапо, где поместили в каморку рядом с лишенным своего поста бывшим австрийским канцлером Шушнигом.

Отныне не могло быть и речи о том, чтобы барону Ротшильду угрожала какая-нибудь физическая опасность. Сам всемогущий Герман Геринг отправил в Швейцарию специального уполномоченного, некоего Отто Вебера, чтобы сообщить цюрихскому представителю Ротшильдов условия нацистов. Барона Луи отпустят, сказал Вебер, если маршал Геринг получит за эту любезность

200 тыс. долл. (разумеется, не в марках, а в долларах, депонированных на его имя в одном из сейфов швейцарского банка). А гитлеровская империя получит все имущество австрийских Ротшильдов, включая сталелитейный завод в Витковице, в Чехословакии. Уполномоченные Ротшильдов в Цюрихе торговались упорно. Они сообщили удивленному представителю Геринга, что Ротшильды уже двумя годами раньше тайно продали большую часть акций завода в Витковице англичанам. Однако они готовы передать Берлину в обмен на предоставление свободы барону Луи имущество австрийского дома Ротшильдов. Завод в Витковице Геринг может получить только после того, как барон Луи прибудет за границу, а нацисты выплатят английским Ротшильдам 3 млн. ф. ст.

Торг затянулся. Правда, тем временем нацисты уже оккупировали Чехословакию, но завод в Витковице, принадлежавший теперь уже англичанам, еще не перешел в руки немцев.

В разгар торга в комнату Ротшильда в ставке гестапо однажды явился сам кровавый палач Генрих Гиммлер, грозный рейхсфюрер СС. Целый час они торговались об условиях, но барон Ротшильд так и не уступил. Гиммлер ушел несолоно хлебавши, а через час появились грузчики, присланные руководством СС. Они внесли в комнату напольные часы времен Людовика XIV и никак с ними не гармонирующую огромную китайскую вазу, а кровать в комнатухе арестанта накрыли оранжевым бархатом. Тем самым Гиммлер давал понять барону, что ему еще долго придется оставаться заложником в ставке венского гестапо. Однако барон Луи Ротшильд, который совершенно точно знал, что он и для фашистских убийц не простой узник, наорал на эсэсовцев: «Вынесите отсюда эту кучу безвкусицы!»

На другой день люди Гиммлера сообщили барону, что Гиммлер принимает условия Ротшильда и тот может немедленно уехать за границу. И тут-то Луи Ротшильд еще больше удивил венское гестапо. Он заявил, что сейчас уже вечер, 11 часов, и он не может заставлять своих венских друзей, чтобы они так поздно занимались им, а потому он желает и эту ночь провести в ставке гестапо. В истории гестапо таких примеров еще не было, поэтому тюремщикам пришлось по телефону запрашивать специальные инструкции из Берлина.

Последнюю ночь в венском гестапо барон Луи Ротшильд провел уже в качестве гостя. А спустя еще два

дня он пересек швейцарскую границу. В июле 1939 года немцы сообщили, что они в соответствии с договоренностью согласны перевести в лондонский банк Ротшильдов 3 млн. ф. ст. за акции завода в Витковице. Однако британское правительство вступило в войну до того, как деньги нацистов поступили в Лондон...

В Париже венская трагикомедия не повторилась, потому что французские Ротшильды заблаговременно укатили, кто — в Лондон, кто — в Соединенные Штаты. Однако и в Лондоне они продолжали плести ту же самую золотую паутину, которая явилась источником нынешнего могущества и связей современных французских Ротшильдов. Один из молодых членов семьи французских Ротшильдов — Ги де Ротшильд в Лондоне примкнул к генералу де Голлю и на службе у него выполнил несколько секретных поручений. К концу войны он был адъютантом военного коменданта Парижа. (Кстати сказать, дом № 107 на Пикадилли, где во время войны размещался «Клуб офицеров свободной Франции», являлся собственностью английских Ротшильдов.)

Но если самих Ротшильдов нацисты и не схватили в Париже, то имуществом их все же завладели. Правда, часть картин и других произведений искусства Ротшильдам удалось переправить в испанское и аргентинское посольства, многие ценности спрятали в Лувре, чтобы они там были под соответствующей защитой как «национальное достояние Франции». Но Лувр оказался плохой защитой, потому что по настоянию Геринга Гитлер издал специальный приказ, которым аннулировал документы о передаче имущества Ротшильдов Лувру и оставлял за собой право распоряжаться сокровищами Ротшильдов.

После войны было установлено, что во Франции нацисты разворовали в целом по стране 203 частные коллекции, насчитывавшие около 16 тыс. предметов искусства. Из этого числа больше 4 тыс. принадлежало Ротшильдам. После войны сокровища Ротшильдов на специальных поездах свозили обратно в Париж. На товарных станциях доверенные эмиссары семейства ожидали прибытия поездов и сортировали картины, скульптуры и гобелены, определяя, какому из членов семьи они принадлежат, из какого дворца в свое время их вывезли.

После окончания второй мировой войны в новых политических и экономических условиях Ротшильды уже не могли восстановить свои прежние, не имевшие анало-

гии позиции. Однако два уцелевших опорных столпа — лондонский и парижский банкирские дома Ротшильдов — и поныне считаются великими державами в финансовом мире.

После реставрационной работы, длившейся целое десятилетие, снова сияет в своей прежней красе символ величия и могущества Ротшильдов — замок Ферри, которым восхищался в свое время германский император Вильгельм II. Биограф династии Ротшильдов Ф. Мортон написал в связи с этим замком несколько фраз, в которых лучше всего отразились противоречия мифов и действительности истории Ротшильдов: «Анфилада салонов, достойных императора; хрустальные вазы и висячие сады; картины, гобелены, инкрустации из слоновой кости и черепахи; лебеди на глади прудов; краны литого серебра в ваннах комнатах. При виде всего этого можно спросить: жил ли когда-либо на свете Робеспьер, была ли когда-нибудь Французская революция?»

РОКФЕЛЛЕР - ВСЕМИРНЫЙ ГИГАНТАТОР

**СЫН БАРЫШНИКА — БРОДВЕЙ, 26,
1400-Я КОМНАТА — КРОВАВАЯ РЕЗНЯ В ЛУДЛОУ —
КЕРОСИНОВЫЕ ЛАМПЫ «СТАНДАРД» — ВОЙНА,
ПРИБЫЛИ, ИХ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ — ПЯТЬ СЫНОВЕЙ
И ОДНА ДОЧЬ — БАНКИР ДЭВИД — ФИРМА В
БЕЛОМ ДОМЕ**

Когда после второй мировой войны в Соединенных Штатах Америки был составлен список больших состояний, 21 член семьи Рокфеллеров фигурировал в нем с имуществом, оценивавшимся в 3 млрд. долл., и 17 млн. долл. годового подоходного налога. Немалая сумма, однако исследователи истории богатства Рокфеллеров уже давно отметили, что эти суммы не отражают того неслыханного политического и экономического влияния, которое оказывает семья Рокфеллеров и контролируемые ею предприятия на экономику Соединенных Штатов и капиталистического мира в целом и даже на определение их политики. Несколько лет назад был произведен новый подсчет. По нему, с учетом даже падения стоимости доллара в 1946 году, капиталовложения Рокфеллеров в различные гигантские предприятия оценивались уже в 6 млрд. долл. Если к этому добавить вклады в банки и стоимость недвижимого имущества клана, получится круглая сумма в 7 млрд. долл. Это само по себе означает, что с окончания второй мировой войны финансовый вес клана Рокфеллеров удвоился. А согласно самым последним оценкам, богатство клана уже достигло 10 млрд. долл.

В противоположность, однако, таким «одиноким волкам», как Гетти, финансовая мощь Рокфеллеров преднамеренно подсчитывается разделенной на части. Так, например, Джон Д. Рокфеллер-младший, тогдашний глава клана, в год своей смерти, в 1960 году, с имуществом в 1 млрд. долл. занимал только 6-е место в списке аме-

риканских сверхбогачей. К концу 70-х годов в списке богачей другой член клана — миссис Эбби Рокфеллер, хотя и фигурировала на одном из почетных мест, но имущество ее оценивалось «всего только» в 300 млн. долл., и потому она была 19-й в этом списке. Дэвид Рокфеллер, президент второго по величине банка «Чейз Манхэттен бэнк», с его 280 млн. долл., стоял на 23-м месте. Остальные: самый младший — Джон-Дэвид, Лоренс, Уинтроп и Нельсон Рокфеллеры, имея каждый по 260 млн. долл., занимали 24-е, 25-е, 26-е и 27-е места. Уже по этому перечислению наблюдателю нетрудно догадаться, что не в цифрах нужно искать истинные размеры экономической и политической мощи династии Рокфеллеров. Гетти стоит на 1-м месте. Дэвид Рокфеллер, занимающий пост генерального директора и президента «Чейз Манхэттен бэнк» и находящийся только на 19-м месте, имеет значительно большую экономическую мощь.

Естественно, среди богатств клана Рокфеллеров наиболее важное место занимают различные предприятия «Стандард ойл», и прежде всего «Стандард ойл оф Нью-Джерси». Наверное, это — крупнейшее промышленное предприятие капиталистического мира. И семья Рокфеллеров держит в своих руках приблизительно 15% акций этого предприятия, что практически означает, что Рокфеллеры контролируют весь этот промышленный гигант. Аналогичное положение и с остальными предприятиями «Стандард ойл»: имея 12—17% акций, Рокфеллеры фактически руководят ими. В меньшей степени, но с большим влиянием участвуют Рокфеллеры в крупнейших железнодорожных компаниях США и даже в известной части крупнейших сталелитейных трестов. К этому нужно добавить и финансовую мощь, которую являют собой «Чейз Манхэттен бэнк» и нью-йоркский «Ферст нэшнл сити бэнк», контроль над которым — в руках у Рокфеллеров. (Этот последний является третьим по величине банкирским домом США, так что из «большой тройки» в двух — решающее слово за Рокфеллерами.)

Нынешние отцы династии с высоты самой большой финансовой и экономической мощи в мире капитализма высокомерно поглядывают на истоки могущества их кланов.

А что? Эти истоки действительно восходят к какому-то жалкому барышнику-лошаднику, а потом — бродячему аптекарю, который во второй половине 40-х годов XIX в. на двуколке объезжал деревушки штата Нью-

Йорк, предлагая для продажи все, что продается: от лошадей и плавленого сахара до всевозможных лечебных трав и приготовленных из этих трав исцеляющих все болезни настоев. Его настоящее имя и поныне остаётся в тайне. Известно наверное только, что он при этом именовал себя «д-р Уильям Эвери Рокфеллер», а женившись, официально узаконил этот свой псевдоним. Супруга подарила ему семерых детей, старший из которых родился в 1839 году. Этот-то первенец и стал позднее основателем династии миллиардеров и «керосиновым королем». Имя его — Джон Дэвидсон Рокфеллер. Джон окончил коммерческую школу и, будучи всего лишь 16 лет, поступил счетоводом в торговую контору по продаже угля и зерна в Кливленде. А в 19 лет он уже решил обрести самостоятельность и открыл собственный комиссионный магазин с капиталом в тысячу долларов. Деньги ему дал отец под довольно высокий процент: 10 процентов в год!

Но уже через год у Джона обнаружили тяжелое заболевание — язву желудка. Два года он должен был есть только бисквиты и простоквашу, и вообще врачи предсказывали ему неминуемую скорую смерть. У него выпали волосы и брови, лицо сморщилось, как выжатый лимон. В 20 лет он был уже таким же сморщенным и старым, как в конце жизни — в 98 лет, когда похоронил 37-го по счету домашнего врача.

В 1862 году, когда Рокфеллеру было 23 года, им тоже овладела «нефтяная лихорадка», охватившая, впрочем, весь штат Огайо, и он, недолго раздумывая, построил нефтеперегонный завод примерно в 200 милях от Кливленда. Место это Рокфеллер выбрал не случайно. Человек с лицом мумии был одним из первых в США, кто оценил значение транспорта для нефтедобычи. Оценил и пришел к выводу: Кливленд, лежащий вблизи американских Великих озер, на перекрестке двух железнодорожных линий, скоро станет играть ключевую роль в доставке добытой нефти в наиболее развитые промышленные районы на Восточном побережье США.

Рокфеллер приобрел контрольный пакет акций Южного общества по нефтеперегонке. Это общество поставляло сырую нефть на нефтеперерабатывающие заводы и потому волей-неволей было связано с крупнейшими железнодорожными акционерными обществами. В то время на территории, где добывалась и перерабатывалась нефть, действовали три крупные железнодорожные

компании — «Эри», «Центральная» и «Пенсильвания». Первым делом Рокфеллер заключил секретные соглашения с руководителями Пенсильванской железнодорожной компании. Детали этих соглашений стали известны общественности только значительно позднее, когда начался судебный процесс против «нефтяного короля». Существо же договоренностей состояло в том, что Рокфеллер гарантировал железнодорожным компаниям договоры на транспортировку определенного количества сырой нефти. За это «Пенсильвания» обязывалась перевозить его нефть за половинную цену, да еще выплачивать Рокфеллеру часть прибыли, которую железная дорога получит, взимая более высокие транспортные тарифы с конкурентов Рокфеллера. Короче говоря, это означало, что Рокфеллеру нефть стоила дешевле, чем его конкурентам, и те оказывались перед выбором либо разориться, либо поскорее избавиться от своих предприятий.

И это был еще самый деликатный прием в борьбе Рокфеллера со своими конкурентами. А вообще он скупал бочки и цистерны, чтобы его конкурентам не в чем было перевозить нефть. Он организовал первую в капиталистическом мире систему промышленного шпионажа и с помощью этой шпионской сети скупал участки земли, по которым его конкуренты собирались проложить свои нефтепроводы. Он организовывал компании по перегонке нефти, которые с виду были конкурентами Рокфеллера, а на самом деле находились у него в руках. И когда его действительные конкуренты заключали сделки с его мнимыми конкурентами, уверенные в том, что теперь они вместе с новыми союзниками будут бороться против Рокфеллера, они, к своему ужасу, убеждались, что практически отдали свои предприятия в руки противника!

К 1870 году Рокфеллер проглотил всех своих опасных конкурентов и с основным капиталом в 1 млн. долл. организовал компанию «Стандард ойл». Вот тогда-то он и столкнулся с железнодорожной компанией «Пенсильвания», с которой раньше отлично сотрудничал. Дело в том, что хозяева «Пенсильвании» уже с беспокойством наблюдали за тем, что они все больше зависят от поставок нефти Рокфеллером. В конце концов они решили все свои силы бросить в бой на стороне единственного уцелевшего конкурента Рокфеллера — нефтеперегонной компании «Эмпайр». В ответ Рокфеллер, его фирма «Стандард ойл» наводнили все предприятия, добываю-

щие нефть, своими агентами, которые принялись скупать всю сырую нефть по гораздо более высоким ценам, чем представители фирмы «Эмпайр». Подняв сначала цены на сырую нефть, фирма «Стандард ойл» стала затем продавать уже перегнанную на керосин намного дешевле сырой как раз в тех городах, где свою очищенную нефть продавала и фирма «Эмпайр». Это, конечно, означало для Рокфеллера большие материальные затраты и повышенный коммерческий риск, но он знал, что если ему удастся разрушить союз «Эмпайр» с «Пенсильванией», то позднее он вернет с лихвой деньги, поставленные им на кон этой опасной игры. И началась «война цен» против конкурентов из союза «Эмпайр» — «Пенсильвания», в результате которой союзники оказались в таком отчаянном положении, что «Пенсильвания» вынуждена была буквально бесплатно транспортировать нефть компании «Эмпайр», но все равно не могла противостоять демпингу Рокфеллера.

Тем временем среди рабочих транспортной фирмы «Пенсильвания» началось недовольство, поскольку железнодорожная компания пыталась компенсировать свои потери за бесплатные перевозки нефти увольнением рабочих и снижением заработной платы.

Среди железнодорожников появились агенты шпионской и контрразведывательной службы Рокфеллера, переодетые в рабочую одежду. Они-то и стали подстрекать железнодорожников, призывая к насильственным, а то и вооруженным выступлениям. Провокаторов и их хозяев не пугало, что рабочим «Пенсильвании» придется заплатить кровью за этот неподготовленный бунт. В июле 1877 года в паровозном депо города Питтсбург разразился знаменитый «деповский бунт». Руководители «Пенсильвании» вызвали полицию, и та первым же залпом сразила 20 бунтующих рабочих. После этого залпа началось настоящее восстание. На какое-то время бунтовщики разогнали полицейских, и толпа железнодорожников принялась поджигать, облив нефтью, паровозы компании «Пенсильвания» и цистерны с горючим. К утру «Пенсильвания» обратилась за помощью уже в Вашингтон, в Белый дом, откуда были присланы и брошены против бунтующих рабочих части федеральной армии. Последовали новые оружейные залпы, на землю рухнули новые и новые убитые и раненые. Разумеется, агенты Рокфеллера, выполнив свою провокаторскую роль, исчезли. А когда смолкли залпы и рассеялся дым от сгоревших железно-

дорожных составов, стало очевидно, что Рокфеллер ценой крови рабочих-железнодорожников из депо поставил крест на союзе между фирмами «Эмпайр» и «Пенсильвания». 500 нефтеналивных цистерн, 1 тыс. товарных вагонов, 120 паровозов погибли в огне. Компания «Пенсильвания» пошла на поклон к Рокфеллеру и приняла все его условия. К концу переговоров владелец «Стандард ойл», будто всемогущий повелитель, распределил между транспортными компаниями на выгодных ему условиях доли каждой фирмы в нефтепоставках. Начиная с этого дня в Америке без разрешения «Стандард ойл» практически никто не имел права поставлять нефть куда-либо.

В результате победы, одержанной над фирмой «Пенсильвания», в 1899 году в Соединенных Штатах Америки вся нефтеперерабатывающая промышленность оказалась в руках группы фирмы «Стандард ойл». В составе 34 акционерных обществ, входивших в тресты Рокфеллера, было 80 нефтеперерабатывающих заводов, на которых работало более 100 тыс. человек. Известнейший историк промышленности Соединенных Штатов Ида Тарбелл писала в своей знаменитой книге о формировании богатства Рокфеллеров: «Во второй половине XIX века страх американских предпринимателей перед «Стандард ойл» можно сравнить только с трепетом правителей стран Европы перед Наполеоном в начале века».

Тогда-то и началась в американском конгрессе грандиозная кампания за раздробление гиганта «Стандард ойл» на части под капиталистическим лозунгом «защиты свободной конкуренции».

Рокфеллер уже в первом раунде этой борьбы поспешил предупредить государственные законодательные мероприятия. Он использовал то обстоятельство, что в различных американских штатах действовали неодинаковые законы, направленные против трестов. В штате Огайо, где, собственно, родилась фирма «Стандард ойл», эти законы были достаточно строгими. Рокфеллер подыскал среди 80 своих предприятий расположенное в таком штате, где законы против трестов были наименее суровы и можно было легче подкупить местных политиков. Так выбор пал на штат Нью-Джерси. Агенты Рокфеллера «работали» с большими суммами, осуществляя подкупы чиновников и политиков. Буквально за несколько недель они добились в законодательном собрании штата Нью-Джерси, чтобы там были приняты законы, благоприятные

для «Стандард ойл». Так старое вино «Стандард» удалось перелить в новые бурдюки.

Была изменена вся структура фирмы. 34 акционерных общества, объединявших 80 нефтеперегонных заводов, превратились в 20. Организационно они были теперь «независимыми друг от друга», на самом же деле все они подчинялись до тех пор почти никому не известной компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси». Был проделан еще и такой трюк: разукрупнили общую дирекцию фирмы «Стандард ойл». Разумеется, только номинально. Дирекция заседала по-прежнему в том же доме 26 на Бродвее, в Нью-Йорке. Только прежнего названия у нее больше не было. В официальной переписке решения этой дирекции отныне начинались так: «Господа, собравшиеся в 1400-й комнате в доме 26 на Бродвее, считают...»

Однако война на этом не закончилась. Действия Рокфеллера вызвали повсеместно в Соединенных Штатах Америки такое возмущение, что борьба против него стала внутривнутриполитическим сражением, охватившим всю страну, и органической частью погони президента за популярностью. В первые годы столетия именно из этих соображений Теодор Рузвельт, президент США, предпринял новое наступление против уже перестроенной монополии «Стандард». Дело медленно ползло по американским судам всех степеней, пока наконец не очутилось в очень важной инстанции; его передали в Федеральный суд США. Этот суд наказал денежным штрафом одно из предприятий Рокфеллера за использование тайных транспортных тарифов. Этим предприятием была фирма «Стандард ойл оф Индиана». А приговор суда гласил: за каждый случай использования незаконных транспортных тарифов виновный должен платить штраф в 20 тыс. долл. Это означало в целом не меньше 29 млн. долл., что по тем временам было равносильно тому, как если бы все граждане Соединенных Штатов, включая младенцев, заплатили по 35 центов.

Рокфеллер в белом парике на морщинистой, как сухой гриб, голове, как раз играл в гольф, когда посыльный принес сообщение о назначенном денежном штрафе. Нефтяной магнат вскрыл письмо, прочел его и дал 10 центов на чай посыльному. А потом, обращаясь к партнерам по гольфу, сказал: «Ну что, господа, продолжим игру?» Один из них, не выдержав, спросил: «Сколько же придется платить?» На это Рокфеллер спокойно ответил: «29 миллионов долларов». И, как отмечает Альберт

Карр, один из биографов Рокфеллера, он еще никогда не играл в гольф так хорошо, как в этот день. (Хладнокровие Рокфеллера станет понятным, если мы вспомним, что за период с 1882 по 1906 год, то есть за 24 года, он, имея капитал в 70 млн. долл., заработал 700 млн. долл. прибыли, то есть больше чем по 40% в год.)

Конечно же, Рокфеллер знал, что предпринятый против него «крестовый поход» никогда не будет вестись последовательно: ведь капитализм уже давно утвердился в Соединенных Штатах, закончилась его эпоха свободного предпринимательства, свободной конкуренции. И что тот же самый Теодор Рузвельт, который в силу требований внутренней политики, в угоду общественному мнению начал целую серию судебных процессов против «Стандард ойл», в то же самое время исподволь позволил другому хищнику — крупному банкиру Моргану скупать и пожирать независимые средние американские металлургические заводы для создания из них затем огромной сталелитейной монополии «Юнайтед Стейтс стил». Так что Рокфеллер отлично знал: всякий направленный против него приговор или решение неизбежно станут со временем формальными, какими бы строгими и непреклонными они на первый взгляд ни казались.

Летом 1911 года дело «Стандард ойл» дошло до Верховного суда, который вынес окончательный приговор, обязывавший Рокфеллера разделить монополию «Стандард ойл» на несколько более мелких предприятий. Тогда-то «Стандард ойл» и обрела свою нынешнюю форму. Но монополию только для вида раздробили на части. На самом же деле Рокфеллер сохранил все свои заводы, лишь поменяв каждому из предприятий название. Так что могущество треста Рокфеллера ничуть не уменьшилось, а даже, пожалуй, выросло.

Альберт Карр в связи с этим приводит один интересный пример. После судебного решения о разделении «Стандард ойл» на части общественное мнение сочло, что Рокфеллер потерпел поражение, и вследствие этого акции «Стандард» на бирже начали стремительно падать. С каким удивлением оно узнало позднее, что биржевые спекулянты и вообще финансисты отлично разобрались в сущности происходящего. Вскоре после судебного решения акции «Стандард» начали подниматься в цене. Как пишет Карр, «это был величайший фейерверк в истории Уолл-стрит». Ведь было ясно, что нового похода против «Стандард» больше предпринять не удастся. Та-

ким образом монополия в своей новой форме делается еще более прочной и стабильной, чем до сих пор. Когда «фейерверк» отсверкал огнями, стало ясно, что акции (теперь уже «независимых») предприятий «Стандард» все вместе стоят на 200 млн. долл. больше, чем до сих пор. А сам Рокфеллер в результате последовавших за решением суда спекуляций на бирже нажил 56 млн. долл. И именно тогда и высчитали американские газетчики, что, если бы он разменял все свое личное состояние на пятидолларовые золотые монеты и сложил их в нью-йоркском порту одну на другую, то высота этого золотого столба равнялась бы 25 статуям Свободы. Самый известный политический карикатурист того времени на страницах «Чикаго трибюн» изобразил руководителей крупных американских монополий, стоящими в очереди перед зданием Верховного суда США и умоляющими: «Разделите нас на мелкие предприятия».

Во главе нового (а на самом деле старого) «Стандард» Рокфеллер продолжал стяжать богатства. «Стандард» стал постоянным клиентом службы Бергхофа — пресловутого предприятия по разгрому забастовок. Руководитель этого предприятия, мистер Бергхоф, называвший себя «королем штрейкбрехеров», в своих мемуарах тоже упоминает фирму «Стандард ойл» как «первого из его клиентов».

Это Бергхоф и его банда головорезов летом 1913 года печально отличились в знаменитой «лудловской бойне». Лудлоу — маленький городок в штате Колорадо, близ которого находилась одна из шахт, принадлежавших империи Рокфеллера. Шахтеры в знак протеста против бесчеловечных условий жизни и труда оставили шахты и подняли мятеж против «Стандард».

По указанию Рокфеллера руководство шахты, сговорившись с полицией штата Колорадо, сначала привезло туда штрейкбрехеров — отставных полицейских, беглых солдат и разыскиваемых уголовников и попыталось использовать их для срыва стачки. Руководили ими люди Бергхофа. Однако сорвать забастовку не удалось, и, несмотря на лишения, рабочие шахты Рокфеллера держались много месяцев. Головорезы построили палаточный лагерь вокруг барачков, где рабочие окопались и не пропускали штрейкбрехеров. Наконец, против шахтеров были брошены войска регулярной американской армии. Солдаты, защищая интересы Рокфеллера, открыли залповый огонь по бастующим.

Джон Рид, крупный американский журналист того времени, который позднее опубликовал книгу о Великой Октябрьской социалистической революции, в страстном послании, адресованном Рокфеллеру, писал после «лудловской бойни»: «Это ваши шахты, вами направляемые солдаты и ваши бандиты. Так что вы и есть убийца!»

«Империя Рокфеллера» растоптала борющихся за свои права рабочих. Таковую же судьбу уготовила она и своим конкурентам. Разумеется, не залпами ружей, но самыми тонкими средствами коммерческой борьбы.

Нефтяной король уже в начальном периоде расширения и роста «Стандард» искал, каким образом можно пустить корни, а затем встать твердой ногой в стране и за рубежом. Крупнейшие, вторые по величине в мире нефтяные месторождения в то время были в царской России. Здесь нефтяные скважины увеличивали богатства семейства Нобелей, происходивших из Швеции, и английских Ротшильдов. «Стандард» успела заключить деловое соглашение с представителями этих фирм, создав совместную компанию для разработки нефтяных месторождений России. Но утвердиться здесь Рокфеллер не сумел. В первую очередь потому, что возникший в конце века англо-голландский концерн «Ройял датч-Шелл» имел гораздо более прочные связи с тогдашними хозяевами бакинской нефти.

Между прочим, концерн «Ройял датч-Шелл» и в других регионах планеты являлся самым серьезным конкурентом «Стандард». Конфликт, вспыхнувший между этими двумя нефтяными хищниками, был, пожалуй, самой беспощадной войной в истории нефти. Это произошло из-за обладания китайским рынком. На рубеже веков, когда нефть еще использовали в основном для освещения, Китай, с его 400 млн. жителей, несмотря на необыкновенную отсталость страны, был заманчивым рынком сбыта. У черта на куличках, в тысячах китайских деревушек «Стандард» даром раздавала бедным крестьянам керосиновые лампы, рассчитывая, что потом их будут наполнять рокфеллеровским керосином. Поскольку, однако, фирме «Ройял датч-Шелл» принадлежали гигантские нефтяные месторождения Индонезии, которая находилась значительно ближе к китайскому рынку, чем Рокфеллер, лампы «Стандард» в основном наполняли в китайских селах керосином с нефтеперерабатывающих заводов «Шелл». Для завоевания китайского рынка Рокфеллер попытался повторить в мировом

масштабе тот же самый метод «войны цен», с помощью которого он в свое время завоевал внутренний американский рынок. Однако в Китае обстановка была менее благоприятной, и в конце концов Рокфеллер вынужден был искать соглашения с владельцами компании «Ройял датч-Шелл».

Разумеется, эта «война цен» значительно выходит за рамки истории фирмы «Стандард ойл». Она является не в последнюю очередь также частью истории компании «Ройял датч-Шелл». Отметим, что эта «война цен» своими последствиями привела, в частности, к тому, что в 1928 году крупные нефтяные тресты поделили между собой мир, а впоследствии создали международный нефтяной картель: тот самый союз хищников, который и ныне ведет борьбу не на жизнь, а на смерть с экономически слаборазвитыми странами, имеющими нефтяные месторождения.

На опыте этой «войны цен» Рокфеллеру пришлось убедиться, что он не один на свете. Но вместе с тем у него еще больше выросли возможности дальнейшего роста. И в первую очередь — в области вступавшего в свои права автомобилестроения. В 1895 году в Америке Форд построил свою первую, еще примитивную мастерскую по производству автомобилей в городе Детройте. В 1901 году во всем мире было уже 10 тыс. автомашин, а к 1914 году число их приблизилось к миллиону. А двигатели кораблей! Всего 3% мирового морского флота к первой мировой войне было переведено на дизельное топливо, а к 1937 году — уже 50%.

Можно с точностью до месяца высчитать, когда (еще в первую мировую войну) Рокфеллер разглядел новые возможности роста для нефтяной промышленности. В 1915 году он еще боялся, что война подорвет «Стандард», постепенно приобретающую международные масштабы. В 1915 году он снова просчитался, отклонив участие в американском военном займе в пользу англо-французского союза. А вот крупный банкир Морган, который сотрудничал с Рокфеллером, намного раньше заметил открывающиеся для него возможности и уже на первый военный заем подписался щедро — на несколько сот миллионов долларов. Рокфеллер и его «Стандард ойл» только в 1917 году пробудились от спячки, и во время второго американского займа тоже вступили в игру, «сходив с туза» в 70 млн. долл. В конце 1917 года, когда уже не только германская армия, но и французы

стали испытывать трудности с нефтью, премьер-министр Франции Клемансо обратился к тогдашнему президенту Вильсону за помощью.

В этом обращении прозвучали оказавшиеся пророческими слова: «В последующих битвах керосин будет так же важен (для войны), как кровь». «Стандард ойл», которая умела извлекать пользу из любых видов жидкости, в последние 18 месяцев войны поставила Европе почти 15 млн. т нефти. В то время были опубликованы материалы о прибылях только фирмы «Стандард ойл оф Нью-Джерси». За 18 месяцев ее прибыль составила 200 млн. долл. В этой сумме не значится, разумеется, прибыль, полученная дочерними предприятиями «Стандард», ставшими после раздела номинально самостоятельными, которая, естественно, тоже перекочевывала в карманы клана Рокфеллеров.

После первой мировой войны ускорился рост «Стандард» в международных масштабах, хотя теперь чаще из добычи приходилось что-то уступать и своему главному конкуренту — компании «Ройял датч-Шелл». (Так, например, когда в 1921 г. венесуэльский диктатор Гомес принялся разбазаривать нефтяные сокровища страны, одно из дочерних предприятий Рокфеллера «Стандард ойл оф Индиана» отправило делегацию к диктатору. Та сидела в приемной президента Венесуэлы, а Джеймс Ротшильд тем временем по поручению компании «Шелл» торговался с диктатором относительно цены нефтяных сокровищ.)

Подобный же, но значительно более сложный пример раздела нефтяных богатств имел место между двумя мировыми войнами на Ближнем Востоке. Здесь в отдельных странах — от Ирана до Саудовской Аравии — концерн «Стандард ойл» делил со своими союзниками нефтяные богатства в зависимости от того, как велико было военное или политическое влияние Англии или Франции в конкретной стране и насколько это могло помешать аппетиту Рокфеллера. Перед второй мировой войной в этом ареале англичане были более сильными хозяевами, а значит, и доля «Стандард» была, соответственно, скромнее. Из ближневосточной нефти на его долю приходилось «лишь» 15%, однако эти 15% включали в себя и нефтяные залежи крупнейшего поставщика нефти — Саудовской Аравии. Открытие саудовской нефти было вторым по значению после распада Британской империи событием в конце второй мировой войны,

приведшим к созданию американской нефтяной империи на Ближнем Востоке. Ибн-Сауд, отец нынешнего короля Саудовской Аравии, в 30-е годы продал Рокфеллерам за 247 тыс. долл. первый регион нефтяных залежей страны. За время, прошедшее с тех пор, династия Рокфеллеров получала с этих нефтяных месторождений в среднем 500% прибыли на вложенный капитал в год.

Сама династия, разумеется, старела, и старый хищник Джон Д. Рокфеллер-старший не дожил до начала второй мировой войны. За несколько лет до его смерти ведение дел династии перешло к его сыну — Джону Д. Рокфеллеру II.

Коммерческие приемы, которые в дальнейшем применяли преемники, в любом случае были достойны основателя. После начала второй мировой войны выяснилось, что у «Стандард ойл» были свои филиалы и пакеты акций почти во всех областях немецкой военной промышленности. Так, например, у «Стандард ойл» было тайное картельное соглашение с трестом «И. Г. Фарбен», сыгравшим столь важную роль в захватнических войнах Гитлера. По этому соглашению «Стандард» ушла с германского рынка искусственного каучука и бензина, а трест «И. Г. Фарбен» обязался не появляться со своей продукцией на американских рынках. Когда после второй мировой войны американский сенат назначил по этому делу расследование, один из директоров «Стандард ойл» заявил перед сенатской комиссией: «...В октябре 1939 года, то есть через месяц после начала второй мировой войны, я встретился с представителем «И. Г. Фарбен» на голландской территории... Мы сделали все, чтобы найти решение вопроса, которое помогло бы нам без урона пройти через военные годы, независимо от того, вступят ли Соединенные Штаты в войну или нет». На практике это означало, что концерн «И. Г. Фарбен» и в годы войны получал прибыли от нефтяных продуктов, изготовленных по американским патентам. Точно таким же образом и «Стандард ойл» загребала за свои патенты от «И. Г. Фарбен» высокие прибыли, например за авиационный бензин, изготовлявшийся немцами все годы войны по специальной технологии очистки нефти. Эти суммы переводились членами картеля друг другу через Южную Америку. Более того, в начальном периоде войны «Стандард ойл», также через Южную Америку, поставляла для воздушных армад Геринга первоклассный авиационный бензин.

Понятно, что Рокфеллеры приложили руку к отбору членов нюрнбергского суда: ведь им нужно было следить за тем, чтобы их соглашение с нацистским трестом не всплыло на поверхность. Человек по имени Говард Петерсон, руководящий чиновник американского военного министерства, назначавший американских судей на Нюрнбергский процесс, до службы в армии был одним из адвокатов фирмы «Стандард ойл» и, как таковой, вел дела «Стандард ойл» с «И. Г. Фарбен». Его начальник Форрестол (тот самый, который позднее сошел с ума и покончил жизнь самоубийством), прежде чем стал министром обороны США, был одним из руководителей «Банкирского дома Диллон — Рид», принадлежавшего также концерну Рокфеллеров. Решающую роль сыграла династия Рокфеллеров в открытии эры «холодной войны». Нельзя считать случайным, что в самые критические годы, то есть с конца 1947 года, Джон Макклой, бывший юрисконсульт крупнейшего рокфеллеровского банка «Чейз Манхэттен», стал американским верховным военным комиссаром в Германии, полномочным диктатором американской оккупационной зоны.

Устрашающая своим могуществом династия Рокфеллеров и особенно ее основатель, сын торговца лошадьми и разъездного аптекаря, занимали мысли не только исследователей экономики, но и психиатров, и психологов. Джон Д. Рокфеллер, мягко говоря, был странным человеком, скорее всего одним из величайших лже-святых, каких только носила на себе земля.

Он был твердо убежден — или по крайней мере делал вид, будто это его твердое убеждение, — что свое богатство он получил от всевышнего, и всякий, кто попытается это богатство у него отнять, — грешник и безбожник. Когда американские законодательные органы вначале взялись расследовать дела монополии «Стандард ойл», Джон Д. Рокфеллер сделал такое заявление: «Господь бог дал мне деньги, а я по его поручению управляю имуществом других, и потому считаю своим долгом перед богом и человечеством, чтобы каждый цент, который я вкладываю в свои предприятия, и в дальнейшем служил интересам общества и его благоденствию».

После успешного периода великого стяжательства и накопления богатств конкуренты засыпали его полными обиды обвинениями, но он уполномочил священника самой большой в Нью-Йорке баптистской церкви за-

явить: «„Стандард ойл“, собственно говоря, — ангел милосердия, который навещает людей и дает им совет: „Спасайтесь, как в ноевом ковчеге, снесите на него все свое добро, а мы принимаем на себя всю ответственность за сохранность вашего добра“».

Такое поведение характерно для династии на протяжении всей ее истории. Несколько лет назад сотрудник американского еженедельника «Тайм» в роскошном кабинете президента банка «Чейз Манхэттен» взял интервью у Дэвида Рокфеллера, одного из внуков основателя династии. И вот что тот сказал о своем дедушке, а заодно и об отце, Джоне Д. Рокфеллере-младшем:

«Отец и дедушка никогда не разрешали нам считать, что у нас неограниченное количество денег. Они говорили: деньги принадлежат богу, а мы только управляем ими».

В доказательство своих слов он привел такой пример: в семь лет, когда он хотел купить себе каких-нибудь сладостей, он должен был прежде в течение шести часов сгребать листья в саду в отцовском имении. За эту работу ему платили два доллара. Если ему поручали полоть сорняки, за каждый выдернутый сорняк он получал один цент. На карманные расходы он получал 25 центов в неделю. О том, на что он их истратил, Дэвид должен был делать запись в бухгалтерской книге, которую отец проверял каждую неделю. За неточности в записях полагался штраф в 10 центов.

Нетрудно разглядеть сущность этой позы. Как писал Юнг, коллега австрийского психолога Фрейда, Д. Д. Рокфеллер — абсолютный эгоцентрист, который судит обо всем в мире через призму собственного «Я». И в такой степени, что считает попросту злодеями всех, чьи интересы противоречат его собственным. Истинным разоблачителем этой позы явилось само финансовое могущество, которое династия никогда не выпускала из своих рук. И, разумеется, стиль их жизни. В Америке, например, Рокфеллеры приобрели огромное поместье в 5 тыс. га, на территории которого для каждого из членов династии был выстроен свой дворец. Поместье это (оно называется Кайквит) в районе холмов Покантико, неподалеку от Нью-Йорка, существует и по сей день. Высокие стены, железные ворота, вооруженная охрана и дрессированные овчарки охраняют имение от непрошенных гостей. Главное здание поместья — гранитный дворец в 50 комнат в стиле короля Георга, который при его возведении

в 30-е годы обошелся в 2 млн. долл. Впрочем, ныне в нем уже никто не живет.

У каждого из Рокфеллеров свои собственные замки на этой общей территории. И, разумеется, еще несчетное количество других резиденций: у Нельсона Рокфеллера — огромное имение в Венесуэле, у Лоренса — плантация на Гавайских островах, у Уинтропа — в Арканзасе. И это не считая дюжины роскошных люкс-квартир по всему миру — от Багамских островов до Ривьеры и от Лондона до Рима.

В настоящее время богатствами династии Рокфеллеров правит третье поколение, если начало ее считать не от разъездного аптекаря и барышника, а от ее истинного основателя и собирателя великого богатства, символа «абсолютного эгоизма» — от Джона Д. Рокфеллера-старшего.

У его сына — Джона Дэвида было пять сыновей и одна дочь, наделенные правом распоряжаться имуществом, хотя формально помимо них оно находится в ведении различных фондов и благотворительных учреждений. (Этот последний способ «разделения власти» хорош для того, чтобы утаить десятки миллионов от обложения налогами. Ведь благотворительные учреждения, к примеру, от налогов освобождаются. А налогов с наследства Рокфеллеры вообще не платят: по семейной традиции все члены династии заблаговременно, еще до смерти, дарят свое имущество наследникам и, таким образом, формально умирают почти нищими. Налоги с договоров дарения значительно ниже налогов с наследства.)

В результате этого приема имущество династии все больше распространяется в ширину, поделенное между постоянно увеличивающимся числом наследников, затерянное в джунглях всевозможных фондов, а юридический контроль всего богатства династии становится все сложнее. И все больше кажется, что «империя Рокфеллеров» и управление ею становятся как бы обезличенными. Самая крупная нефтяная компания Рокфеллеров «Стандард ойл оф Нью-Джерси» тем временем была переименована в «Экссон». Три тысячи менеджеров руководят ее повседневной деятельностью. Их постоянно ищут и отбирают в университетах люди из специальных отделов. Затем сотрудники этих отделов тщательно и заботливо следят за учебой и ростом отобранных молодых людей в течение всего периода их обучения.

Практически и теоретически для каждого из них открыт путь до самых вершин руководства фирмы «Экссон», до совета пяти директоров, исполнительного комитета фирмы. Экономические планы фирмы обезличены. Правда, каждый год фирма «Экссон» выпускает так называемую «Зеленую книгу» о перспективах развития нефтяной промышленности, но и на ней имя автора не обозначено. Точно так же дело обстоит и в трех других американских нефтяных монополиях (СОКАЛ, «Галф ойл» и «Мобил»), за которыми на самом деле скрываются созданные еще старым Рокфеллером филиалы «Стандард ойл». Так что в союзе так называемых «Семи сестер», крупнейших нефтяных монополий мира, самая «рослая», старшая, и три ее младшие сестры до сих пор составляют собственность Рокфеллеров.

Словом, и современные формы управления наднациональными монополиями не могут скрыть того факта, что вожжи упряжки находятся в очень крепких руках. Один из известных исследователей крупных американских состояний Фердинанд Ландберг в книге «Богачи и сверхбогачи» так пишет об этом: «Ныне Рокфеллеры кажутся только „тихими компаньонами“ в империи „Стандард ойл“. Но стоит появиться какой-то проблеме, для решения которой нужно проявить истинную власть, как тотчас же такая возможность осуществляется. И об этом знает каждый из генеральных директоров „Стандард ойл“ во всем мире — от Саудовской Аравии до Венесуэлы».

И легко доказать справедливость этой фразы, назвав совершенно конкретные личности. На вершине пирамиды отлично разработана система разделения труда, которая после смерти Джона Рокфеллера-младшего выглядит следующим образом.

Джон Рокфеллер III руководит фондами и благотворительными учреждениями, которые приобрели необыкновенное значение как с точки зрения политической, так и с точки зрения исчисления налогов.

Дэвид Рокфеллер сделался коммерческим директором династии. В его руках находится «Чейз Манхэттен бэнк», который до сих пор играет решающую роль в управлении финансами не только предприятий Рокфеллеров, но и других нефтяных монополий, относящихся к группе «Семи сестер» (таких, например, как «Шелл» или «Бритиш петролеум»). Ландсберг, цитируя одного из генеральных директоров «Стандард ойл», так расска-

зывает об уровне деловых контактов Дэвида Рокфеллера: «Сколько раз я посещал Дэвида в поместье Покантико, у него всегда был кто-нибудь из премьер-министров, королей или императоров, которые мешали мне попасть к Дэвиду. Он то и дело совещался с высшими руководителями иностранных государств и разными политиками, независимо от их партийной принадлежности, направлявшими американскую политику. Это уже мир не просто высшего бизнеса, а сверхбизнеса, где исчезает водораздел между практически имеющим власть правительством и верхушкой деловых кругов».

Третий из братьев, Лоренс, наделен правом принимать решения относительно новых капиталовложений династии Рокфеллеров.

Четвертый брат, Нельсон Рокфеллер, их «представитель на виду», достигший вершин американской политики. На этом пункте есть смысл немного остановиться. Личность Нельсона Рокфеллера позволяет нам получить представление о той роли, которую играют потомки Рокфеллера и их избранники в фактическом политическом руководстве крупнейшей капиталистической державой мира. Нельсон Рокфеллер умер весной 1979 года в возрасте 70 лет, за свою жизнь он четыре раза избирался на пост губернатора штата Нью-Йорк. Во время пребывания Форда на посту президента США он был вице-президентом, дважды выставлял свою кандидатуру на пост президента. (И оба раза проиграл. Нельсон Рокфеллер был кандидатом левого крыла республиканской партии, которое представляет старинную финансовую олигархию Восточного побережья Америки, и потому более либерален по сравнению с «новыми богачами», недавно выбившимися в высшие круги. Основная когорта республиканцев, например Никсон, ненавидела Нельсона Рокфеллера. Кроме того, коллеги Рокфеллера по партии, вероятно, опасались, что избиратели не захотят отдать свои голоса за человека с фамилией Рокфеллер.)

Официальные посты, которые Нельсон Рокфеллер занимал на вершине американской политики, были почетными, но не особенно значительными. Они не отражали действительного политического влияния, которое на самом деле имел Нельсон Рокфеллер и представляемый им клан. Чтобы понять это, познакомимся с несколькими эпизодами из жизни клана. Отслужив в качестве «подмастерья» в директорском кабинете семейного банка «Чейз Манхэттен», Нельсон Рокфеллер в качестве

государственного секретаря в 1940 году вошел в правительство президента Рузвельта. Он же выработывал после второй мировой войны основы американской политики в Латинской Америке. А в 1952 году его на первый срок избрали губернатором штата Нью-Йорк. Начиная с этого времени он считался одним из руководителей республиканской партии. Независимо от постов, которые он в это время занимал, в действительности он определял в американской внешней политике кандидатуры одного за другим двух государственных секретарей Соединенных Штатов Америки — в очень ответственный период формирования внешней политики страны! Одним из них был Дин Риск, в период вьетнамской войны руководивший госдепартаментом США, а перед этим в течение восьми лет — президент «Фонда Рокфеллера». На пост государственного секретаря он был назначен по личной рекомендации Нельсона Рокфеллера. Другой — Киссинджер, который до того, как занять пост государственного секретаря, служил в администрации Никсона советником по национальной безопасности. Позднее он стал госсекретарем и практически единолично руководил (особенно в период скандалов, разразившихся вокруг самого Никсона) внешней политикой Соединенных Штатов. Киссинджер был в буквальном смысле этого слова человеком Нельсона Рокфеллера. К моменту, когда его «выдвинули» в администрацию, он занимал должность профессора в Гарвардском университете. Сначала он стал политическим советником Нельсона Рокфеллера. Сам Киссинджер признавал: «Личностью, которая оказала наибольшее влияние на мою жизнь, был Нельсон Рокфеллер».

Когда президентом был избран Никсон, Рокфеллеры стали придавать очень большое значение тому, чтобы поставить на ключевую позицию своего человека, поскольку и сам Никсон, и его окружение не были им симпатичны. Но само собой произошло так, что в один прекрасный день, когда Киссинджер обедал с Нельсоном Рокфеллером, ему позвонил Никсон и попросил профессора на следующий день прибыть в Вашингтон. Президент предлагал ему в своей администрации пост советника по вопросам национальной безопасности. Разумеется, Киссинджер был видным политическим мыслителем с большой широтой политических взглядов. Если бы Никсон не ценил этого его таланта, он не пригласил бы его к себе в советники. И все же когда Киссинджер

из Вашингтона возвратился в Нью-Йорк, он тотчас поспешил к Нельсону Рокфеллеру и в конце концов только с его одобрения принял предложенный ему президентом пост. Не будет преувеличением сказать, что Киссинджер и стал тем доверенным человеком Нельсона Рокфеллера, который был нужен всей их династии на вершинах государственной власти США.

Однако поучительная история этим не заканчивается. За падением Никсона последовало короткое пребывание на посту президента Дж. Форда, а затем республиканская партия утратила власть, и к ней пришла администрация демократической партии во главе с Дж. Картером. Эта администрация была более воинственной, действовала «с позиции силы» и проводила явно выраженную политику американского военного превосходства. Однако «серым кардиналом» и этого кабинета был ставленник клана Рокфеллера — Збигнев Бжезинский.

В 1973 году Дэвид Рокфеллер, по поручению клана руководивший «Чейз Манхэттен бэнк», договорился с братом Нельсоном Рокфеллером о создании так называемой «трехсторонней комиссии». (Важнейшей задачей этой комиссии была организация сотрудничества Соединенных Штатов, Японии и Западной Европы и координация действий против Советского Союза.)

Итак, Нельсон Рокфеллер пригласил Киссинджера перейти на политическую работу из Гарвардского университета. Нельсон и Дэвид совместно разыскали в Колумбийском университете и Бжезинского, который стал секретарем «трехсторонней комиссии». Здесь-то, в комиссии, созданной Рокфеллерами, Бжезинский встретился с будущим президентом Картером и Гарольдом Брауном, который позднее, уже в администрации Картера, стал министром обороны.

Вот она, хваленая «надпартийность» сверхкапитала: Киссинджер стал советником по национальной безопасности, а затем государственным секретарем в администрации республиканской партии, Бжезинский — советником по национальной безопасности в администрации демократической партии. По своим политическим взглядам на многие частные вопросы они отличались друг от друга, и в немалой степени. К тому же, и не очень жаловали один другого. Однако у них была и общая черта. И она — решающая: оба они работали на династию Рокфеллеров.

Администрации приходят и уходят. Американская политика меняет свой облик в зависимости от стратегической обстановки и от того, как сложатся финансовые интересы капитализма. Меняются и сами Рокфеллеры в зависимости от того, чего требуют от них обстановка и интересы в данный момент. Но какую бы форму ни принимали их сиюминутные запросы, какого бы стиля в работе они ни придерживались, финансовые интересы династии во все времена и повсюду оказываются превыше всего. Может быть, именно поэтому Ландберг в своей книге о «сверхбогачах», на десяти страницах мелким шрифтом сообщив читателю бесконечный перечень фирм, входящих в сферу интересов Рокфеллеров, заканчивает скучную статистику таким унылым замечанием: «Мир — это огромная плантация Рокфеллеров».

КРУПП - ПУШКИ империи

**ЧУМА В ГОРОДЕ ЭССЕНЕ — ПУШЕЧНЫЙ СТОЛ
И КОЛЕСО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ВАГОНА —
ВИЛЛА «ХЮГЕЛЬ»—БЕРТА И ЕЕ ГУСТАВ—РОДИНА
КАПИТАЛА — ВЕЛИКОЕ ОГРАБЛЕНИЕ — РАБЫ С
КРАСНЫМ ВИНОМ — НА НОВЫХ РЕЛЬСАХ**

В годы сокрушительного кризиса, постигшего фирму Круппа в 1966 году, один из руководителей концерна Бертольд Байц с огорчением сказал кому-то из западногерманских журналистов: «Сейчас, когда река высохла, мы наконец можем увидеть, что лежит на дне ее русла: немножко золота и множество пустых бутылок».

Конечно, золота было не так уж мало. К моменту кризиса, постигшего концерн, глава династии Альфрид Крупп фон Болен унд Гальбах все еще был самым богатым человеком в Европе, а «империя Круппов», с ее более чем сотней предприятий, — крупнейшим (из находившихся в одних руках) промышленным предприятием. По крайней мере до сего дня таково было мнение историков мировой экономики. Бухгалтерские книги этого семейного треста были на протяжении более столетия сокрыты от контролирующих органов, а истинные бухгалтерские отчеты вообще никогда не публиковались, и потому ныне трудно отделить легенду от действительности.

Но в наши дни многое изменилось. Прежде всего отказался от завещанного ему наследства «последний из Круппов» — Арндт. В этом молодом человеке не было уже ничего «стального». Свободное время он охотнее всего проводил перед зеркалом своего будуара у гримировального столика. Набору его косметики позавидовала бы не одна голливудская кинозвезда. Часами он один за другим примерял перед зеркалом парики и время от времени демонстрировал перед стройными молодыми

людьми самые новые, на заказ сшитые в Марокко каф-таны.

Ардт Крупп фон Болен унд Гальбах уже вследствие упоминавшегося кризиса «крупповской империи» 1966 года был вынужден отказаться от права единолично управлять фантастически огромными богатствами. В ночь на 16 сентября в доме Бертольда Байца состоялся разговор, точного содержания которого до сих пор не знает никто. Отец Ардта тогда был уже смертельно болен. Поэтому произвести неприятную операцию с имуществом Круппов уполномочили Байца. Западногерманские крупные банки были согласны открыть дверцы своих сейфов для оказания помощи очутившемуся в трудном экономическом положении концерну, но с условием, что «крупповская империя» будет преобразована в предприятие современной формы — акционерное общество. Для этого нужна была подпись Ардта Круппа. Это «отречение наследника от престола», разумеется, отнюдь не означало для него бедность и нищету. Последний Крупп получал в год за вычетом налогов содержание от фирмы в 2 млн. западногерманских марок. К этому нужно еще прибавить частные владения, унаследованные им от отца, стоимость которых определялась в 1 млрд. марок. И потомок Круппа уже в первый, 1967 год истратил вдвое больше, чем определенное ему содержание, то есть 4 млн. марок. Конечно, велики были расходы на содержание дворца в Блунбахе (72 комнаты, 70 человек прислуги), самого крупного помещичьего имения в Австрии. Дорого обходились ему и вилла в Марокко, в оазисе вблизи Марракеша, и дворец в Мюнхене, стены которого украшали полотна Рубенса и Ван Дейка, и люкс-яхта «Антоний II», и целая армада автомобилей с флагманом в виде «роллс - ройса», все заднее сидение которого занимал встроенный трон.

Последний Крупп был не одинок среди тех, кто, мягко говоря, удивлял свое окружение несколькими странными обычаями. Да и вообще в атмосфере семейства Круппов уже давно чувствовался запах тлена. Однако до поры до времени дым сталелитейных заводов, копать шахт и тяжелый дух расплавленного металла заглушали зловоние, исходившее от приватной жизни династии.

Интересно, что первый Крупп, который в 1587 году прибыл в город Эссен, тоже звался Ардтом Круппом. Историки династии и по сей день не едины в вопросе, откуда пошла эта фамилия. По одной версии, Круппы

происходят из Голландии, и за 100 лет до их появления в Эссене их фамилия была Кроппен или Кроп. Правда, упомянутый выше Арндт Крупп в 1587 году записал свою фамилию в городские акты собственноручно. Но почерк у него был настолько примитивным, что немецкие историки на протяжении многих поколений спорили, как ее прочесть: Крупп, Крупе, Крип или Крипе.

Но если Арндт и не умел как следует писать, дельцом он оказался умелым и хватким. Тогдашний Эссен, как и другие города Европы, регулярно опустошали эпидемии. Через 12 лет после того, как Арндт Крупп поселился в городе в торговом доме на Соляной площади, город совершенно обезлюдел после очередной эпидемии чумы. Эссен охватила паника, смешивались стоны больных и вопли пьянствующих. Люди продавали за бесценок дома и земли первому встречному или бросали их.

Арндт Крупп не стонал и не веселился во хмелю, а скупал. Скупал сады и пастбища. Скупал — и не за поношку табака — в местностях, что лежали вокруг высоких стен маленького тогда городка Эссен. Скупал такие поля, которым позднее не было цены, и потом, на протяжении четырех веков, они оставались исключительно во владении династии Круппов. Немного погодя Арндт Крупп вступил в цех кузнецов, однако кузницу строить не стал. Поначалу был торговцем, потом отдавал предпочтение земле, скупке наделов.

Сын Арндта — Антон Крупп в 1612 году за восемь лет до начала так называемой Тридцатилетней войны, охватившей всю Германию и залившей кровью все немецкие земли, женился на девушке по имени Гертруда Крёзен, отец которой был владельцем оружейной мастерской, одной из 24, имевшихся в то время в Эссене. Этот Антон и был первым Круппом — оружейником. Он продавал ежегодно по тысяче орудийных стволов, и в 1641 году в протоколе заседаний городского совета он упоминается, как «всеми уважаемый горожанин, благородный по рождению господин Антон Крупп». Из этого можно, конечно же, сделать вывод, что литье орудийных стволов у Круппа получалось неплохо. Начиная с того времени Круппы относятся уже к числу богатейших граждан Эссена.

Американец Уильям Манчестер, автор новейшей и, может быть, самой пространной истории семейства Круппов, так говорит об этом: «Итак, имелся Крупп, кото-

рый за три столетия до Вердена и Сталинграда уже продавал пушки».

После Тридцатилетней войны в бизнесе Антона Круппа наступил длительный «мирный» период. Богатеющие Круппы занимались всякого рода делами: держали бакалейную торговлю и торговали мясом, красками и одеждой. И только некая Елена Амалия Крупп в 1800 году снова вернулась к первоначальному ремеслу клана, открыв кузницу и торговлю углем и сталью. Севернее Эссена за 12 тыс. таллеров она купила сталелитейную мастерскую. Мастерская имела собственное имя — «Гутехофнунгсхютте» («Домна доброй надежды») и стала в дальнейшем самым гордым бастионом «империи Круппов». Сначала мастерская выпускала чугуны и сковородки, а затем по заказу Пруссии стала отливать орудийные ядра. Через семь лет после покупки мастерской госпожа Елена Амалия доверила ведение дела своему 19-летнему внуку Фридриху Круппу. Из 11 известных до сих пор поколений Круппов он относился к седьмому поколению, и до сих пор его имя («Фрид. Крупп», Эссен) украшает фронтоны крупповских заводов по всему свету.

Семейная легенда, не скупясь, наделила этого Фридриха Круппа удивительнейшими достоинствами, превратив его в человека, в котором «талант сочетался с энергией». Действительно, энергии Фридриху Круппу было не занимать, и он с великим упорством искал все новые и новые методы литья железа и стали. Но как предприниматель он не был очень удачлив. В это время над Европой простерла крылья зловещая тень Наполеона, и Фридрих Крупп со дня смерти своей бабушки все время раздумывал: сотрудничать ему с французами или нет? Наконец он решил этот вопрос в пользу сотрудничества, но решил именно тогда, когда огромная армия Наполеона отправилась в поход, где вскоре и сгинула почти вся на бескрайних русских равнинах. А Фридрих Крупп в это время рыл траншеи под стенами Эссена против пруссаков, которые, преследуя остатки наполеоновского войска, приближались к окраинам города!

Понятно, что после крушения Наполеона Фридрих Крупп не мог оставаться в городе. Да и бизнес его никак не хотел налаживаться. Сначала потому, что после сокрушительного низвержения императора на континенте вновь появилась английская сталь. Мастерская Фридриха Круппа, которая официально именовалась «сталелитейной фабрикой», на самом деле была едва ли больше

обычной деревенской кузницы. В 1824 году Фридрих Крупп вынужден был продать даже свой городской дом, в котором его семья жила уже больше 200 лет. Неподалеку от мастерской он построил себе другой, намного меньше и проще. Этот дом простоял у самых стен выросшего огромного сталелитейного завода до 1944 года, когда бомбы второй мировой войны уничтожили его. (Вновь возрождающаяся «империя Круппа» построила точную копию того же самого домика, чтобы воскресить старую легенду.)

Однако действительность такова, что когда в 39 лет Фридрих Крупп умер на набитом соломой тюфяке, это был всего лишь потерпевший крах тщеславный провинциальный кузнец. 8 октября 1826 г., возвратившись с похорон отца, новый глава большого семейства, старший из сыновей Альфред Крупп «подвел итог». Он был довольно печальным. Новый глава семьи 14-летний мальчишка получил в наследство небольшую мастерскую с семьей рабочими, дом ценою около 700 талеров, корову и несколько свиней.

Альфред Крупп оказался фанатиком сталелитейного производства, но в первые годы казалось, что и его точно так же, как и отца, ждет крах. Когда ему исполнилось 20 лет, в мастерской работало уже только пять рабочих. Ценой преодоления немыслимых трудностей он доставал нужное количество заказов, чтобы хоть как-то удержаться на поверхности, не пойти ко дну.

Перелом принесло изобретение. Альфред Крупп на своем маленьком заводике начал делать новый сплав стали, который легче поддавался сварке, был более легким и более упругим. В 1834 году, объехав многие крупные немецкие города с образцами этой стали, Альфред возвратился с десятком заказов. Год спустя на заводе уже работали 30 рабочих, а еще год спустя — 60.

Но все же своим расцветом его сталелитейное производство обязано не гениальности Альфреда, как на протяжении многих поколений твердили придворные историки династии. Конечно, крупповская сталь, что варили на маленьком заводе, была отличная, и все же она не могла превзойти по качеству английскую сталь. Поток заказов Круппу вызван другим обстоятельством — таможенной унией немецких государств. Эту унию поддерживала изо всех сил Пруссия, которая была предвестником и предтечей экономики единой Германской империи. Немецкая таможенная уния и создавала те экономические предпо-

сылки, благодаря которым немецкий металл мог успешно конкурировать с английской импортной сталью.

Опираясь на эту новую таможенную политику, Альфред Крупп объехал всю Европу, заключая договора, — от Варшавы до Праги и от Парижа до Брюсселя. В столице Франции он навестил даже Джеймса Ротшильда, мечтая добиться поддержки этого финансового магната, чтобы на французских монетных дворах использовали крупповские стальные штампы и инструменты.

И по сей день неясно, почему Альфред Крупп снова возвратился к производству оружия. Фактом остается только, что в мастерских Круппа еще в 1836 году впервые начали экспериментировать с производством орудийных стволов. Эксперименты эти длились вплоть до 1843 года, когда был изготовлен первый стальной орудийный ствол.

Семейные историки не очень распространяются о том, что Альфред пытался прежде всего продать свои стальные орудийные стволы англичанам. В письме, направленном английскому правительству, он ссылаясь на то, что в сравнении с принятыми в то время бронзовыми и чугунными орудийными стволами его продукция — несравненно лучше. Однако англичане прислали только вежливый отказ. Да и прусское военное министерство не проявило большого понимания.

Альфред Крупп много лет кряду бомбардировал своими письмами чинуш из берлинского военного министерства, пока наконец в 1844 году все же получил первый заказ. Однако орудийный ствол он смог поставить только через три года, в 1847 году. Когда этот ствол прибыл в арсенал Шпандау, еще никто и подумать не мог, что это поворотный момент в военной истории. Это была первая крупповская пушка, поставленная Пруссии.

В арсенале орудийный ствол Альфреда Круппа тоже пылился еще целых два года. Только в 1849 году его опробовали. Опробовали и написали в Эссен эдакий неопределенный ответ. Чинуши сообщали, что орудие они признают неплохим, но оно намного дороже бронзовых и чугунных пушек и потому не может с ними соревноваться. В письме, отправленном позднее одному из друзей, Альфред Крупп писал: «Начальник берлинского арсенала откровенно сказал мне, что он слышать не хочет о стальных пушках, поскольку Веллингтон побил Наполеона при Ватерлоо бронзовыми орудиями».

Альфред Крупп после этого снова обратился к англичанам. На выставке, состоявшейся в лондонском «Хрустальном дворце» в 1851 году, он продемонстрировал пушку со стальным стволом. Оружие вызвало сенсацию, однако продать он его не смог. И еще несколько раз предлагал он свою новинку английскому, французскому и русскому правительствам, но она никому не была нужна. Единственный человек, кто заинтересовался стальным орудием, был герцог Вильгельм из дома Гогенцоллернов, позднее ставший императором Германии Вильгельмом I. Вскоре он посетил оружейную мастерскую в Эссене и приколот на грудь Альфреда орден Прусского красного орла четвертой степени.

Однако в то время Вильгельм еще не числился среди могущественных монархов Европы, а государи, обладавшие действительным могуществом, по-прежнему отмахивались от предложений Круппа. Артиллерийские эксперты русского царя Александра II испытали присланные им стальные пушки и с удивлением констатировали, что из них можно произвести в четыре раза больше выстрелов, а они и не собирались лопаться. В знак признания достоинств пушки ее поместили в артиллерийский музей Петропавловской крепости, но продолжали и дальше использовать старые орудия.

Злая ирония истории состояла в том, что Наполеон III, власть которого позднее пала под залпами крупновской артиллерии, чуть было не купил 300 крупновских орудий накануне войны с Пруссией и отступился от этого заказа только под давлением французских оружейников из семейства Шнейдеров. Он дал себя уговорить, будто его патриотический долг—поддержать продукцию завода Шнейдера, расположенного в маленьком городке Ле-Крезо.

А заводы Круппа постепенно росли. В 1857 году на них уже работала тысяча человек. Сталь Круппа начинали признавать по всей Европе. И все же настоящие успехи фирмы и быстрое продвижение по пути к богатству и власти еще были впереди. В этот период товаром, приносящим наибольшую прибыль Круппу, было еще не оружие, а вагонные колеса. Железная дорога—один из символов промышленной революции XIX века, и Альфред Крупп был в числе первых, кто научился делать без сварки обода колес для железнодорожных вагонов. Именно тогда крупновские заводы взяли эмблемой своей фирмы три сплетенных кольца, три вагонных колеса. И по сей

день эти три круга—торговый знак запатентованной продукции Круппа.

Пушки начали превалировать над вагонными колесами, когда Вильгельм Гогенцоллерн, приверженец орудий со стальными стволами, осенью 1859 года сделался королем Пруссии Вильгельмом I. Крупп немедленно получил заказ на изготовление для него 312 стальных пушек, а прусское военное министерство без промедления перевело ему половину закупочной стоимости — 100 тыс. талеров. С этого дня Крупп прикрывается прусским знаменем, а новый государь в письме, направленном Альфреду Круппу, превозносит до небес патриотизм его династии, отмечая, «что династия последовательно отказывалась от заграничных заказов на артиллерийские орудия». (И это — после того, как Альфред Крупп десятилетиями тщето набивался со своими пушками ко всем государям Европы—от русского царя до Наполеона III.)

Поза Круппа-патриота выглядит странной еще и потому, что возникшая с помощью прусских заказов благоприятная конъюнктура для Круппа одновременно означала, что его заводы получили огромные заказы и из-за границы. Именно в это время самым большим заказчиком Круппа явилась царская Россия. В 1863 году генералы Александра II направили в Эссен заказ стоимостью в 1 млн. талеров, то есть в пять раз больший, чем прусский король Вильгельм! Свое название «пушечные короли» династия Круппов получила именно за эти царские заказы. В это время одна берлинская газета напечатала статью о миллионном русском бизнесе, в которой Круппа впервые назвали «пушечным королем».

На успех не повлияло даже то, что «пушечный король» Альфред время от времени вел себя несколько странно. Еще его отец Фридрих страдал приступами депрессии. В такие минуты он днями лежал в постели, отвернувшись лицом к стене, ни с кем не говоря. Альфред, создавая свою оружейную империю, страдал бессонницей и манией преследования. В течение всей жизни он сделал около 50 тыс. записей — чаще всего на маленьких листочках бумаги. Большая часть этих заметок посвящена вопросам личной безопасности. (Так, например: «Я думаю, нужно нанять второго часового, который будет контролировать нынешнего первого часового, а может быть, еще и третьего, чтобы тот присматривал за вторым».)

Эссенский замо́к, принадлежавший династии, сто́ит и поныне и несет на себе следы поведения большого Кру́ппа. Название его — ви́лла «Хюгель» (вилла «на холме»). Вилла «Хюгель» сыграла довольно мрачную роль в истории Германии. Проектировали ее пять лет. Потом десять лет строили. Поскольку Альфред Кру́пп страдал не только манией преследования, но и боязнью пожара, строителям виллы пришлось решать очень сложные инженерные задачи. Здание (которое архитекторы уже тогда называли «смесью центрального вокзала и уездного суда») пришлось построить таким образом, чтобы при его возведении совершенно не применялось дерево — при уровне техники тех времен дело нелегкое. Разумеется, не могло быть речи и о том, чтобы в стенах провели газовые трубы, поскольку газ взрывоопасен. Газовые фонари тоже не нужны были Альфреду Кру́ппу, потому что свои заметки он делал в полной темноте (он умел писать в темноте так же хорошо, как при дневном свете). В целях противопожарной безопасности кабинет Альфреда Кру́ппа от внешнего мира защищали три железные двери. Боялся «пушечный король» не только огня, но и сквозняков, и потому распорядился, чтобы ни одно окно в новом здании виллы «Хюгель» вообще не открывалось. Вентиляция осуществлялась по специальным вентиляционным каналам, что одновременно гарантировало Альфреду Кру́ппу всегда очень важный для него «аромат навоза» в комнатах. Последнее нуждается в некоторых пояснениях. Одной из характерных особенностей психики «пушечного короля» было то, что с юношеского возраста он придавал почти волшебное значение различным запахам. Он разделял запахи на благотворные и вредные. И к числу благотворных прежде всего он относил запах свежего конского навоза. В одной из своих заметок он так и пишет, что, когда чувствует этот запах, «он успокаивается и у него рождаются творческие мысли».

На вилле «Хюгель» вопрос с навозом решили, разместив кабинет Альфреда Кру́ппа в непосредственном соседстве с конюшней. Отсюда через спальную комнату в кабинет по вентиляционному каналу «аромат» и поставлялся.

Но если с головой у «пушечного короля» было не все в порядке, то с пушками порядок был полный, и в 1870 году во франко-прусской войне крупповские орудия буквально расстреляли в пух и прах артиллерию Наполеона III. Стальные орудия Кру́ппа стреляли в два раза

дальше, чем французские бронзовые, и к тому же быстрее и точнее. Военные специалисты того времени вынуждены были констатировать, что крупповские пушки были величайшим «военным сюрпризом» в франко-прусской кампании.

Победа в войне, разумеется, принесла Круппу гигантский деловой успех. Вся Европа закупала теперь пушки только у Круппа. Турция с помощью орудий Альфреда смогла сохранить за собой Босфор, и даже в далеком Китае самый влиятельный по тем временам феодальный военачальник Ли Хунчжан заказал для своей армии 270 крупповских пушек. Да что там Китай?! Крошечная Андорра и та закупила орудия Круппа, но, увы, так и не смогла применить их, потому что княжество было таким маленьким, что если бы из крупповской пушки выстрелили в одном его конце, снаряд упал бы либо на испанскую, либо на французскую территорию.

Начиная с 1870 года на протяжении полутора десятилетий число рабочих на заводах Круппа увеличивалось каждые три года вдвое. Вполне естественно, что «пушечный король» был самым ярым врагом немецких рабочих. Именно на крупповских заводах в германской промышленности были впервые введены «черные списки», и теперь, если о рабочем становилось известно, что он — член социал-демократической партии, его немедленно выбрасывали с работы. В 1877 году Альфред Крупп произнес перед своими рабочими речь: «Радуйтесь тому, что есть, — сказал он. — Закончили работу, идите домой, проводите время в семейном кругу со своими женами, детьми, престарелыми родителями. Занимайтесь домашними делами. Пусть это будет вашей политикой. И тогда будете счастливыми. Но остерегайтесь рассуждать, бойтесь тревожений, связанных с обсуждением больших вопросов национальной политики. Это требует много времени и знаний, гораздо больше, чем они имеются у каждого рабочего...»

Немецкие рабочие, разумеется, не вняли крупповскому катехизису и в 1877 году в первый раз направили в германский парламент 12 представителей от социал-демократии. В ответ канцлер Бисмарк провел пресловутый «исключительный закон против социалистов», который ставил социал-демократическую партию вне закона. Как об этом свидетельствуют документы из архива Круппа, Альфред «с восторгом воспринял решение канцлера».

У себя на заводах Крупп тоже издал свой закон про-

тив социалистов, потребовав от рабочих железной дисциплины. Свои заметки, посвященные заводу, он начинал обращением: «Дорогой Завод», словно обращался в письме к одному-единственному лицу. В таких посланиях он предписывал, чтобы каждый рабочий крупповских заводов носил на одежде своего рода знаки различия в зависимости от того, как долго он работает на заводе. В других записках он развивал мысль о том, что «именно в низших классах общества растет стремление к роскоши», и потому приказал, чтобы «каждый порядочный родитель обувал своих детей в деревянную обувь». В классных комнатах школ при крупповских заводах, разумеется, не видели необходимости делать полы. Крупп придумал дюжину наказаний, и на его заводах было едва ли не больше надсмотрщиков за рабочими, чем самих рабочих. Всякий, кто хоть на несколько минут намеревался оставить свое рабочее место, должен был об этом сначала испросить разрешения у начальника цеха, даже если рабочему требовалось просто сходить в туалет. Но хотя с заводов прогнали всех членов социал-демократической партии, в одной из пресловутых «записок Альфреда Круппа» мы находим: «Заводская внутри-ведомственная охрана каждый вечер проверяет все мусорные ящики перед жилищами рабочих: вдруг кто-то нападет на след запрещенной литературы». Специальный смотритель следил за тем, чтобы листки бумаги, висевшие в туалетах, не оказались запрещенной литературой. Таков был «пушечный король», богатейший человек в Германии, умерший в июле 1887 года за тремя железными дверьми в комнате, наполненной «ароматом» конского навоза.

Сын его — Фридрих Альфред Крупп считался еще при жизни отца «министром иностранных дел» отцовского завода; он объехал все столицы мира, от Пекина до Сантьяго, и уже в юном возрасте был одним из самых опытных людей в организации производства артиллерийских орудий.

Фридрих Альфред нашел достойного единомышленника в лице нового германского императора. Воинственно настроенный Вильгельм II был, если не считать Гитлера, самым крупным заказчиком заводов Круппа и одновременно покровителем этого «благородного семейства».

В это время в коридорах виллы «Хюгель» уже стояли, дожидаясь своей очереди, крупнейшие и талантливейшие изобретатели века: от Рудольфа Дизеля, изобретателя

дизельного мотора, до Нобеля, изобретшего динамит и бездымный порох. Этот порох и дюжина других открытий дали возможность быстро осуществить модернизацию заводов Круппа. Домны Фридриха Альфреда теперь производили в год уже 320 тыс. т стали, и у «пушечного короля» было 43 тыс. «подданных». Практически весь город Эссен теперь находился в руках Круппа. А это означало 92 бакалейных магазина, дюжину пекарен, мельницы, свечные заводы, фабрики обуви и одежды. Даже одеяния священников, библии и распятия в церквях были украшены надписями «движимая собственность Фридриха Круппа».

За семь лет, прошедшие после смерти отца, Фридрих Альфред Крупп утроил свои личные доходы. Он платил наибольший налог с доходов в Германской империи. С развитием германского милитаризма Пруссия стала крупнейшим заказчиком заводов Круппа. В 1887 году еще только 33% торгового оборота завода приходилось на императорский двор, а семь лет спустя — уже 67%. В то же время Крупп был главным поставщиком оружия не только готовившемуся к войне германскому императору, но одновременно являлся членом международного оружейного картеля. Самые крупные поставщики оружия в мире (наряду с Круппом такие фирмы, как английская «Виккерс — Армстронг», французская «Шнейдер», американская «Карнеги») заключили между собой соглашение об обмене патентами и технологией. И Фридрих Альфред, разглагольствуя об отсутствии патриотизма у германских рабочих и вооружая императорскую армию, сам тем временем получал по 45 долл. прибыли за 1 т броневых плит для танков, которые военные противники Германии — оружейники Антанты («Виккерс-Армстронг», «Шнейдер» и «Карнеги») производили на основании лицензий Круппа на своих заводах. Сказать проще, Крупп зарабатывал и на тех императорских орудиях, которые впоследствии убивали французских, английских и американских солдат, и на тех французских, английских и американских орудиях, которые крушили армию Вильгельма II!

Наследницей всех фабрик и сталелитейных заводов и многих десятков шахт после смерти «пушечного короля» стала шестнадцатилетняя Берта Крупп. Поскольку у Фридриха Альфреда не было наследника мужского пола, фирму преобразовали юридически в акционерное общество. На основании нового устава фирмы Берту

Крупп именовали теперь «обладательницей и руководительницей фамильного предприятия» и видоизменили прежний династический закон; отныне все имущество переходит в руки «старшего из наследников» независимо от пола. Поскольку по немецким законам того времени акционерное общество могли создать не менее пяти акционеров, фирма Круппов напечатала 160 тыс. акций. Одну из них получил дядя Берты, одну — Барбара и по одной — три члена директората фирмы. Оставшиеся — за вычетом пяти от 160 тыс. — перешли в руки Берты Крупп.

В 1906 году, когда Берте исполнилось двадцать лет, Вильгельм II решил, что ей пора в интересах империи вступить в брак, и назначил в мужья Берте маленького бледногубого дипломата, служившего в ранге атташе в прусском посольстве при Ватикане. Жениха звали Густав фон Болен унд Гальбах. Он был старше невесты на шестнадцать лет. Свадьбу сыграли, разумеется, в вилле «Хюгель». Невесту вел к алтарю сам император, а в углу зала выстроилось все правительство Германии. Император специальным указом повелел жениху принять фамилию Круппа. Так что со дня венчания свежеспеченного супруга именовали Густавом Круппом фон Болен унд Гальбах. Это и стало в дальнейшем официальным именем для отпрысков последующих поколений.

У «новичка» в династии было несколько черт характера, достойных прежних «урожденных» Круппов. Как видно, у императора был безошибочный нюх, Густав оказался самым педантичным человеком на свете. Гостям виллы «Хюгель» объявили, что отныне завтрак будет подаваться в 7 час. 15 мин. и опаздывать к нему нельзя. В 7 час. 16 мин. двери столовой запирали наглухо, и не было такой силы, которая смогла бы раскрыть их перед опоздавшим гостем. Тем более что Густав отдал и еще одно распоряжение: завтрак должен длиться ровно 15 мин. Семейный ужин должен был заканчиваться за 50 мин. В 10 ч. 15 мин., согласно «уставу дома», Густав и Берта уже лежали в супружеской постели. Вскоре на свет явился и первенец: Альфрид Крупп фон Болен унд Гальбах, впоследствии осужденный в Нюрнберге военный преступник.

В семействе дети стали рождаться регулярно: шесть мальчиков и две девочки.

«Примак» имел любимое чтение: расписание поездов. Если он обнаруживал в расписании какую-нибудь ошиб-

ку, он направлял дирекции железных дорог сердитое письмо. Галерею на четвертом этаже виллы «Хюгель» занимала огромная игрушка — железная дорога. Дети Круппа один час в неделю получали «урок точности», проходивший на галерее четвертого этажа. Их папочка с секундомером в руках стоял рядом с игрушечной железной дорогой и проверял точность отправления и прибытия поездов.

Секундомеры были в ходу и в других случаях жизни: так, например, если за обедом новый хозяин дома закончил есть очередное блюдо, у всех остальных официанты в тот же миг отбирали тарелки. По мнению Густава Круппа, человек не должен есть медленно.

Хозяйка дома фрау Берта оказалась достойной парой своему супругу Густаву. Она изучала благородное мастерство блюстительницы морали и потому распорядилась и на ночь окна в доме не закрывать, какой бы прохладной ни была погода. Это, считала она, помешает наглым подмастерьям и горничным шляться друг к другу из комнаты в комнату. Мужская и женская части прислуги получили места, разумеется, в противоположных флигелях здания. Оба флигеля связывал переход, закрывавшийся железными дверьми. По ночам фрау Берта, закутавшись в толстые шали, периодически появлялась в темных коридорах и переходах и пристально следила, не крадется ли кто из флигеля во флигель. И если обнаруживала в переходе горничную, лакея, конюшего или кухарку, тотчас увольняла их.

Супруга фрау Берты прозвали «Крупп из Круппов», или кратко, «железным Густавом». В 1912 году праздновался столетний юбилей фирмы. По этому случаю в Эссене устроили «рыцарский турнир». Видные сотрудники фирмы участвовали в нем в средневековых костюмах. Фрау Берта тоже вырядилась в костюм «госпожи замка». Альфрид же, маленький «престолонаследник», сидел на крохотной лошадке пони, одетый в бархатный костюмчик, отделанный мехом горноста. «Железный Густав» был, разумеется, в доспехах средневековых рыцарей. Отметить столетие крупповской фирмы явился весь германский генеральный штаб и даже сам император Вильгельм, который в торжественной речи сказал, что пушки Круппа — это сила германской армии и флота.

Однако патриотический «рыцарский турнир» не изменил аксиому капитализма: родиной капитала является страна под названием «прибыль». По случаю юбилейных

торжеств Густава, правда, наградили орденом «Железный крест», но это не мешало ему и дальше поставлять свои орудия и таким странам, о которых все давным-давно знали (и лучше всего сам Крупп), что в близящейся войне они станут противниками Германии. Так, например, Англия, Франция и царская Россия регулярно получали самые современные крупповские орудия, а в самый разгар германо-английского военно-морского соперничества судоверфи Круппа поставляли английскому флоту ежегодно по восемь боевых кораблей!

И надо же было, чтобы в год юбилея, спустя всего несколько месяцев после «рыцарского турнира», выяснилось, что агенты Круппа выкрали из сейфов германского военного министерства больше тысячи секретных документов. Затем они переправили эти документы французам, с тем чтобы, используя эти документы, французская печать тотчас предприняла кампанию против Германии. Газетная кампания против Берлина в Париже означала бы новые прибыли для крупповских заводов: чем громче и яростнее кричат французские газеты, тем больше заказов Круппам от имперского военного министерства. До сих пор неясно, как тайной полицией стало известно о пропаже документов из сейфов военного министерства, но факт остается фактом, что двух директоров крупповской фирмы арестовали. И несколько недель казалось, что «дело Круппа» станет величайшим скандалом императорской Германии. Однако пожар погасил сам император: по указанию двора в течение нескольких месяцев в прессе не появлялось ни одного слова о крупповском скандале, а взятых ранее под стражу директоров выпустили на свободу. Именно тогда Карл Либкнехт выступил со знаменитой «антикрупповской речью» на заседании германского имперского рейхстага: «Эта фирма-юбиляр регулярно использует свое богатство на то, чтобы совращать офицеров генерального штаба и заставлять их продавать военные тайны. Но, судя по всему, у нас нельзя произнести имя Круппа без того, чтобы мы не начали петь ему дифирамбы и модные патриотические гимны в пивных и в офицерских собраниях».

Разумеется, германские правые с пеной у рта бросились поливать грязью Либкнехта. Один из их заправил, Гугенберг вопил: «В действительности нет никакого „дела Круппа“, есть только „дело Либкнехта“».

После речи знаменитого руководителя немецкой соци-

ал-демократии по крайней мере формально должен был состояться крупповский процесс. Генеральных директоров Круппа и нескольких армейских офицеров снова взяли под стражу. Судебный процесс — явно по указке императора — закончился смехотворно мягкими приговорами. Офицеры генерального штаба получили по четыре — шесть месяцев тюрьмы, а крупповские директора уплатили штраф в 1200 марок. Сам же «железный Густав» в разгар судебного процесса получил от императора новую награду — орден Прусского красного орла второй степени с дубовыми листьями.

Не прошло и двух лет после этого поучительного события, как разразилась первая мировая война. В канун объявления войны на крупповских заводах работало 80 тыс. рабочих. За несколько месяцев это число выросло до 150 тыс., а в первый год войны только в Эссене и на его окраинах было построено 36 новых крупповских заводов. Орудия Круппа, его подводные лодки и корабли были двигателем германской военной машины. В честь тощей фрау Берты была названа самая большая пушка крупповских заводов «большая Берта», которая сыграла решающую роль в военных успехах Германии на Западном фронте. Крупп, продолжая в этом же духе, начал производство знаменитых «парижских пушек», из которых немцы затем обстреливали французскую столицу.

Война принесла заводам Круппа и его династии больше славы и успеха, чем Германии и ее генеральному штабу. По мере того как превосходство сил Антанты становилось все более очевидным, генерал Людендорф пригласил к себе «железного Густава» и, проинформировав о фактическом положении дел на фронте, попросил его переговорить с императором и убедить его начать мирные переговоры. Однако Крупп был настроен более воинственно, чем Людендорф, вероятнее всего потому, что в бухгалтерских книгах крупповских заводов война получалась однозначно «победоносной». С августа 1914 года чистая прибыль крупповских заводов выросла до 432 млн. марок — цифра по тем временам фантастическая.

Непосредственно перед крахом Германии еще казалось, что для крупповских заводов близятся черные дни. Во время версальских мирных переговоров «железный Густав» значился в списках военных преступников, составленных союзниками стран Антанты, сразу же за германским императором, престолонаследником и адмиралом

Тирпицем, но перед Гинденбургом и Людендорфом. Этот список военных преступников «железный Густав», впрочем, не слишком принимал всерьез. Его куда больше волновало то, что революционная волна, захлестнувшая Германию, ворвалась и на эссенские оружейные заводы и, казалось, вот-вот докатится до виллы «Хюгель» (однажды рабочая милиция Рурской области на бронев автомобиле подъехала прямо к вилле).

Но крупповская семейка «пересидела» тяжелые дни в одном из своих имений, в замке Блюнбах, в глубине Австрийских Альп, в башнях которого и водостоках были упрятаны маленькие артиллерийские орудия. Из этого же замка «железный Густав» финансировал вместе с другими крупными промышленниками и реакционные «освободительные войска», от залпов которых позднее погибли два великих вождя немецкого пролетариата — Роза Люксембург и Карл Либкнехт.

Несколько лет спустя Крупп уже всюду трудился над тайным перевооружением Веймарской республики и одновременно восстановил свои связи с крупнейшими английскими, американскими и французскими оружейными заводами. В 1926 году английский трест «Виккерс» выплатил Круппу 40 тыс. ф. ст. за патенты по производству оружия, которые он использовал в ходе войны.

Что же касается производства оружия, то американская разведка уже в 1921 году установила, что среди крупповских патентов, зарегистрированных вновь, имеется 26 патентов на прицельные приспособления нового типа, 17 — на полевые орудия и 14 — на тяжелые артиллерийские орудия. Официально эти устройства в крупповских документах на регистрацию изобретений носили абсолютно невинные названия. В сейфах германского генерального штаба в период между 1921 и 1930 годом сохранился специальный «Крупповский словарь терминов». Из этого словаря люди посвященные могли узнать, что название «сельскохозяйственный тракторный тягач» означает танк, а «самостоятельнодвигающийся транспорт» — тяжелую артустановку на железнодорожной платформе.

Тайному перевооружению Германии помогали и заграничные заводы Круппов. Так, например, уже в начале 20-х годов Крупп купил контрольный пакет акций шведских заводов «Бофорс» и с этого дня шведские предприятия наладили массовое и совершенно открытое производство новых типов оружия, разработанных в Эссене.

Такие же связи у Круппа были и с голландскими оружейными заводами.

А на горизонте германской политики в это время уже появились нацисты. На выборах 1930 года партия Гитлера получила в рейхстаге 107 мандатов. Наследник династии Круппов Альфрид уже в следующем году вступил в гитлеровскую партию, а сам «железный Густав» в феврале 1933 года, за семь дней до поджога рейхстага, возглавил делегацию крупных промышленников, которая в рабочем кабинете Геринга в здании рейхстага встрети-лась с Гитлером. (Геринг был тогда председателем рейхстага.) На этой встрече Гитлер рассказал германским толстосумам о своей политической программе, а «желез-ный Густав» в ответной речи от имени крупных промыш-ленников выразил ему благодарность и заверил в под-держке германского капитала.

После речи Круппа главный нацистский специалист по финансам и экономике Шахт воскликнул: «А сейчас, господа, прошу к кассе!» И опять первым был Крупп. Он предложил на поддержку политики Гитлера, а точнее, на финансирование проходивших в условиях террора вы-боров 1933 года 1 млн. марок. Присутствовавшие на этом совещании другие крупные капиталисты, общим числом 21, все вместе пожертвовали 2 млн. марок. Так что Гитлер действительно не мог пожаловаться на скупость «железного Густава».

После прихода нацистов к власти Крупп с полной силой бросился в море нового вооружения. (Однако расстаться со старыми привычками времен императора он полностью не мог и некоторое время еще давал указание своему берлинскому шоферу следить за его руками, когда Крупп выходит из зала заседаний со своим партнером. Если Крупп держит перчатки в правой руке, шофер щелкает каблуками в соответствии с тради-циями старой имперской армии. Если же Крупп дер-жит перчатки в левой руке, шофер салютует, выбрасывая вперед правую руку, на нацистский манер.)

Вся эта игра, конечно, длилась недолго: уже в апреле 1933 года Густав Крупп приказал всем членам своей ди-рекции вступить в ряды нацистской партии. А в августе он сделал принадлежность к нацистской партии и нацист-ское партийное приветствие обязательным на терри-тории всех своих заводов. Несогласных следовало не-медленно увольнять.

Вот фрау Берта — та упорнее своего мужа придержи-

валась старых привычек. Еще бы, ведь император добыл для нее из германского посольства при Ватикане мужа и поставил его во главе крупповской династии! Говорят, что, когда Густав дал указание убрать с флагштока виллы «Хюгель» флаг германской империи и вместо него вывесить знамя со свастикой, владелица фирмы сердито отчитала мужа: «Неужели мы так низко пали!». На это Густав гордо возразил: «Фюрер всегда прав».

В годы, последовавшие за приходом нацистов к власти, Гитлер и фашистская партия получили от династии Круппов не менее 12 млн. марок. Но это повлияло на бизнес только положительно: ведь приход нацистов к власти ускорил темпы вооружения, а значит, увеличил и прибыли фирмы Круппа. Так что чему же тут удивляться, что при первом посещении в 1936 году Гитлером эссенских заводов Густав Крупп надел на рукав не одну повязку со свастикой, а целых две!?

Сын его, Альфрид, уже после второй мировой войны как-то упомянул, что за период между приходом Гитлера к власти и апогеем второй мировой войны (т. е. между 1933 и 1943 гг.) богатство Круппов приумножилось втрое.

Тем временем «железный Густав» все больше страдал от склероза сосудов мозга, и фирме вскоре уже начала угрожать опасность междоусобной драки за богатство и власть в концерне между Альфридом и его братьями и сестрами. Гитлеру пришлось самому вмешаться, и он в специальном письме в 1943 году определил, что для нацистского строя концерн Круппа имеет решающее значение, и потому распорядился, чтобы Альфрид стал единовластным правителем «крупповской империи».

На самом деле, естественно, Альфрид Крупп уже задолго до болезни и смерти отца взял в свои руки все управление фирмой. Буквы А. К. все чаще появлялись на самых важных, секретных документах фирмы. Перед тем как осенью 1939 года Гитлер напал на Польшу, его специальный эмиссар за неделю до начала агрессии отправился в Эссен и, не обращаясь к уже пораженному склерозом Густаву, информировал Альфрида Круппа о близящейся войне. После войны среди документов Круппов были найдены секретные указания, подписанные Альфридом инициалами А. К.: «Все поставки в Польшу прекратить немедленно. Договора расторгнуть. Польским клиентам, требующим ускорения поставок, давать уклончивые ответы».

И в разгар войны Гитлер тоже не забыл, кто является «оружейником империи». В 1940 году он лично приехал в Эссен, чтобы вручить Круппу награды — «нацистское золотое знамя» и знак «национал-социалистского рабочего предприятия». На празднике по поводу награждения он обнял «железного Густава», а Альфрид скромно отошел на задний план. Кроме того, Крупп был награжден орденом Орла Германской империи с надписью «фюреру экономики Германии».

Армии нацистов мутной волной захлестнули Европу, а за ними неукоснительно следовал Альфрид Крупп. Он летал на истребителе, помеченном особыми опознавательными знаками, и один за другим присоединял к концерну Круппа наиболее ценные заводы на оккупированной территории: у него были особые полномочия на такой грабеж и ему не нужно было согласия никакого официального гражданского или военного органа на конфискацию того или иного завода.

Когда «железный Густав» получил второй инсульт и назначение главой фирмы Альфрида стало неизбежным, Гитлер, по сути, только утвердил уже много лет существовавшее фактическое положение в фирме: в ноябре 1943 года в вилле «Хюгель» в большом зале посланцы Гитлера приняли участие в довольно неприятной церемонии, которая странным образом символизировала не только истинное положение дел на крупповских заводах, но и в самой Германии, еще грабившей другие страны, но уже двигавшейся к своему полному поражению и краху. То есть к краху самого нацистского режима.

Посланцы Гитлера — генералы СС и представители гестапо, а также сотрудники генерального штаба собрались в вилле «Хюгель» в большом зале перед тремя установленными там креслами. В одном восседала фрау Берта, в другой — Альфрид, в третьем — старый Густав. Комиссары Гитлера передали собравшимся личные указания «фюрера», а затем фрау Берта торжественно заявила, что она от своей доли на семейное имущество отказывается в пользу старшего сына Альфрида. После этого новый правитель фирмы произнес речь. «Я согласен с заявлением моей матери, — негромко сказал он, — и принимаю руководство имуществом семейства».

В это время танковые части Советской Армии на Восточном фронте в исторической битве под Курском уже доказали техническое превосходство советских боевых машин над крупповскими танками. А в непосред-

ственной близости от Восточного фронта директора воровски захваченных Альфридом и приписанных к «империи Круппа» заводов на оккупированных территориях штурмовали нацистское руководство на местах, «выбивая» железнодорожные вагоны, чтобы демонтировать и эвакуировать на Запад станки и машины с этих заводов.

Альфрид Крупп, как и полагается генералу войск СС, продолжал верно служить нацизму и в сумерках приближающейся катастрофы. Разумеется, каждодневные трудности его не затрагивали. Его любимый напиток, шотландское виски, всегда имелся в погребах, а в золотом портсигаре — сигареты «Кэмел».

Бомбардировки вырывали из тела «крупповской империи» все большие куски. Как заметил один из биографов династии, для этого не нужно было даже прицельного бомбометания — под заводами Круппа в границах города Эссена находилось почти 5 млн. кв. м территории, в семь раз большей, чем центр самого города. К концу 1944 года около 40% заводской застройки на этой территории было разбито бомбами или сожжено.

Но все это ничуть не изменило образ жизни Альфрида Круппа и его виллы «Хюгель». Историк династии Круппов описывает, как в декабре 1944 года за ужином лакей подал к мясу белое вино. Это была, конечно, непоправимая ошибка, тем более что Альфрид Крупп хорошо знал: погреба виллы «Хюгель» по-прежнему ломаются от запасов французского красного вина. На его гневный вопрос лакей, заикаясь, пояснил, что упавшая на днях неподалеку от замка бомба одним из осколков повредила водопроводную сеть, из-за чего в течение двух дней во флигель для прислуги прекратилась подача воды, а когда по чьему-то недосмотру еще и вспыхнул пожар, огонь гасили красным вином. Услышав такое объяснение, Альфрид Крупп только и сказал: «Ну уж это слишком!» — и, морщась, выпил бокал белого рейнского.

Пока лакеи в вилле «Хюгель» гасили красным вином пожар во флигеле для прислуги, Альфрид Крупп требовал от генералов СС все новых и новых рабов для своих заводов. Сохранилось большое количество писем и указаний, в которых говорилось о том, что и в последний период войны на новых крупповских заводах в оккупированной Польше работали невольники из лагеря смерти в Освенциме. Это Альфрид Крупп направил Гитлеру

письмо, где рекомендовал буквально: «истребление с помощью работы». Он доказывал, что куда проще заставлять узников концентрационных лагерей работать до смерти, чем попросту убивать их.

Конечно, подневольный труд в экономическом смысле этого слова неполноценен, но он все равно означал гигантские прибыли для крупповских заводов. Крупповские заводы платили в день четыре марки войскам СС за каждого переданного им узника концлагерей. Сохранились даже счета, датированные 1943 годом, которые свидетельствуют об этом дьявольском бизнесе.

Что же касается питания, то оно в основном заменялось кнутами и резиновыми дубинками. Один из доверенных сотрудников Альфрида Круппа — фон Бюлов — в письме Круппу, датированном осенью 1944 года (это письмо было представлено позднее в суд), на фирменном крупповском бланке жалуется дирекции, что на складах фирмы слишком мало резиновых дубинок и кнутов и просил запросить таковые с базы СС.

Когда нацистский рейх рухнул и его главарям настал час держать ответ, американский патруль арестовал Круппа в холле виллы «Хюгель». Его отправили в следственную тюрьму, но усадить на скамью военных преступников на Нюрнбергском процессе все равно не смогли. Не смогли по формальной причине: потому, что прокуроры американской и английской сторон в свое время подготовили место на этой скамье лично для «железного Густава», отца Альфрида Круппа, а Альфрид среди прочих Круппов в их глазах считался «преступником второго порядка». Ведь он лишь формально принял на себя управление фирмой. А сам Густав Крупп болен, и Лоуренс, английский председатель суда, констатировал, что, страдая старческим размягчением мозга, он не был способен предстать перед международным трибуналом.

Советский прокурор (а поначалу также американский и французский прокуроры) настаивал, что Альфрид является военным преступником первого порядка, и потому его место — на скамье подсудимых большого Нюрнбергского процесса. Но позднее американский, а затем и французский прокурор изменили свою точку зрения и решили, что, поскольку в списке главных военных преступников фигурирует Густав, а не просто любой Крупп, то его нельзя заменить другим обвиняемым, каким бы преступником он сам ни был.

Итак, Альфريد Крупп только в 1947 году оказался все же перед американским военным трибуналом. Однако за эти два года после конца войны в мире очень многое изменилось: американская администрация готовилась к «холодной войне». Государственный секретарь США Бирнс на специальном поезде, принадлежавшем в свое время Гитлеру, уже в сентябре 1946 года прикатил в Штутгарт, где встретился с представителями крупного германского капитала и произнес речь, в которой подчеркнул всю важность восстановления германской крупной промышленности. Так что к моменту начала процесса в 1947 году над Альфридом Круппом фактические руководители американской политики видели в нем уже не прошлого преступника, а своего будущего союзника. Сам приговор, вынесенный в июле 1948 года, с виду еще был строгим. В обосновании говорилось, что «Крупп действительно заключил союз с правительством германской империи, а особенно с генеральным штабом. Развитие фирмы Круппов вообще связано с личной поддержкой Гитлера».

Круппу вынесли приговор о лишении свободы на 12 лет с конфискацией личного имущества, хотя с самого начала процесса судьи туманно и неопределенно высказывались насчет того, считают ли они концерн Круппа личной собственностью Альфрида.

Из 12 лет тюрьмы, назначенных в наказание Альфриду Круппу, он отсидел неполных два с половиной года. Макклой, тогдашний американский верховный комиссар в Германии (в свое время юрисконсульт рокфеллеровского банка «Чейз Манхэттен»), 31 января 1951 г. одним росчерком пера отменил приговор Круппу и положил конец дискуссиям, как толковать пункт приговора о конфискации его личного имущества. Он приказал вернуть Круппу все конфискованное у него имущество, потому что «конфискация имущества противоречит американским принципам правосудия».

Но и два с половиной года пребывания Круппа в тюрьме не носили характера каких-то тяжелых испытаний. Фон Бюлов — тот самый, что просил эсэсовцев ускорить присылку резиновых дубинок, а позже сидел в тюрьме вместе с Круппом, — в своих записках сообщает, что «эти два с половиной года были полным солнцем отдыхом». Альфрид Крупп получил разрешение, находясь в тюрьме, проводить совещания со своими директорами. На этих «совещаниях дирекции фирмы за решет-

кой» участники покуривали голландские сигары, лакомились апельсинами и бананами и очень оптимистично оценивали финансовые показатели возобновивших производство крупповских заводов.

Когда Альфрид Крупп вышел за ворота тюрьмы, на противоположном тротуаре его ожидали, выстроившись в шеренгу, члены директората его фирмы. А на углу дожидался белый микробус «фольксваген». Внутри же этого маленького грузовичка был спрятан спортивный автомобиль «порше». Это был подарок директорского совета фирмы своему шефу по случаю освобождения из заключения. И спрятали спортивную машину вовнутрь грузовика только для того, чтобы не особенно привлекать внимание случайных прохожих. Когда грузовичок отъехал от тюрьмы, из его чрева выкатился на асфальт маленький «порше» и кортеж направился к зданию управления фирмы в Эссене, где вышедшего на свободу Круппа приветствовали французским шампанским.

В период «холодной войны» имелись, собственно говоря, все возможности для крупповской фирмы стать снова «великой державой внутри Германии». И если этого не случилось, то только потому, что промышленное и технологическое развитие производства уже не терпело династической власти, мешавшей дирекции концерна принимать разумные и своевременные решения. Так, например, из-за ошибочных расчетов Альфрида фирма вовремя не избавилась от тех шахт и домен, которые позднее стали самым тяжелым бременем для фирмы и в конце концов привели ее к экономическому краху. (Флик, чей концерн к концу войны имел аналогичную структуру, например, своевременно освободился от «коммерческих кандалов» и модернизировал свою «империю».)

Трудностей становилось все больше. Более чем сотня крупных предприятий и дочерних предприятий Круппов (главным образом шахты, домны, строительные фирмы и судоверфи) становились убыточными. Когда в 1966 году в концерне Круппа разразился кризис, годовой оборот «империи» все еще составлял около 5 млрд. марок, но по величине фирма уже была только девятой в ряду других западногерманских концернов, и долги ее превышали 3 млрд. марок.

Тогда-то и вмешались крупные банки Западной Германии и начали спасать концерн. Однако плата за эту спасательную операцию была достаточно высокой. Западногерманское правительство взяло на себя гарантии

за банковские долги фирмы и за новые кредиты под экспорт. За это правительство потребовало, чтобы крупновский концерн из «семейного предприятия» был преобразован в акционерное общество или в «общество с ограниченной ответственностью». Альфрид вынужден был принять этот ультиматум. В одном из условий ультиматума требовалось, чтобы наследник Альфрида — Арндт, тоже за соответствующее богатое вознаграждение, отказался от наследства.

Когда все это произошло, смертельно болен был не только «семейный концерн» Круппов, но и сам Альфрид. 30 июля 1967 г. он умер от рака. (Сын его Арндт по этому поводу заявил: «Возможно, это звучит страшно, но только теперь мы можем получить свободу рук».)

На похоронах Альфрида заводской оркестр играл шахтерский марш «Шахтер, поднимайся наверх! Пробил твой час!» Марш этот не очень соответствовал моменту из биографии «пушечного короля», когда тот ловко до того, как «пробил час», выбрался наверх из мрака тюремной камеры, хотя и был настоящим военным преступником. На этом, собственно, окончилась история «семейного концерна» Круппов, которая в буквальном смысле слова была историей «дранг нах Остен» Германской империи, всей тяжестью навалившейся на Европу. Это относилось не только к личности Альфрида, но и вообще к новому соотношению сил в Европе, и гамбургский журнал «Шпигель» в репортаже о похоронах Круппа поместил статью с таким заголовком: «Король умер еще до того, как он умер».

С этого момента история крупповской фирмы покати-лась вперед уже по новым рельсам. Оценивать новый ее период было бы преждевременно. Крупповские заводы были преобразованы в акционерное общество, большинство акций которого находилось теперь в руках так называемого «крупповского фонда». Его первым президентом сделался Байц. Непосредственное руководство концерном осуществляет совет директоров. Совет уже за первые два года проглотил трех генеральных директоров. Из этого можно сделать вывод, что идет борьба за власть между «фондом» и членами совета директоров. Но очевидно также, что западногерманские крупные банки до конца не довели реорганизацию концерна. Крупп, конечно, освободился от убыточного завода по производству грузовиков и от нескольких шахт, и концерн, охватывающий шесть крупных отраслей промышленности, и по сей

день играет решающую роль в сталелитейной и металлургической промышленности. Но в отраслях, где господствует самая современная технология, фирма Круппа не представлена должным образом.

Три переплетающихся кольца и впредь будут служить символом гиганта западногерманской промышленности. Но вилла «Хюгель» уже не является первым по величине центром власти. Если последний из потомков крупновской династии появляется на карнавале в Рио-де-Жанейро в костюме стоимостью 6 тыс. долл., украшенном на манер ацтекских императоров, мало кто при этом вспоминает реки крови, которые были пролиты в свое время этой черной династией.

МИЦУИ - упорный самурай

**СЕГУН, ДАЙМИО, САМУРАЙ — ВЕЛИКИЙ СКАЧОК —
НА ВЕРШИНАХ ПОЛИТИКИ — ПРОБУЖДЕНИЕ ОТ
ЛЕТАРГИЧЕСКОГО СНА — ТУМАН И СУМРАК**

История одного из гигантов японской экономики — «дома Мицуи» — это описание пути к сказочным богатствам и власти, пути таинственного и расцвеченного легендами, уходящими в далекое прошлое. Не будет преувеличением сказать, что это одновременно и история всей этой островной страны, влияние которой сегодня в области счетно-вычислительной техники прочно связано с фирмой «Мицуи».

И потому историю эту нельзя в общем-то начать, не сказав хотя бы несколько слов об истории Японского государства. А она, как история всех народов, начинается с легенд и мифов. Еще в VI веке несколько крупных родов навязали свою волю императорскому дому Японии. Одним из таких родов, стремившихся к власти над императором, была династия Сёга.

В ходе борьбы за власть один из вождей приблизительно в 1192 году провозгласил себя сёгуном. Вообще-то словом «сёгун» первоначально называли командира, предводителя. Позднее оно стало означать «военный диктатор», который в истории Японии сыграл решающую роль. И должность эта просуществовала свыше 700 лет. При номинальной роли, которую играл император в феодальной Японии, сёгун обладал истинной государственной властью.

Сёгуны и их роды вели постоянную борьбу с другими крупными феодальными кланами. У каждого клана было свое маленькое феодальное войско. Воителями этого войска были самураи. Отряды самураев входили как состав-

ная часть в армию более крупного феодала. Эта воинская обязанность передавалась в самурайских родах по наследству — от отца к сыну. Обычно феодал дарил самураю за его верную службу небольшой надел. Разумеется, землю в этом наделе-имении обрабатывали приписанные к нему крепостные.

Согласно легенде, предок династии Мицуи был таким самураем, почти 1000 лет тому назад поступившим на службу к тогдашнему сёгуну Японии.

Около XVI века в Японии из массы ремесленников, объединенных в цеха, рыбаков и торговцев начинают выделяться банкиры, оптовые торговцы рисом, судовладельцы. Тогда же возникают первые мануфактуры — достаточно крупные предприятия, но все еще с преобладанием в них ручного труда. К концу XVI века члены семейства Мицуи больше уже не служат самураями с мечом в руках. Сначала Мицуи появляются в сфере торговли в качестве торговцев рисом, затем приобретают собственную шелкопрядильню. А в 1673 году один из многочисленных братьев Мицуи организовал первую контору по размену и даче денег в долг под проценты, а затем переметнулся уже в торговлю шелком. В XVIII веке Мицуи считаются уже богатейшими в стране торговцами.

Посетитель музея Мицуи в Токио может узнать, что Мицуи были первыми, кто применил в Японии рекламу и объявления. Так, они раздавали бесплатно изготовленные из промасленной бумаги зонтики, на которых было написано «Мицуи». (Они оплачивали директоров театров, чтобы во время исполнения народных пьес артисты вставляли в классические тексты слова «Мицуи».) Это же семейство купцов было первым в Японии, кто изобрел платежные чеки, двойную бухгалтерию и принял решение, что служащего фирмы, пока он работает прилежно и честно, нельзя уволить.

В начале XVIII века семейству Мицуи уже принадлежал крупнейший банк и торговый дом Японии. Глава клана носил титул «банкира его императорского величества».

В это время уже были выработаны правила, действующие и до сих пор под названием «семейная конституция дома Мицуи». Эта конституция оказалась очень важной для той роли, которую клан играл в истории страны почти на протяжении двух веков — с 1640 года до середины XIX века — в совершенно изолированной от внеш-

него мира Японии. В 1640 году были закрыты все порты страны. Было запрещено строительство кораблей, предназначенных для дальних заморских путешествий. Император издал указ, по которому ни один японец не имел права покинуть страну, а если все же поступит так, а затем возвратится на родину, то здесь его ждала смертная казнь. Смертная казнь грозила также иностранцам, которые посмеют вступить на землю Японии.

В этом странном государстве с удушающей атмосферой изоляции от мира семейство Мицуи и выработало свою «семейную конституцию». Она состоит из 11 «заповедей». В первой группе заповедей сформулирована мысль о том, что отдельная личность — ничто, а семья (клан) — все, что клан должен избирать от имени династии главу, наделенного полной непререкаемой властью. Эта власть переходит всякий раз старшему сыну, который и является управляющим семейным имуществом. Другая группа заповедей перечисляет обязанности и задачи главы клана. И, наконец, 11-я заповедь гласит: «Тебе выпало особое счастье родиться в этой стране богов. Чти наших богов и императора, который является олицетворением их воли на земле». В этих словах уже можно почувствовать ту особую атмосферу, свойственную японским капиталистическим кланам и непохожую на все то, что нам известно из истории европейского и американского капитализма.

Может быть, эта разница станет еще более ощутимой, если привести текст присяги, который почти 300 лет тому назад должен был принести каждый мальчик из клана Мицуи, когда он вступал в фирму: «В присутствии высокочтимых духов моих предков клянусь, что буду поддерживать все принадлежащие к нашему клану семейства и увеличивать созданную нашими предками фирму. Я буду соблюдать конституцию нашего дома и не буду предпринимать попыток изменить ее. На этом я торжественно присягаю и скрепляю эту присягу в присутствии духов наших почитаемых предков своей подписью».

Трудно представить себе такое посвящение в коммерсанты где-нибудь в доме Ротшильдов, Круппов, Рокфеллеров или Фордов.

«Дом Мицуи» вырос в тепличной атмосфере, отрезанной от всего мира Японии. Но он был одним из тех крупных финансовых и торговых предприятий, которые однажды почувствовали, что пора положить конец эпохе изоляции. Когда американские корабли под командова-

нием адмирала Перри появились перед закрытыми для чужеземцев японскими морскими портами и «разбили» окна «темниц», «дом Мицуи» первым установил контакт с иноземцами и тогдашний руководитель клана даже послал одного японского художника на корабль Перри, чтобы тот нарисовал для Японии портрет американского адмирала. Система изоляции в рамках сёгуната рухнула. Начался период пока еще половинчатых буржуазных реформ. Мужчины из клана Мицуи целым роем поспешили отправиться за океан, чтобы изучать торговый и банковский мир Америки.

Для «дома Мицуи» две большие возможности — богатеть и развиваться — открыли завоевательный поход против Кореи и война против царской России. Перед русско-японской войной государственные деятели Японии, тесно сотрудничавшие с «домом Мицуи», начали индустриализацию Японии с помощью крупных централизованных капиталовложений. Когда государственная власть, рисковавшая последними грошами налогоплательщиков, решила, что ее миссия закончена, в дело вступили «дом Мицуи» и другие подобные ему крупные капиталистические японские кланы: они за бесценок скупили у правительства только что созданные на народные деньги предприятия — от шахт до ткацких фабрик.

Это и задало «начальную скорость» клану Мицуи и другим трестам. Процесс этот, только в более утонченной, развитой форме, повторился и еще раз — после второй мировой войны.

Благодаря такому развитию дел «дом Мицуи» уже через семь лет после начала нового века, прикарманив «трофей» русско-японской войны, делается крупнейшим военным промышленником страны, а главу клана производят в бароны и награждают орденом Восходящего солнца. Теперь торговый флот «дома Мицуи» (39 кораблей) мог принять участие в перевозках военного времени.

На пороге второй мировой войны рост фирмы привел к почти монопольному, ни с чем не сравнимому положению «дома Мицуи». Клан держал в руках 112 крупнейших капиталистических акционерных обществ. Они представляли 18 таких отраслей японской экономической жизни (от сталелитейной до пищевой), которые выпускали $1/2$ всех товаров в стране. Особенно прочно контролировал «дом Мицуи» химическую промышленность.

На протяжении многих лет «дом Мицуи» втягивал в свой круг притяжения и другие монопольные капитали-

стические предприятия, что только увеличивало рост влияния клана.

Действовавшие в других отраслях экономики крупные кланы заключали договора о союзе и сотрудничестве с «домом Мицуи». Этот огромный круг переплетающихся интересов в истории экономики Японии получил название «большой Мицуи».

Так же как крупные американские или европейские капиталисты, «дом Мицуи» вынужден был, конечно, бороться за раздел рынка с другими крупными конкурирующими капиталистическими кланами. Наиболее известным в истории такой конкурентной борьбы был концерн «Мицубиси», который находился в руках семьи баронов Ивасаки. Начиная с 1870 года и вплоть до второй мировой войны японская внутренняя и даже военная политика (разумеется, с известными упрощениями) отражала борьбу за власть между кланами Мицуи и Мицубиси, в ходе которой между ними были заключены соглашения.

Так, например, клан Мицуи имел колоссальное влияние в армии и военно-воздушном флоте, Мицубиси специализировался на морском флоте. Эти их интересы и определяли впоследствии в большой степени формирование японской военной стратегии.

Может быть, картина станет яснее, если мы рассмотрим деятельность двух наиболее важных партий в период, когда в конце 70-х годов прошлого века начал создаваться парламентский строй Японии. Без преувеличения можно сказать, что возникшие в то время две крупные партии Японии тоже являлись представительницами политических интересов двух кланов — Мицуи и Мицубиси. Клан Мицуи создал «консервативную партию», Мицубиси — «партию реформ», или, как она позднее стала называться, «демократическую партию».

В исторических бурях политической жизни Японии эти партии появлялись на поверхности в разное время под разными названиями. Характерно, однако, что, когда после поражения Японии во второй мировой войне был вновь восстановлен парламентский строй, в политической жизни снова возникли все те же две партии. В 1948 году эти две партии, которые 70 лет тому назад были созданы кланом Мицуи и его конкурентом — концерном «Мицубиси», объединились, и по сей день эта либерально-демократическая партия управляет Японией.

Когда во второй мировой войне японское государство потерпело крах, казалось, рухнула и власть «дома Ми-

цуи». Американские оккупационные власти сразу после войны распорядились о запрещении японских монополистических компаний и о разделе их имущества. Однако это было сделано только для вида: господство крупных банков эти меры вообще не затронули. Если говорить конкретно о фирме «Мицуи» и конкурирующих с ней капиталистических кланах, то здесь как раз банки объединили и собрали вместе только что разделенные монополии. И когда американцы с началом «холодной войны» изменили свою политику и приняли решение восстановить экономическое могущество крупных японских капиталистических семейств, им нужно было только вернуть из летаргического сна все эти компании.

Прежнее огромное могущество кланов и оставшиеся неразделенными семейные банки (Банк Мицуи и Банк Дайити) буквально за несколько месяцев смогли возродиться в прежней форме, в прежнем виде. Во второй половине 50-х годов эти два банка относились к числу 50 крупнейших банков в стране, и семейство Мицуи было единственным, которое держало в своих руках два из семи самых крупных банков Японии.

Среди специалистов до сих пор идет дискуссия, у кого в руках находится преобладающая доля производства страны — у Мицуи или Мицубиси. Эти две гигантские монополии располагают приблизительно одинаковой промышленной мощностью и вместе контролируют около 30% производства в стране, поднявшейся среди стран капитализма в ранг второй великой державы. Конечно, внутри этой системы есть сдвиги, возникли новые центры власти. Так, например, 70% японского судостроения находится в руках треста «Мицубиси», который принадлежит потомкам барона Ивасаки. В то же время торговый дом семейства Мицуи держит в своих руках крупнейшую экспортно-импортную фирму Японии и половину экспорта страны.

Вот что рассказывает о себе сама фирма «Мицуи». В одной принадлежащей американцам экономической газете, выходящей на Дальнем Востоке, Банк Мицуи дал следующее объявление: «Если вы хотите правильно сориентироваться в японском деловом мире, ищите пути к Банку Мицуи. Это 143 филиала в Японии, регулярные связи почти с 1700 иностранными банками. Дочерние предприятия в Нью-Йорке, Лондоне, Бангкоке, Бомбее, Сингапуре».

В другом газетном объявлении «дома Мицуи», наце-

ленном на иностранный туризм, недвусмысленно говорится о том, насколько власть этой династии с мировым именем пронизывает всю экономическую жизнь Японии: «Вы можете приехать в Японию на океанском корабле, который произведен на верфи «Мицуи» из стали, которую облагородили сталелитейные заводы «Мицуи». Вы прибудете в порт, оборудование которому поставила «Мицуи», оттуда можете сесть на трамвай производства фирмы «Мицуи» и поехать на нем в одну из гостиниц «Мицуи». К вечеру, отдохнув, вы можете почитать книги, принадлежащие издательству «Мицуи», при свете электрической лампы, сделанной на заводе «Мицуи». Утром, проснувшись, вы можете выпить чай с плантациями «Мицуи», который подсластите сахаром с наших сахарных заводов. Затем вы посетите один из магазинов «Мицуи» и там найдете все — от драгоценных камней до предметов хозяйственного обихода».

На протяжении десятилетий исследователи во многих книгах занимались историей торгового «дома Мицуи» и той ролью, какую династия играла на протяжении веков в истории Японии.

Докопаться до истины трудно было потому, что потомки самураев Мицуи, исполняя заповеди «семейной конституции», не проявляли себя на открытой сцене политической жизни страны, как на Западе это делали Рокфеллеры, Круппы или Ротшильды. Два столетия полной отгороженности от внешнего мира и влияния старинных традиций до сих дней не дают возможности отчетливо увидеть и раскрыть связи Мицуи и японской государственной политики, их личные контакты подобно, например, связи ИТТ и американской администрации (чего мы коснемся несколько позднее). Имеется только несколько случаев, когда можно нащупать эти связи, добраться до некоторых конкретных лиц.

Так, например, платный агент Мицуи — Мацуока, один из организаторов разбойничьих войн Японии на Дальнем Востоке, был японским министром иностранных дел. Принц Коноэ, премьер-министр, который в начале 40-х годов осуществил превращение Японии в страну с откровенно фашистским режимом, правительство свое составил почти целиком из людей Мицуи. Или вот еще: адмирал Судзуки был также агентом компании «Мицуи», а ведь это он в апреле 1945 года возглавил правительство, чтобы через свои связи обеспечить сломленной в войне Японии контакты с американскими трестами.

Так что в истории семейства Мицуи куда больше туманных легенд, чем у больших европейских и американских семейств, ведущих свою родословную от «баронов-разбойников». Обстановку эту очень верно характеризует американский исследователь Джеймс С. Аллен: «В Америке династии Моргана, Рокфеллера, Дюпона, Меллона обладают невероятной властью, но они не имеют возможности такого всеобщего контроля, какая есть в Японии у трестов, подобных „Мицубиси“ и „Мицуи“».

ШЕЛЛ- нефть в ракушке

**ЛАВКА ДРЕВНОСТЕЙ И РЕДКОСТНЫХ ВЕЩИЧЕК —
ДЕТЕРДИНГ ПОЯВЛЯЕТСЯ НА СЦЕНЕ — ЖЕНИТЬБА
НА НЕФТИ — СОВЕТСКАЯ НЕФТЬ — РОЖДЕНИЕ
КАРТЕЛЯ — МЕЧТА О КАВКАЗЕ — ЭПОХА
БЕЗЫМЯННОСТИ**

В южной части Лондона, неподалеку от берега Темзы, высится небоскреб нефтяной компании «Ройял датч-Шелл». С его крыши открывается дивный вид на английскую столицу. Но вид из комнат со звуконепроницаемыми, обитыми кожей дверями еще лучше. «Ройял датч-Шелл» в ряду крупнейших нефтяных компаний мира идет вслед за гигантской монополией «Стандард ойл оф Нью-Джерси», самой крупной в рокфеллеровской империи. 174 тыс. сотрудников, более 200 дочерних предприятий, 74 нефтеперегонных завода, 60 тыс. км нефтепроводов, нефтеналивной флот общим тоннажем около 20 млн. т — вот что такое «Ройял датч-Шелл». Годовой оборот фирмы «Ройял датч-Шелл» составляет 18—20 млрд. долл., а чистая прибыль — около 1,5 млрд. в год. Сырая нефть из нефтяных скважин в десятках разных стран, от Венесуэлы до Малайзии, от султаната Бруней до Соединенных Штатов Америки течет по нефтепроводам в цистерны нефтеналивных судов «Шелл».

Для исследователя процессов, как создавались крупные состояния, история фирмы «Ройял датч-Шелл» — особенно благодатный объект. У колыбели богатства тоже стоят способные, хитрые и беспощадные «первопроходцы», которые по-своему были незаурядными личностями. Борьба между монополиями велась с переменным успехом, часто сменяясь серией компромиссов, что в конце концов преобразило этот колосс, так что сегодня уже никто не решится назвать его частной фирмой одной или пусть даже двух семей. Именно эти преобра-

зования и отличают историю фирмы «Ройял датч-Шелл» от остальных, тоже вначале созданных «большими хищниками».

Во всяком случае, начало истории вполне соответствует «классическим» правилам. Место действия — лондонский Ист-Энд, где немолодой господин по имени Маркус Самюэл в 70-х годах прошлого столетия держал небольшую лавчонку экзотических украшений и редкостей. Одной из достопримечательностей лавки были шкатулки, рамки для портретов и отделанные ракушками предметы украшений — в полном соответствии вкусам «викторианской эпохи». Сын Маркуса Самюэла-старшего, как и его отец, поначалу торговал исключительно этими безделушками и морскими ракушками с побережья Британских островов. Их торговое дело на протяжении многих лет процветало и росло. Нужны были все большие количества различной формы ракушек, и владелец лавки чаще всего доставал их у моряков, привозивших разные диковинки из Индии, Индонезии, Китая и Японии. Впрочем, Маркус Самюэл-младший, располагая такими связями с Дальним Востоком, понемногу стал и сам ездить за море и торговать повсюду перламутром и ракушками.

Ракушка по-английски — «шелл». Когда в конце 70-х годов прошлого века Маркус Самюэл организовал свое предприятие «Шелл компани», то есть Акционерное общество ракушек, оно еще не имело ничего общего с нефтью. Нефть попала в круг его деловых интересов несколькими годами позже, когда Маркус пришел к выводу, что в Индии, Китае, Индонезии в первую очередь для целей освещения нужен керосин и это обещает огромные новые деловые возможности.

Как только фирма «Шелл» вступила ногой на территорию «нефтяного бизнеса», она столкнулась с человеком, общеизвестным своей беспощадностью и твердой рукой, — с Рокфеллером, владельцем фирмы «Стандард ойл». Сперва корабли Маркуса перевозили нефть всех нефтедобывающих фирм — и Ротшильдов, и бакинских промыслов фирмы «Нобель», и нефтепродукты «Стандард ойл». Однако немного погодя Рокфеллер потребовал, чтобы корабли Маркуса перевозили только его, рокфеллеровскую продукцию. Это требование было частью планов «Стандард» о монополии, и Маркус проявил немалую смелость, решившись поднять свой голос против Рокфеллера. Но смелости одной мало — нужно действовать. Первым и очень умным его шагом был

переход к строительству специальных нефтеналивных судов, танкеров, что было по понятиям тех лет делом совершенно новым, технической новинкой. В 1892 году на воду спустили первый танкер-нефтевоз компании «Шелл». Окрестили его латинским названием ракушки — «Мурекс». (Корабли нефтеналивного флота «Шелл» с тех пор так и носят названия всевозможных ракушек и улиток.)

Вооружившись таким образом, Маркус Самюэл во главе нефтяной компании «Шелл» попытался начать борьбу с Рокфеллерами. Наверное, он был бы раздавлен быстро и безжалостно в этой неравной битве, если бы не нашел себе союзника в лице Генри Детердинга, который, возможно, был даже изобретательнее и богаче идеями Рокфеллера и более беспощаден в борьбе. У Детердинга тоже были свои сложности в отношениях со «Стандард ойл».

Генри Детердинг родился в 1865 году в Амстердаме, в Голландии. Семья его происходила из города Лейден, и, как пишут старинные хроникеры, когда-то в XVII веке один из Детердингов был знаменитейшим специалистом по разведению тюльпанов. Говорят, что даже прославленный Вильгельм Оранский в свое время купил у него несколько особо красивых тюльпанных луковиц. Впрочем, потомки знаменитого садовода были менее удачливы в разведении тюльпанов. Понемногу семейство обеднело. Отец Г. Детердинга был капитаном небольшого торгового корабля. Корабль совершал рейсы между островом Суматра и голландскими портами. Маленькому Детердингу было десять лет, когда он остался сиротой, и то небольшое состояние, что еще осталось от отца, быстро уплыло. Г. Детердинг пошел учеником к маляру, рисовавшему вывески в Роттердаме, а затем нанялся рассыльным к одному денежному меняле в амстердамском порту. Еще позднее мы видим его уже чиновником в маленькой банковской конторе. В этой конторе по размену денег Детердинг провел шесть лет, пока наконец ему удалось пробиться наверх и занять пост бухгалтера банка.

В 1888 году Детердинг по конкурсу получил место руководителя фирмы компании Голландское торговое акционерное общество, которое имело в то время значительные нефтяные промыслы на голландском Дальнем Востоке, на территории нынешней Индонезии. Одним из филиалов компании и стал руководить Детердинг. Ком-

пания перевозила в тысячах жестяных бидонов нефть из Индонезии в Китай. Так, собственно говоря, он впервые столкнулся с конкуренцией фирмы «Стандард ойл» Рокфеллера, который рвался на китайский рынок и для его завоевания раздавал в китайских деревнях бесплатно керосиновые лампы. В то время, разумеется, Рокфеллер и понятия не имел, что живет где-то на свете человек по имени Генри Детердинг. Впоследствии он вынужден был хорошо запомнить это имя.

Два года спустя после того, как Детердинг начал заниматься коммерцией на Дальнем Востоке, один из руководителей Голландского торгового акционерного общества Август Кесслер создал внутри голландской компании Королевское голландское нефтяное общество. Это название, переведенное на английский язык, звучало так: «Ройял датч ойл компани». Первоначально целью этой компании было разыскивать новые нефтяные залежи и расширять уже имевшиеся в распоряжении компании на островах Индонезии, на земле, сулившей богатые прибыли. Детердинг сделался руководителем коммерческого отдела в новой компании, то есть тем человеком, кому приходилось непосредственно сталкиваться с агентами «Стандард ойл» каждый раз, когда он хотел заключить какую-нибудь сделку. В деловых схватках Детердинг оказался достаточно беспощадным и упорным для бизнесмена. И вскоре он стал главным контролером фирмы «Ройял датч», а, умирая, Кесслер в «деловом завещании» предложил директорскому совету избрать его преемником Детердинга.

Фирма «Стандард ойл», сознавая свою силу, полагала, что сможет вести войну на нескольких фронтах одновременно, и начала атаковать сразу и компанию «Шелл», и «Ройял датч». Для этого она использовала метод, который так успешно уже применяла в Соединенных Штатах. В Америке этот метод называли «политикой засасывания». И «Стандард ойл» сделала попытку заполучить большинство акций «Ройял датч». Однако Детердинг внимательно присмотрелся к участи маленьких нефтяных фирм, которые в Америке были уже проглочены гигантской фирмой Рокфеллера. И потому, выждав подходящий момент, он выпустил и выбросил на биржу 1,5 млн. так называемых «приоритетных акций». Значительную часть этих акций он разместил у своих надежных финансовых союзников, которые давали ему гарантию, что не станут продавать эти акции агентам Рок-

феллера. Так первый удар «Стандард» Детердингу удалось упредить.

Детердинг знал, что это было только первое сражение, и для борьбы с сильным противником ему в дальнейшем тоже понадобится сильный союзник. Сигнал об опасности своевременно подал лондонский ротшильдовский банк. Ротшильд предлагал Маркусу и Детердингу объединить силы, если они собираются устоять перед могуществом «Стандард ойл». Таким образом, «брак по расчету» «Шелл» и «Ройял датч» устроил, собственно говоря, банкирский дом Ротшильдов.

Первый шаг по созданию этого союза был такой: Детердинг уже выиграл первую схватку и теперь штаб и ставку компании нужно было перенести в Сингапур. Так союзники рассчитывали оказаться поближе к китайскому рынку. Однако Детердинг вскоре увидел, что этот шаг при всех его (временных!) преимуществах имеет и большие тактические недостатки. Из опыта Рокфеллера он знал, что транспортные расходы и связанная с ними плата за перевозку играют в конкурентной борьбе решающую роль. А с крупными транспортными компаниями лучше всего вести переговоры из европейского центра, и потому только Европа может являться опорной базой для создания в дальнейшем крупного нефтеналивного флота. Дискуссия в директорате фирмы по этому вопросу закончилась победой Детердинга. Штаб-квартиру «Ройял датч» перенесли не в Сингапур, а, наоборот, весь центр компании разместили в Гааге. И это оказалось исторически правильным решением, определившим дальнейшую судьбу фирмы.

Избрание Гааги местом штаб-квартиры произошло и благодаря усилиям посредничающей в этом фирмы Ротшильда, а это, в свою очередь, привело к личной встрече Детердинга и Маркуса Самюэла. В 1903 году в Лондоне эти два коммерсанта впервые пожали друг другу руки. (Между тем Маркус в это время стал мэром Лондона. Позднее его сделали дворянином, он стал носить титул лорда Брирстеда. Несколько позже и сэр Генри Детердинг, сын голландского капитана, тоже станет британским лордом.)

Во время лондонской встречи Детердинга с Маркусом они договорились о создании совместного фронта для борьбы с общим противником и основали так называемую Азиатскую нефтяную компанию. В этой компании фирма Детердинга «Ройял датч», «Шелл» Маркуса Са-

мюэла и банкирский дом Ротшильдов имели равные доли. Четыре года спустя, после того как Ротшильды в равных долях продали свои акции двум другим партнерам, возникла монополия в ее нынешнем виде: родился «двуглавый гигант» — трест «Ройял датч-Шелл». 60% его акций оказались в руках голландцев в Гааге, 40% — у англичан в Лондоне. Таким образом сильный противник вынудил фирму «Ройял датч-Шелл» выйти за рамки семейной, династической фирмы и принять более современный облик.

Само сражение в тех условиях вели еще крупные хищники первого поколения. Вели с использованием жестких средств. Командиром фирмы «Ройял датч-Шелл» в этом сражении был Генри Детердинг, а место битв — весь мир. В Китае, а затем и в Западной Европе два конкурирующих нефтяных треста были вынуждены поделить между собой добычу. Такого же рода соглашения в течение последующих лет были повторены десятком раз в Мексике и Венесуэле, на Ближнем Востоке и в Индонезии, тогдашней «голландской Индии».

Надо признать: у Детердинга были свои козыри, например прямо-таки гусарский рейд нефтяного флота «Ройял датч-Шелл» с высадкой десанта на берег в Соединенных Штатах Америки. Это вторжение в США стало возможным потому, что Детердинг на какое-то время раньше Рокфеллера оценил значение техасских нефтяных месторождений, где ему удалось заключить соглашения с несколькими малыми, но все еще независимыми нефтедобывающими фирмами, пока «Стандард ойл» не успела «проснуться». На американской же фондовой бирже Детердинг применил против Рокфеллера испытанные рецепты самой «Стандард ойл». И сделал это с большим успехом. Одну часть своих акций Детердинг разместил у подкупленных «тихих компаньонов», надежных и верных, прочно находившихся в руках Детердинга, так что он был совершенно уверен, что они не продадут эти акции «Стандард ойл». Рокфеллер негодовал, но изменить положение не мог. Американские акции и по сей день составляют самое большое богатство фирмы «Ройял датч-Шелл».

Другой козырь компании Детердинга — Маркуса был английский военный флот. В то время флот Британской империи был самым крупным в мире, и первый лорд адмиралтейства — лорд Фишер по заслугам одним из первых оценил стратегическое значение нефти. На пороге

первой мировой войны, когда в целом только неполных 3% военных кораблей использовали в качестве горючего нефть, английский военный флот почти наполовину перешел на «солярку». (Маркуса и Детердинга, не в последнюю очередь по настоянию лорда Фишера, перевели в дворянское сословие.)

В истории «Ройял датч-Шелл» и в особенности в истории личной карьеры Детердинга решающую роль играет русская нефть. Ротшильды, которые в 1907 году продали свою долю в Азиатской нефтяной компании, фантастическим нюхом, кажется, учуяли, что в царской России капитализм зашатался. Лондонский банк Ротшильдов в 1912 году, то есть уже за пять лет до Октябрьской революции, решил расстаться с бакинскими нефтяными залежами и продал свои акции в России Детердингу.

Прежде чем на русской земле грянула Октябрьская буря и в России произошел переворот всемирно-исторического значения, компания «Ройял датч-Шелл» смогла найти себе более крупный по размерам бизнес — первую мировую войну. А для этого бизнеса химики «Ройял датч-Шелл» изобрели взрывчатку под названием тринитротолуол (тол), который очень пригодился на войне для борьбы против подводных лодок, при изготовлении глубоководных морских мин и принес огромные прибыли фирме. Одним словом, повторилась старая история. Капитал не знает родины. Пока наполненные новой взрывчаткой мины уничтожали подводные лодки немцев, «Ройял датч-Шелл» через Швецию продавала Германии нефть по ценам, в 15 раз превышавшим мировые. По подсчетам экономистов, «Ройял датч-Шелл» за годы первой мировой войны получила 69 млн. ф. ст. чистой прибыли, то есть на каждом убитом на войне фирма «Шелл» заработала по два фунта. (В качестве «смягчающего обстоятельства» нужно упомянуть, что крупнейший конкурент этой фирмы Рокфеллер заработал на войне еще больше: около 100 млн. ф. ст. по тогдашнему курсу.)

Отяжелев от такой жирной добычи, Детердинг во главе фирмы «Ройял датч-Шелл» готовился к новым бурям. После революции 1917 года заполучить бакинские нефтяные промыслы первыми сделали попытку немцы (с помощью турок). После разгрома в войне Германии на арене появились уже англичане, которые практически и подняли вверх знамя «Ройял датч-Шелл». Стоявшие на якоре в бакинском порту английские корабли, однако,

видя стремительное наступление Красной Армии, предпочли убраться восвояси. Затем армии революции разгромили белогвардейцев на Кавказском фронте, и в июле 1920 года англичане вынуждены были окончательно оставить Баку, а потом и нефтяной порт на Черном море — Батуми. Но до того, как белые удалились, инженеры Детердинга все же успели провести крупные акты саботажа: большую часть главного нефтепровода они взорвали, а нефтяные скважины залили бетоном.

Однако Детердинг не расстался с надеждой: этот денежный воротила и необыкновенно умный, проницательный деятель, но ослепленный политической ненавистью, стал мечтать о скором падении Советской власти. И потому, поехав в Париж, он принялся скупать за золото у русских аристократов, нашедших прибежище во французской столице, акции кавказских нефтяных месторождений.

Оглядываясь на десятилетия истории, нужно отметить, что Детердинг мог бы заключить и более выгодное для него соглашение с Советским правительством. Москва, главные экономические интересы которой состояли в том, чтобы как можно быстрее поднять хозяйство разрушенной страны, много раз предлагала Детердингу заключить честное соглашение. Однако Детердинг избрал борьбу и проиграл ее. Между прочим, ненависть нефтяного магната к Советской России не в последнюю очередь раздувала его вторая жена, дочь царского генерала Кондаярова, перепрыгнувшая из объятий богатого армянского нефтяного авантюриста Гульбенкяна в постель к миллиардеру Детердингу. В результате всей этой истории имя Детердинга уже пишется только мелким шрифтом, в подстрочных примечаниях. Плакали денежки, которые он чистоганом отсчитал эмигрантам. Бизнес с нефтью России, мягко говоря, нельзя считать достойным записи в золотую книгу «Ройял датч-Шелл».

Тяжело переживая свое поражение, Детердинг с отчаянной ненавистью мстил Советской России и на протяжении многих лет слепо поддерживал любые антисоветские политические маневры.

ФОРД - американская легенда

**МАЛЬЧИК С ФЕРМЫ — ТРЮК С ПЯТЬЮ
ДОЛЛАРАМИ — МИРНЫЙ КОРАБЛЬ И ВОЕННАЯ
ПОЛЬЗА — «ГОЛОДНЫЙ МАРШ» И
КРОВОПРОЛИТИЕ — ПРОФСОЮЗНЫЙ ЯРЛЫЧОК —
ГРАНДИОЗНОЕ ПЕРЕЛИВАНИЕ КРОВИ**

В Детройте, в «автомобильной столице» Соединенных Штатов Америки, в холле здания дирекции стену при входе украшает огромный, во много раз больше человеческого роста, портрет. На нем изображен пожилой, седоволосый, худощавый господин. Табличка под портретом гласит «Генри Форд, родился 30 июля 1863 г. в Дирборне. Умер 7 апреля 1947 г. в Детройте». Ниже под табличкой — серия фотографий с такой общей надписью: «Развитие фордовского автомобиля». Серия изображает 22 модели, отобранные из большого числа типов машин. Собственно говоря, фотографии эти — история автомобилизации Соединенных Штатов, которая, в свою очередь, является органической частью всей истории США в целом. Об ее влиянии на экономику, политику и даже стратегию еще и сегодня ведут ожесточенные споры специалисты.

Генри Форд был человеком, который в результате удивительной игры случайности и закономерности появился в нужный момент на экономической арене, чтобы привести в действие дремлющие силы. Наиболее ярким и убедительным доказательством этого явилось стремительное обогащение семейства Фордов, частное богатство которого в настоящее время насчитывает 4 млрд. долл.

На поверхности явлений — традиционная легенда об «американской карьере», которую мог бы написать любой из пропагандистов американского образа жизни. Отца Генри Форда из родной Ирландии прогнал за океан голод. Старый Форд относился к тем ирландцам, которые

и на чужбине остались верны протестантской религии, были аскетичны и набожны. Генри Форд родился в городке Дирборн, в штате Мичиган, на небольшой ферме. Здесь каждый вечер читали Библию, а работали до упаду. В школу Форд ходил только до 15-летнего возраста, и в течение всей своей жизни он даже гордился тем, каким невообразимо неграмотным человеком он был. Это была одна из черт характера американского миллиардера, которого позднее платные писаки превратили в «защитника маленького человека» и в заклятого врага хитроумных адвокатов и банкиров, описывая этого самого хитрого и самого беспощадного из миллиардеров США.

Будущий миллиардер с рождения интересовался всеми механизмами: как они устроены, почему движутся. И как бы отвратителен он ни был как человек, нельзя отрицать, что у Генри Форда было удивительное чутье к технике и что он не чурался грубого физического труда. Один исследователь истории клана американских миллиардеров Джон Теббель в книге «Наследники» в главе с характерным названием «Бароны-разбойники» очень интересно проводит параллели в характерах Рокфеллера и Форда: «Рокфеллер тоже был малограмотен и часто любил повторять, что читать ему было некогда. И в этом отношении Генри Форд в точности походил на него. Богатство Форда было продуктом XX века. Сам же Форд был сыном века XIX. В его облике не было ничего современного. Он как был, так и остался вечным деревенским мальчиком с удивительно тонким пониманием устройства машин и большой любознательностью. Но с ненавистью по отношению к книгам. В то же время ему не хватало рокфеллеровского фантастического умения руководить трестом. Форд не был творческой личностью. Талант его проявлялся в том, что он до бесконечности мог исправлять, улучшать уже существующую систему, пока это приносило ему пользу. В сравнении с другими «баронами-разбойниками» он, деревенский парень, никак не мог постигнуть социальные перемены, происходившие тогда на американской земле. Он с большей яростью, чем другие подобные ему эксплуататоры, боролся против поднимающихся профсоюзов, и его имя многократно занесено на самые черные страницы американской истории индустриализации».

Но это все еще скрывалось в туманной дали в тот осенний день 1876 года, когда 12-летний Генри Форд на

конной повозке прикатил с отцом в Детройт и впервые увидел «прародителя» автомобиля, который приводился в движение паровым мотором.

К этому времени у отца Генри Форда уже была небольшая механическая мастерская, где он чинил часы соседям с других ферм и ремонтировал сельскохозяйственный инвентарь. А в 16 лет Форд решил покинуть отчий дом. Направился он в Детройт. Сначала был учеником у каретника, потом подсобным рабочим на заводе, где делались судовые моторы. Только в 23 года, в 1887 году, он возвратился на отцовскую ферму, женился. Проработал на ферме один год и понял, что ненавидит работу в поле. Попробовал сконструировать трактор, потом — дизельный мотор, но год спустя ему пришлось снова возвратиться в Детройт. Устроился в компании «Эдисон», снабжавшей электрической энергией весь город.

Биографы Форда в хвалебных гимнах в его честь часто изображают дело так, будто он построил первый автомобиль. Это неправда. Форд еще был безвестным механиком у Эдисона, когда американский мастер «золотые руки» Чарлз Дюрайе в 1892 году построил первый в США автомобиль. Этот факт и имя действительного изобретателя автомобиля в книгах о Форде чаще всего замалчивают и вместо этого рассказывают легенду о том, как в квартире Форда в Детройте на кухонном столе он в 1893 году собрал свой первый одноцилиндровый бензиновый мотор. Чтобы маслом не закапать пол, он испытывал его в ванне, а жена, помогая ему, лила бензин из масленки тонкой струйкой в мотор. Пройдет еще три года, и этот мотор, построенный на кухонном столе, станет двигателем первой фордовской автомашины, которая, пыхтя и стрекоча, будет разъезжать по пыльным улицам Детройта.

Хотя вполне возможно, что все было совсем иначе. Правда, за несколько лет до этого Форд познакомился в Детройте с одним опытным инженером по имени Кинг, который уже давно работал над автомобильным четырехцилиндровым мотором и в 1894 году испытал его на своем первом автомобиле. Совершенно очевидно, что мотор, изготовленный на кухонном столе Форда, во многом обязан своим появлением более опытному и подготовленному инженеру Кингу.

Уже из одного этого ясно, что первенство не всегда признается за действительно первым. Дюрайе и Кинг

были не очень хорошими капиталистами, и это решило их судьбу. Несмотря на талант, они сгнули в тумане безвестности, а имя Форда сделалось, наоборот, символом. Когда родился первый фордовский автомобиль, один из директоров детройтского предприятия Эдисона повез с собой Форда в Нью-Йорк, чтобы представить его самому великому изобретателю Томасу Эдисону. Описание этой встречи Форда и Эдисона можно найти только в воспоминаниях самого Форда, а это не очень надежный источник. Впрочем, общеизвестен факт, что через свое детройтское предприятие Эдисон дал ему кредит, с помощью которого Форд и построил десяток первых автомобилей. Правда, автомобили эти ничего общего не имели с будущими автомобилями Форда. Это были гоночные машины, имевшие большой успех на первых в Америке автомобильных гонках.

Вскоре Форд, строивший автомашины на деньги Эдисона и других поклонников гоночного автомобиля, ушел из фирмы «Эдисон», решив стать самостоятельным. Поначалу он организовал фирму под названием «Детройт мотор компани». Но к 1903 году он уже пришел к выводу, что на гоночных автомобилях много денег не заработаешь, и учредил новое акционерное общество под названием «Форд мотор компани». Начальный капитал молодого предпринимателя был всего 20 тыс. долл., да и стоимость всех акций, которые согласились приобрести большей частью друзья и знакомые Форда, не превышала 150 тыс. долл.

Предложил Форд свои акции и Эдисону, но старый изобретатель уклонился. Позднее в своих воспоминаниях Эдисон так напишет об этом эпизоде: «Вначале я помогал Форду, но я и не думал, что под конец он будет производить эти проклятые автомобили миллионами».

Первый автомобиль фордовской компании уже в 1904 году, через год после основания предприятия, появился на улицах Детройта. А двумя годами позже, в 1906 году, Форд уже заработал на производстве автомобилей 250 тыс. долл. Тем временем многие акционеры его компании окончательно потеряли интерес к этому предприятию, считая, что развитие отрасли идет слишком медленно, так что, вложив деньги в другие предприятия, они заработают больше. Генри Форд скупил и эти акции и к 1906 году был уже держателем 60% акций своей фирмы, что практически означало: он был единоличным владельцем компании.

Грандиозный взлет фордовские заводы пережили в 1908 году, когда Форд выпустил на рынок свою так называемую модель «Т». Машины этой модели за период с 1908 по 1927 год были выпущены в количестве более 15 млн. Это был такой рекорд, который много позднее, в 1972 году, сумел побить только «фольксваген».

Так же как в биографии Форда, так и в истории рождения модели «Т» трудно доискаться истины. Пропагандистская машина Генри Форда позднее, разумеется, припишет создание и этой конструкции исключительно его гению. В старых книгах о Форде, которые сейчас уже не найти, шел разговор о многих талантливых инженерах, труд и изобретательность которых Форд объединил в своей конструкции. Более того, общеизвестно, что Генри Форд все, что смог, «срисовал» с модели 1905 года автомобиля «рено», привезенного в США из Франции. Он просто велел разобрать машину до последнего винтика и все новинки использовал в своей модели «Т». Как бы там ни было, модель «Т» имела грандиозный успех, и, как говорилось в рекламном буклете, «мы можем поставить вам этот автомобиль в любом цвете, при условии, что вы закажете „черный“». Фраза эта сразу облетела все Соединенные Штаты.

Писаки-угодники, создавшие легенду о Форде, любят подчеркивать, что гигантская промышленная фирма своими успехами обязана исключительно простому человеку, пуританину — Генри Форду. Как говорят, Форд мало ел, жил просто, не пил, не курил, рано ложился спать, каждое воскресенье ходил в церковь и любил кататься на коньках. Надо признать, эта пропаганда имела потрясающий успех. Для простых, неискушенных американцев (за исключением, разумеется, его собственных рабочих, которые знали его поближе) Форд был своего рода «народным мстителем». Он разбогател, мол, своим трудом и всю жизнь яростно боролся против крупных банкиров, толстосумов и адвокатов.

Процитируем еще раз Теббеля: «О Форде даже сегодня нельзя писать объективно, по крайней мере широкая общественность предпочитает верить легенде. Легенде, которую распространяла самая эффективная машина пропаганды Америки. По этой легенде Форд — «простой парень из американской деревни». Он олицетворяет того хитроватого крестьянского мальчонку, который приехал в город обманывать тертых городских мальчуганов. Но чем богаче он становился, тем, мол, яростнее бичевал он

банкиров. И этот блеф способствовал долгожитию легенды».

Действительность была на самом деле более серой и беспощадной. Ключом к действительности является, пожалуй, образ мыслей Форда. Генри Форд все более упорно стал провозглашать, что стремится и к политическим лаврам. Сначала он выставил свою кандидатуру на пост сенатора, а затем в августе 1923 года опубликовал в одном американском журнале под своим именем статью. Заголовок статьи был следующим: «Если бы я был президентом США».

Десятилетие спустя «родственная Форду душа» обнаружилась в Европе. Наверное, прочитав эту статью Форда, Гитлер однажды в своем выступлении, перечисляя своих идеологических предтеч, среди первых назвал Генри Форда: «По моему мнению, во главе все усиливающегося национал-социалистского движения в Соединенных Штатах Америки стоит Генри Форд. Его антисемитская политика, базирующаяся на наших баварских принципах, заслуживает самого великого нашего восхищения».

Обладая необычайным талантом инженера, Форд в то же время был исключительно тщеславен и делал все, чтобы имя его было окружено ореолом восхищения и легендами о непогрешимости. Разумеется, в руководстве его гигантским предприятием участвовало большое количество, целые сотни исключительно способных инженеров и администраторов. К числу их относился его сын — Эдзел Форд, очень образованный человек, по характеру совсем непохожий на отца. Имя Эдзела запрещено было без ведома отца упоминать в каких-либо публикациях о фирме, а он такие разрешения давал очень редко.

Форд во все обязательно совал свой нос и высокомерно, тоном, не терпящим возражений, делал заявления на самые фантастические темы. Так, например, вышло в свет несколько его книг, так называемых «научных публикаций», которые, среди прочего, были посвящены фармакологии, палеонтологии и даже искусству танца. В столице «фордовской империи» — Дирборне местное радио передавало постоянную специальную программу «Беседы Форда в воскресные вечера». Иногда на этих «вечерах» выступали очень способные актеры. Но это была «упаковка». На самом деле «вечера» были ханжескими проповедями, бранью в адрес банкиров и хвалебны-

ми речами в адрес благодетеля рабочих — Форда. В заключение исполнялись церковные хоры.

А чего стоит «фордовский музей»! В нем среди экспонатов можно увидеть, к примеру, лабораторное предметное стеклышко, которое после смерти старого Форда отыскалось в картонке из-под ботинок под кроватью. На его обратную сторону была приклеена этикетка с надписью: «Последний вздох Эдисона». Хранится в музее и огромный групповой портрет, который Форд приказал написать в 1929 году по случаю одного званого вечера. На нем во главе застолья восседает тогдашний президент США — Гувер, а вокруг — 500 человек, самых крупных представителей деловых кругов, которых Форд за миллион долларов доставил на этот ужин. С годами многие из лиц на портрете были заменены новыми: Форд не мог перенести, чтобы на портрете был изображен какой-то финансист, с которым у него когда-то возникали нелады.

Естественным можно считать расцвет заводской секретной службы в «империи Форда». Ведь награбленное нужно защищать всеми силами и средствами! А из характера и самой природы Форда ясно, что он для этого не отказался бы от любых самых грубых форм насилия.

Когда американские профсоюзы, постепенно набиравшие силу, один за другим начали вырывать у крупных трестов коллективные договоры, Форд на своих заводах захлопнул ворота перед профсоюзными организаторами. Руководство заводской полицией Форд поручил некоему Гарри Беннету, закоренелому негодяю и рецидивисту, бывшему чемпиону по боксу. Свою карьеру у Форда Беннет начал в 20-х годах телохранителем его детей. Затем он стал называться «начальником отдела кадров». На самом же деле он никогда кадровыми вопросами не занимался. Главной его задачей на заводе было создание обстановки страха и насилия, а то и вооруженного террора. И он отлично это осуществил, создав к 1937 году «штурмовые отряды Форда» в 600 человек. Эта сила стала настолько угрожающей, что даже сам губернатор штата Мичиган вынужден был заявить: «Генри Форд использует в своей заводской полиции самых отвратительных гангстеров штата».

Несколько страшных эпизодов такого внутреннего террора, царившего на заводе, вошли в историю промышленности США и американского рабочего движения. Так,

например, стал знаменитым дирборнский «голодный марш», до которого дело дошло в 1932 году, в разгар мирового экономического кризиса. Сильно нажившийся на этом кризисе Форд применил очень простой и жестокий способ. Он попросту уволил около 60 тыс. рабочих, а взамен нанял новых — за $\frac{1}{4}$ прежней их зарплаты. (Знаменитый трюк с пятью долларами уже давно был в прошлом.) Вновь нанятым в 1932 году изголодавшимся рабочим Форд платил уже только по одному доллару в день!

Понятно, что беспокойство в самом Дирборне и окрестностях стремительно росло. Вскоре оно перекинулось на город Детройт. В феврале 1932 года из Детройта в сторону фордовских заводов направился «голодный марш». Подавляющая часть участников этой демонстрации состояла из уволенных Фордом рабочих. Однако плакаты и лозунги над колонной не содержали никаких политических требований. Демонстранты требовали только хлеба, работы и прекращения заводской слежки за рабочими вне завода. Заводская полиция (в ее рядах и «штурмовики») встретила демонстрацию у входа крупнейшего фордовского завода «Ривер руж». Полиция забросала демонстрантов гранатами со слезоточивым газом, те отвечали камнями и даже обратили полицейских в бегство. В ответ на это фордовские телохранители и «штурмовики» открыли по толпе огонь. Четверо рабочих были убиты, 50 — ранены. (Во время схватки получил ранение и сам Беннет: кто-то камнем угодил ему в висок. Поправившись, он получил от Форда «в компенсацию» автомобиль «форд-линкольн» и большой надел для дачи из земельных угодий Генри Форда.)

Другой столь же крупный скандал, вошедший в историю американского профсоюзного движения и борьбы рабочих, известен под названием «кровавое побоище в «Ривер руж». Это случилось значительно позже, в 1937 году. Политическое положение внутри Соединенных Штатов к тому времени значительно изменилось. Экономический кризис заканчивался. В Белом доме в президентском кресле сидел Рузвельт, который знал, что без существенных уступок требованиям профсоюзов модернизировать капиталистическое производство нельзя. Поскольку автомобильная промышленность приобретала все большее значение в экономике США, особая заслуга в увеличении заработной платы и улучшении условий труда принадлежит профсоюзу автомобилистов. Однако

Форд по-прежнему не пускал профсоюзных организаторов на свои заводы.

Тем не менее профсоюз автомобилистов постановил: организаторам проникнуть на территорию заводов и разбросать там листовки, в которых разъяснить рабочим цели профсоюза и призвать их объединяться в профсоюзы. Банда Беннета и всегда сотрудничавшая с Фордом местная полиция, разумеется, знали об этом плане и с оружием в руках охраняли вход на завод. Когда профорганизаторы попытались все же проникнуть на завод, полиция Форда напала на них. Многие из профсоюзных организаторов получили тяжелые ранения: одному пробиты голову, другому переломили позвоночник. Когда несколько часов спустя жены пострадавших начали перед входом на завод раздавать листовки, телохранители Форда избили и их. Затем на завод попытались проникнуть несколько руководителей профсоюза автомобилистов. Среди них был Уолтер Ройтер, впоследствии руководитель Конгресса производственных профсоюзов (КПП). Громилы Беннета избили и их.

После «кровавого побоища в «Ривер руж» совет профсоюзов возбудил уголовный процесс против Форда. Дело много лет переходило из одной судебной инстанции в другую. Против Генри Форда было вынесено девять приговоров, обязывавших его разрешить деятельность профсоюзов в его «автомобильной империи». Однако Генри Форд плевал на эти приговоры. Он отказался выполнять приговор даже Верховного суда США, вынесенный в 1939 году. Понадобилось еще одно решение Верховного суда США — уже в феврале 1941 года, чтобы на заводах Форда наконец разрешили деятельность профсоюзов. Историки промышленного развития Америки считают, что Форд, возможно, сопротивлялся бы и дальше, если бы не вторая мировая война, с ее нехваткой рабочих рук, заставившая Форда изменить позицию.

А пока все это происходило, промышленная «империя Форда» давно уже перешагнула границы штата Мичиган, а потом и границы США. Центром империи был пригород разраставшегося Детройта — Дирборн с заводом «Ривер руж». По мнению многих, в канун второй мировой войны это был крупнейший индустриальный массив в мире со своей собственной железнодорожной станцией, доками и гигантскими сталепрокатными заводами.

В 18 городках Соединенных Штатов имелись фордовские заводы, а в 21 штате — склады запасных частей.

Крупнейшие фордовские заводы (особенно в Детройте, Кливленде, Чикаго и Буффало) были связаны между собой собственными фордовскими железными дорогами. Сборочные заводы Форда теперь размещались в десятке стран мира — от Китая до Бразилии. По соглашению, заключенному между Файерстоуном, королем автомобильных покрышек, и Фордом, «автомобильный император» выделил с экспериментальными целями территорию во Флориде в 100 тыс. га для создания плантаций каучукового дерева. Форду принадлежали отныне нефтяные промыслы в Калифорнии, леса и угольные шахты во многих других американских штатах, банки и судостроительные верфи повсюду по стране. Почти полмиллиона гектаров плантаций каучукового дерева в долине Амазонки также обслуживали фордовские заводы.

«У меня ничего не пропадает», — любил говорить Генри Форд. И его биографы действительно отмечают, что на электростанциях сжигались опилки и обрезки досок. Шлаки со сталелитейных предприятий, смешанные с цементом, использовались для изготовления бетона при строительстве промышленных зданий. Макулатуру из его контор перерабатывали на специально построенной бумажной фабрике, и Форд однажды с гордостью заявил: «Сюда поступают письма с просьбой дать деньги. Из них я тоже делаю деньги».

Вернемся еще раз к идеологии Форда. Генри Форд относился с симпатией к нацистской Германии. Как мы уже видели из заявления Гитлера, эта симпатия была взаимной. Позднее эта взаимная любовь неоднократно подкреплялась заявлениями и приглашениями. Форд принял на работу президента пресловутого германо-американского союза («Бунда») Фрица Куна, позднее, во время войны, интернированного и посаженного в лагерь. Разумеется, работа у Форда означала всего только «прикрытие» для Куна. Получая жалованье, он на заводе не работал, а разъезжал по стране, создавая сеть своей агентуры. Никто в этом ему не мешал. Другой печатью, скрепившей дружеские связи Форда с Гитлером, явился орден Прусского черного орла, который был вручен Форду летом 1936 года. Он был первым американским гражданином, получившим эту сомнительную награду.

Становится понятным поведение Форда в начале второй мировой войны. Форд яростно сопротивлялся вступлению Соединенных Штатов в войну, и только после нападения Японии на США он больше не мог оставаться

на этой позиции. Тем не менее Форд осознавал, что любая война означает для его заводов гигантские прибыли. И он с головой окунулся в военную конъюнктуру. Именно тогда в маленьком городке Уиллоу Ран был воздвигнут новый гигантский завод. Здесь Форд строил бомбардировщики «Б-24-Либерејтор», которых за годы войны было произведено более 10 тыс. За эти годы заводы Форда выпустили более 50 тыс. авиационных моторов, 30 тыс. танковых моторов и всевозможных транспортных средств для армии. Кроме него самого никто не знал, сколько прибыли положил себе в карман за эти несколько военных лет Генри Форд.

Однако уже стали неизбежными изменения в «семейной» структуре треста: диктаторское поведение главы клана, не терпевшего никаких возражений, мешало всякому прогрессу. Форду было уже 77 лет, когда японцы напали на Пёрл-Харбор. Правда, официально уже с середины 20-х годов предприятием руководил его сын Эдзел Форд. Но это было не что иное, как пустая формальность, предпринятая Фордами по налоговым соображениям.

Эдзел Форд был человеком умеренным, не унаследовавшим от своего отца его жестокой твердости. Эдзел понимал, что нужно найти пути соглашения с профсоюзами. Многие историки промышленности Соединенных Штатов считают, что борьба Эдзела с гангстерской организацией Беннета и с родным отцом приблизила кончину сына Форда. Он умер в 1943 году в 50-летнем возрасте. После смерти Эдзела руководство «автомобильной империей» снова взял в свои руки 79-летний Генри Форд.

Но вот война закончилась. Дряхлый «барон-разбойник» уже не мог удерживать в своих руках рулевой штурвал «империи». Нужно было выбрать нового «императора», который возглавил бы фордовскую династию. По обыкновению всех королевских семейств, из трех внуков Форда выбор пал на старшего. Он носил имя деда и стал, подобно королям, называться Генри Фордом II. Но и «вступив на трон» в 1945 году в возрасте 28 лет, он все еще не был единовластным правителем «империи»: время от времени в ведение дел треста весьма энергично вмешивался дед. Это «вмешательство» частенько обходилось тресту очень дорого, потому что последние годы своей жизни Генри Форд делал ошибку за ошибкой.

Собственно говоря, в последние десятилетия Форд в

значительной мере стал проигрывать в борьбе со своим конкурентом-гигантом, по-современному организованным трестом «Дженерал моторз». Конъюнктура военных лет еще как-то маскировала процесс утраты первенства в соревновании автогигантов. Но после 1945 года концерн Форда терял каждый год по несколько десятков миллионов долларов. Генри Форд II видел, что в тресте следует сделать «переливание крови». Прежде всего он освободился от гангстеров Беннета. Заметим, что больше всех ненавидела всемогущего шефа фордовской полиции мать Генри, жена Эдзела Форда, Элеонора. Беннету пришлось уйти, а после его ухода выгнали из треста и остальных его гангстеров. Разумеется, это не означает, что после изгнания Беннета на заводах треста была совершенно ликвидирована «служба безопасности». Полицейская машина сохранилась, хотя теперь она обрела более «законную форму». Больше у нее не было ни резиновых дубинок, ни хлыстов; вместо побоев вступила в действие система «черных карточек», а вместо оружейных залпов срабатывало тесное сотрудничество с ФБР (Федеральным бюро расследований).

Изгнание гангстеров с заводов было первым шагом юного Форда к переустройству фирмы. Новый хозяин треста широко использовал молодых специалистов из других американских промышленных предприятий и выпускников университетов для полного переустройства своих заводов. На американском жаргоне их называли «маленькими волшебниками». Иначе говоря, для возрождения ослабевшего концерна «импортировали» вундеркиндов, молодых титанов.

Чутье не обмануло Генри Форда II. Девять молодых администраторов оказались великолепными специалистами своего дела. Среди них был и Макнамара, позднее занявший пост генерального директора компании Форда, а потом пост военного министра (во время президентского правления Кеннеди и Джонсона), а под конец — президента МБРР. Другой «маленький волшебник» — А. Р. Миллер, используя новейшие достижения электроники и автоматизации, модернизировал введенную в свое время главой династии «систему Тейлора».

Эти молодые командиры производства возродили концерн, и он вновь стал производить $\frac{1}{3}$ всех автомобилей в США. Одновременно приступили к созданию крупных фордовских «дочерних предприятий» за границей (прежде всего в Англии и Западной Германии). Все это

означало прирост финансового могущества концерна, который по оценке, впервые предпринятой в 1964 году, имел капитал в 6,5 млрд. долл. (в 1972 г. эта цифра выросла до 8 млрд. и в 1980 г. — до 15 млрд. долл.)

За переменами в личном составе руководства и в технологии последовали и изменения в финансовой структуре концерна. Законы о наследовании имущества и обложении его налогами в современном капиталистическом государстве сделали необходимым для семейства Фордов, как и для других капиталистических династий, раздробление пакетов акций между большим количеством отдельных держателей или заставляли искать такие решения, чтобы налоги «откусывали» как можно меньше от общего семейного пирога. А жестокая диктатура старого Форда, его закоснелость помешали руководству концерна своевременно проделать ряд финансовых маневров для семейства Фордов, которые значительно раньше предприняли Рокфеллеры и другие династии капиталистов США.

Положение спасло традиционное создание «фордовского фонда». Эдзел Форд, а за ним и его отец в завещании передали фонду большую часть своих акций и тем самым исключили их из обложения налогом. И поныне этот фонд — гигантский финансовый резерв династии. Из 120 млн. фордовских акций только 10% находятся во владении клана. Но они представляют 40% голосов. Остальные 90% акций находятся в руках 55 млн. разрозненных акционеров, и потому их власть ничтожна в сравнении с 40% голосов семейства Фордов.

ФЛИК - сокровища Рейна

**СТАРЫЙ СТЕРВЯТНИК — СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ —
ОПЕРАЦИЯ «КЛАДБИЩЕ» — НЕУСТОЙЧИВОЕ
РАВНОВЕСИЕ — НОВЫЕ ЧЕРТЫ**

Карьера Фридриха Флика началась в первом десятилетии XX века. Окончив высшее торговое училище в Кёльне, он основал собственную оптовую торговлю металлоломом. Богател он быстро, хотя это и не бросалось в глаза. Он усердно заводил и развивал полезные связи и в годы первой мировой войны стал генеральным директором одного из крупнейших предприятий металлургической промышленности — «Шарлоттенхютте». В это же время он начал заниматься спекуляцией акциями и пришел к выводу, что это и есть то самое занятие, которое ему больше всего нравится и где он обладает определенными способностями.

В течение всей своей жизни Флик оставался верен этому способу обогащения. Он только приобретал финансовый контроль над десятками предприятий и сплетал их воедино в денежном отношении в одну могучую организацию, холдинг, принадлежавший его семейству, клану.

Первые крупные финансовые манипуляции Флик предпринял в годы после окончания первой мировой войны, когда в Германии разразился крупнейший финансовый крах и галопом поскакала инфляция. Они-то, собственно, и заложили основы создания фликовского капитала. Тогда он буквально за бесценок скупил множество шахт и металлургических заводов. Позднее возрожденные с помощью американских займов, стабилизировавших пошатнувшуюся германскую экономику, они в период подготовки Германии к войне стали приносить

сказочные прибыли. В 1933 году, когда к власти пришел Гитлер, Флику уже 50 лет, и его имя упоминается рядом с Круппами. Ну что ж, это и понятно. Еще за год до этого, в 1932 году, Флик внес в так называемый «фонд Гимmlера», из которого финансировался захват власти нацистами, 100 тыс. марок. Он же подписал и то пресловутое письмо, в котором группа германских промышленников просила Гинденбурга назначить Гитлера канцлером Германии. После прихода фашистов к власти Флик был одним из крупнейших меценатов СА и СС. (Документы подтверждают, что один только Metallургический комбинат Риза, предприятие Флика, вносил по 40 тыс. марок ежегодно в кассу СС.) Вскоре после начала войны Флика по предложению Геринга назначают «фюрером военного хозяйства».

Позднее, на Нюрнбергском процессе, будет зачитано письмо, с которым в ноябре 1940 года Флик обратился к Герингу, где он подчеркивал свое «моральное право» как ветерана, поддерживавшего гитлеровский режим, на первоочередность в захвате сталелитейных заводов на территории оккупированной Франции. Еще позднее, обосновывая свои притязания на том же «моральном праве», он проникает на территорию оккупированной советской Украины и получает больше 40 тыс. рабочих для принудительного труда на своих заводах.

В конце второй мировой войны казалось, что империя Флика рухнет. 75% имущества, принадлежавшего сверхтресту Фридриха Флика, охватывавшему в основном угольные шахты и сталелитейное производство, после войны оказалось в советской зоне оккупации Германии. Самого же владельца треста американский военный трибунал в 1947 году осудил как военного преступника на семь лет тюремного заключения.

Но Флик ухитрился богатеть, даже сидя в тюрьме! Предприятия, находившиеся в западных зонах оккупации, продолжали потоком лить деньги в его кассу. И когда власти созданного западногерманского государства по согласованию с Вашингтоном через три года после вынесения приговора, уже в 1950 году, выпустили Флика на свободу, сохранившегося имущества его треста было достаточно для того, чтобы его владелец снова поднялся на пирамиду самых богатых людей Европы.

Выйдя на свободу, Флик понял, что в условиях новой конъюнктуры нужно переориентироваться на отрасли промышленности, идущие во главе послевоенной эконо-

мики (автомобилестроение, химическую промышленность, производство искусственных синтетических материалов, на точную механику). И он принялся скупать акции концерна «Даймлер-Бенц», производившего, среди прочего, и автомобили марки «мерседес». К концу 50-х годов контроль Флика над концерном «Даймлер-Бенц» утвердился настолько, что стал основой вновь воссозданной империи Флика. Годовой оборот группы «Даймлер-Бенц», охватывавшей около 30 предприятий плюс заводы за рубежом, составлял приблизительно $1/2$ оборота всех заводов империи Флика.

Среди остальных финансовых опор богатства Флика следует упомянуть группу Бударуса, охватывавшую 41 предприятие по производству стали, паровозов и танков, и третью по рангу группу «Динамит — Нобель» (14 предприятий в области химической промышленности, синтетических материалов, взрывчатых веществ и порохов). Четвертая по величине группа «Фельдмюле» (25 предприятий бумажной и полиграфической промышленности, строительной индустрии, посреднических контор по купле-продаже недвижимого имущества и морского транспорта). И наконец, на пятом месте концерн «Максимилиансхютте» (14 заводов, в том числе предприятия по переработке металлолома, с которых когда-то Фридрих Флик начинал свою карьеру).

В ряду крупнейших западногерманских монополий финансово-промышленный комплекс Флика занимает ныне третье место после концернов «И. Г. Фарбен» и «Тиссен». Но в то же время он — самый крупный из числа фирм, находящихся в единоличном управлении и принадлежащих одной семье. А начиная с 1960 года Фридрих Флик становится самым богатым человеком в Западной Германии.

В личной жизни Фридрих Флик был так же холоден и беспощаден, как и в сфере экономики. Ему было уже больше 80, когда в 1966 году он, похоронив жену, в тот же день снова сидел за письменным столом и давал указания биржевым агентам. Биографы Флика до сих пор спорят, являются ли эти безжалостность, беспощадность и ненависть, царившие в доме Флика, теми причинами, которые вызвали впоследствии внутрисемейные схватки за власть, тянувшиеся много лет и сотрясавшие концерн Фликов.

Первая схватка за власть внутри клана вспыхнула в 1962 году. У Флика было три сына. Один погиб на

Восточном фронте. Старший из оставшихся в живых — Отто-Эрнст был упрям и наделен сильной волей. Младший — Фридрих-Карл был более мягким и потому легче покорился воле старого тирана. В 1962 году старший из сыновей возбудил судебный процесс против отца. В ходе судебного процесса вскрылись примечательные вещи. Во-первых, впрочем это делали и другие миллиардеры, старый Флик обманывал налоговое ведомство. Для того чтобы сэкономить на налоге, которым облагается наследство, он переписал по 45% основного капитала, принадлежащего акционерному обществу Флика, на обоих сыновей в виде дара. Однако в дарственном письме был параграф, по которому старый Флик сохранял за собой право принимать наиболее важные решения по всем финансовым и экономическим вопросам и даже изменять устав концерна!

Отто-Эрнст восстал против этой «отеческой диктатуры» и потребовал себе ту часть имущества, которую Флик уже подарил ему. Западногерманский суд, разумеется, не захотел тягаться с могучим Фридрихом Фликом. «Блудный сын» проиграл процесс, а вместе с ним и власть. Получив «всего» несколько миллионов марок, он поспешил вложить деньги в покупку небольших земельных владений в Канаде, США, Франции и Италии. К этому времени «старый диктатор» заготовил новое письмо о дарении, в котором доля проигравшего процесс Отто-Эрнста переходила к его детям — двум сыновьям и дочери. Так внуки Флика, увлеченные альпинизмом, «Мик» и «Мук», очутились в самом центре борьбы за власть в доме Фликов.

Борьба эта уже в первом ее периоде принесла несколько интересных неожиданностей: западногерманские суды, не моргнув глазом, признали фиктивный характер первого договора о дарении. Но было несколько других интересных моментов, так сказать семейного свойства. С того дня, как Фридрих Флик выплатил сыну присужденную ему жалкую долю имущества, он уже больше вообще не хотел разговаривать со своим сыном! После смерти старого Флика крупнейшие западногерманские газеты опубликовали траурное сообщение величиной с простыню. Но в нем ни одним словом не упоминалось имя Отто-Эрнста. Отто-Эрнст в отместку за это даже не пошел на похороны своего отца.

Словом, не хватало только, чтобы Фридрих Флик простер руку из могилы и, попирая законы смерти, при-

нялся с того света управлять судьбами своего богатства с той же страстностью, с какой он это богатство собирал при жизни.

И, как это ни странно, такое тоже произошло.

Через два месяца после своей смерти старый Фридрих Флик, уже находясь в потустороннем мире, ухитрился надуть и своего младшего сына, и детей изгнанного старшего. Он сделал даже попытку дать с того света указание, кого поставить во главе супертреста. А подготовил он эту операцию еще при жизни, да еще таким образом, что по его указанию на некоторое время внуки «Мик» и «Мук» были вообще удалены «с поля боя». Одного внука по его указанию сначала отправили для изучения банковского дела в американский банк Шрёдера, относившийся к предприятиям банкирского дома Рокфеллеров. Затем его отправили на практику в концерн ИТТ. Другой внук, который проходил практику в «Дойче банк», по указанию патриарха клановой фирмы также отправился за океан, в контору «Америкэн-Юропиэн бэнк» на Уолл-стрит.

Отсутствие двух внуков дедушка использовал для того, чтобы подготовить новый, дополнительный параграф к собственному завещанию. В этом параграфе он подтвердил ведущую роль в клане Фридриха-Карла Флика, своего младшего сына, дяди «Мика» и «Мука», и давал ему указание: вернуть в концерн Эберхарда фон Браухича, прежнего генерального директора фирмы, который покинул фирму после ссоры с Фридрихом-Карлом, перейдя в концерн Шпрингера. В завещании старого Флика было также записано, что об этом параграфе внукам можно будет объявить только после того, как им будет зачитано само завещание.

Итак, первый этап «операции с того света» давал Фридриху-Карлу Флику возможность остаться единовластным хозяином империи, однако при условии, что в качестве генерального директора он, в соответствии с волей отца, возьмет того самого менеджера, который два года назад ушел из концерна.

За первой последовала вторая часть операции. Повелитель концерна, к этому времени уже тяжело больной, жил в своем замке на берегу Боденского озера. Сюда-то он и вызвал из Америки обоих внуков и в присутствии нотариуса заключил с ними соглашение. Согласно последнему, двум внукам было предоставлено решающее право голоса при определении экономической политики

Фонда Фридриха Флика. О тайном соглашении Фридриху-Карлу, сыну основателя концерна, знать не полагалось, но условие это было также занесено в текст соглашения.

Когда старый господин удалился в лучший мир, после оглашения его завещания разразился грандиозный скандал. С одной стороны Фридрих-Карл — сын основателя концерна, с другой стороны — дети другого сына только в конторе нотариуса узнали об этой двойной игре «императора и повелителя концерна». Тотчас начался величайший процесс по делу концерна Флика. Хроникеры династии до сих пор раздумывают над тем, какую же цель преследовал великий стяжатель в этой своей двойной игре?! Скорее всего Фридрих Флик хотел таким образом обеспечить равновесие между властью сына и внуков. Он явно предвидел, что после его смерти они набросятся друг на друга, словно дикие звери. И, по замыслу, этим приемом ему удастся даже с того света направлять деятельность концерна и сохранить его единство.

И, как это ни покажется странным, «загробная операция» удалась. Хотя и не все свершилось по замыслу старого хищника. К началу «процесса Флика» 54,5% акций находилось в руках Фридриха-Карла. Однако вопрос об экономической политике концерна решался большинством. В голосовании приняли участие Фридрих-Карл, два его племянника «Мик» и «Мук», суперменеджер и зять основателя концерна Браухич, поставленный теперь практически во главе концерна.

В ходе процесса Фридрих-Карл и Браухич (который действовал так от его имени и вместо него) понемногу начали одерживать верх. А внуков — тех вообще больше интересовала «сладкая жизнь», и они совсем не были заняты мыслями о политике концерна, как об этом когда-то мечтал лежавший теперь уже в могиле их дед. «Мик», «Мук» и Дагмар, двое внуков и внучка старого Флика, в 1975 году продали свои акции Фридриху-Карлу. И младший сын основателя концерна, таким образом, снова стал единоличным владельцем фирмы, а Браухич сделался его советником, генеральным представителем и пророком.

Нужно сказать, что суперменеджер Браухич настолько ловко маневрировал в течение последующих лет, что ему удалось добиться того, чего не удалось сделать Круппу: понемногу он освободился от малоэффективных предприятий, входивших в концерн, и на деньги, выру-

ченные от их продажи (а это были сотни миллионов марок), купил акции более современных и более доходных отраслей промышленности. Прежде всего суперменеджер поспешил отделаться от предприятий угольной промышленности, а затем — от крупнейшего металлургического предприятия концерна «Максимилиансхютте». Вместо них были приобретены доходные акции большинства западногерманских страховых компаний. Частично были также проданы акции заводов «Даймлер-Бенц», производивших автомобили «мерседес», из них концерн Флика оставил за собой только 10%. На вырученные деньги были приобретены предприятия за рубежом и значительные пакеты акций в компаниях нескольких других ведущих отраслей западногерманской экономики. Так к 1980 году концерн Флика обрел новый облик.

В начале 80-х годов концерн Флика состоял приблизительно из 100 предприятий, в которых было занято более 100 тыс. человек, а оборот всего концерна в восемь раз превышал оборот концерна диктатора прессы Шпрингера. К этому нужно еще добавить контрольные пакеты акций более чем 200 западногерманских предприятий. Концерн Флика ныне оказывает влияние на экономическую политику всех крупных фирм Западной Германии, от «Сименса» до «Байера» и «Хехста».

В известном смысле компания Флика после реорганизации оказалась более прочной, чем замки семейства Круппа. Новейшая деятельность фирм, входящих в концерн Круппа, уже не будет описана в «семейных хрониках», а вот «империя Флика» до сих пор находится в руках потомков основателя концерна и по богатству считается семейством номер один в Западной Европе.

САУДЫ - фараоны нефтяной пирамиды

**40 ЧЕЛОВЕК НА ВЕРБЛЮДАХ — ЗАВОЕВАНИЕ
ПУСТЫНИ — СУНДУКИ ШЕЙХА СУЛЕЙМАНА —
АРАМКО — БРАТЯ-НАСЛЕДНИКИ — ДРАМА В МЕККЕ**

Когда после длительного перерыва, вызванного забастовкой лондонских продавцов газет, вновь вышла старая испытанная «Таймс», пострадавшие журналисты целые страницы заполнили интересными событиями, происшедшими за период забастовки. На одной такой странице были подобраны случаи анекдотического характера. Об одном из них можно было прочесть следующее: прошедшие два месяца один из принцев правящей династии Саудовской Аравии находился на каникулах в Лондоне. За время пребывания он за 10 тыс. английских фунтов приобрел себе автомобиль «роллс-ройс» в специальном исполнении. Когда пребывание принца в Лондоне подошло к концу, шофер доставил его в лондонский аэропорт и проводил в зал «для особо важных лиц», где у дверей спросил: что ему делать с автомобилем? На это принц ответил водителю: «Оставьте себе».

Интересные известия поступили и из Нью-Йорка. На Пятой авеню, в ее самой дорогой части, в 70-х годах греческий магнат-судостроитель Онассис построил себе небоскреб, который получил название башня «Олимпик», поскольку так же именовалась и греческая воздушная компания, принадлежавшая Онассису. В квартиры этой башни «Олимпик», стоившие баснословные деньги, жильцы селились по особому списку. Одним из первых в списке новоселов был некий подданный Королевства Саудовской Аравии. Имя его — Аднан Кашогги — широкой общественности ничего не говорило. Отец нового обитателя дорогой квартиры в башне был домашним

врачом основателя династии в Саудовской Аравии Ибн-Сауда, а значит, и его доверенным лицом. С помощью своих связей сын королевского врача добился поручения осуществлять закупки оружия для своей страны, и одни комиссионные проценты по этим сделкам сделали его богачом.

Жирные «крошки», падавшие с королевского стола семейства Саудов, дали возможность мистеру Кашогги купить для себя целый этаж в башне «Олимпик» и оборудовать в нем дюжину комнат, украсив их стены бесценными произведениями искусства. К апартаментам богатея относился также и плавательный бассейн. Через несколько дней мистер Кашогги обратился к администрации небоскреба с просьбой, вызвавшей всеобщее удивление: он хотел бы приобрести еще этаж, находившийся внизу, под его квартирой, с условием, что этаж этот будет пустовать. Когда его спросили, что побуждает его пойти на такой странный шаг, он отвечал: «Боюсь, что гидроизоляция бассейна окажется недостаточно качественной и просачивающаяся из бассейна вода может промочить потолок лежащей внизу квартиры. А я не хочу неприятностей никому...»

В Саудовской Аравии официально объявили, что в 1980 году чистый доход страны превысил 80 млрд. долл., 12 млрд. из них власти страны не знали, на какие цели истратить. Посоветовались и решили построить в Аравии, посреди пустыни, новые «супермодерные» города, а для водного снабжения этих городов создать предприятия по опреснению морской воды. Стоимость работ — 10 млрд. долл. Когда один американский журналист спросил министра финансов Саудовской Аравии (разумеется, тоже одного из членов правящей династии), не являются ли такие предприятия напрасной тратой денег, ответ был такой: «У нас это не играет роли. Мы готовы были хорошо заплатить, чтобы в Антарктике для нас взрывами отбивали от края ледника айсберги и затем с помощью кораблей буксировали их к нашим берегам. За это мы тоже были готовы заплатить 10 млрд. долл. Увы, нам не удалось найти такую транспортную морскую компанию, которая смогла бы эти айсберги пригнать к берегам Саудовской Аравии. Американцы сказали, что айсберги вообще растают, пока их удалось бы дотянуть до арабских знойных берегов».

В 1980 году в Эр-Рияде, столице Саудовской Аравии, был построен дворец главы правящей королевской династии.

тии, к тому времени уже слабого здоровьем короля Халеда. Проектировщики десяти всемирно известных американских, английских и французских архитектурных мастерских трудились в поте лица над проектами этого дворца. Заказчик — король — поставил условием, чтобы и архитектурный стиль дворца, и внутреннее убранство его были в стиле ампир.

Чего проще: в столице Эр-Рияд, как оазис, возвышавшийся посреди песчаного моря, нужно было построить слегка увеличенную копию дворца французского «короля-солнца» в Версале.

Внутренние помещения дворца должны были быть обставлены мебелью эпохи Людовика XIV и XV. Столовая могла вместить две тысячи гостей и внешне должна была тоже быть увеличенной копией известного всему миру Зеркального зала. Кроме того, авторам проекта предлагалось предусмотреть возведение больницы, оснащенной самым современным оборудованием, со множеством отделений, казармы, убежища, способного защитить от атомного удара, и кинотеатра с 10 просмотровыми залами. Словом, «супер-Версаль» посреди Аравийской пустыни.

После всего этого едва ли кого удивит, что в личном «Боинге» короля Халеда, изготовленном по индивидуальному проекту, находится огромный молитвенный ковер на специальном вращающемся устройстве в полу самолета, которое поворачивает ковер всегда в сторону Мекки, независимо от того, куда летит самолет.

Все эти эпизоды дают хоть какое-то, пусть слабое, представление о том, какое место занимает королевская семья Саудов в ряду других сверхбогачей мира. Личная собственность какого-нибудь Рокфеллера, Форда или Онассиса, хотя и не в полном объеме, поскольку они тщательно скрывают ее размеры с помощью всевозможных фондов и банковских уловок, все же может быть определена в цифрах. И даже в Иране, где границы между личной собственностью династии Пехлеви и государственным имуществом были размыты, можно, хотя бы приблизительно, определить размеры богатства шаха по тем ценностям, которые он вывез за границу.

А вот в жизни наследников короля Ибн-Сауда цифры больше не означают ничего. Здесь государство и в юридическом смысле является личной собственностью короля. Единственно, речь здесь идет о собственности не одного человека, а о коллективном богатстве всего семей-

ства Саудов в целом. А стратегическое значение Саудовской Аравии, которое в любой момент можно обменять на золото! Ведь в течение десятилетий США и наиболее развитые капиталистические страны доманеврировались до того, что теперь их снабжение нефтью, а это значит — и вся экономическая жизнь в целом, стали зависеть от нефти Ближнего и Среднего Востока. А здесь нефти больше всего в песках Саудовской Аравии. Правда, во время иранской революции Америка и Западная Европа доказали, что они вполне могут обходиться и без иранской нефти. Точно так же они нашли бы выход, если бы уменьшились поставки нефти из какой-нибудь другой страны Среднего Востока. Но Саудовская Аравия в этом случае — исключение. Это — крупнейший производитель нефти и крупнейший ее экспортер. Если бы какой-то бурей смело пирамиду, построенную на этом песке, последствия были бы трудно предсказуемы. Это-то и есть основа богатства семьи Саудов, с трудом поддающегося выражению в цифрах.

История клана Саудов и образования его богатства относится к самым фантастическим главам хроники сверхбогачей мира.

Осенью 1901 года кучка вооруженных людей на 40 верблюдах покинула стены лежащего на берегах Персидского залива города Кувейта и направилась через пески Аравийской пустыни в самую ее сердцевину. Во главе этого небольшого каравана развевался зеленый стяг. В кромешной тьме южной ночи на конец древка знамени подвесили еще зажженную масляную лампаду. Вел караван высокий, сухощавый молодой человек всего лишь 21 года отроду. Однако несмотря на свою молодость он был уже ветераном отчаянных разбойничьих налетов в пустыне. Его полное имя — Абдул Азиз ибн Абдул Рахман аль Фейсал аль Сауд. Впрочем, его приверженцы звали его просто Ибн-Саудом. Он был принцем из династии, лишенной королевской власти, изгнанником в песках Аравийской пустыни.

Восседавший на верблюде Ибн-Сауд всю дорогу вынашивал в голове планы, один лучше другого. В конце концов он решил, что вместе со своими войсками сначала укрепится в безжизненной части Аравийского полуострова, которую бедуины так и называют «пустыня» и которую избегали все караваны. Переждав некоторое время со своими людьми в глубине пустыни, Ибн-Сауд задумал в подходящую ночь напасть на город Рияд. Когда-то

город этот был столицей государства, принадлежавшего племени Саудов, пока их не изгнал из Рияда Ибн-Рашид, вождь соседнего бедуинского племени.

В начале века город Рияд выглядел, как любой другой город в пустыне, обнесенный стеной из саманных (глина с соломой) кирпичей еще в библейские времена. Здесь ничего не менялось тысячелетиями. В городе за саманными стенами ютилось около 5 тыс. жителей. Королевский дворец в нем тоже был из самана и отличался от других городских домов только размерами. Вокруг дворца — крепость, в которой жил губернатор Аслан-бек со своей гвардией, охранявший могущество семейства Рашидов.

40 вооруженных всадников, прибыв к дремавшему в ночи городу, перелезли через глиняную стену и, проникнув в жилой дом губернатора, захватили заложниками обитательниц гарема и его охрану. Сам губернатор в эту душную южную ночь не находился во дворце, он ночевал в крепости. Так что нападавшим пришлось дожидаться утра, пока Аслан-бек из крепости вернется навестить своих жен. Затем прозвучало несколько выстрелов, дальше сражались молча — кинжалами и кривыми шашками. Через полчаса все было кончено. Аслан-бека и его гвардию — всего около 100 человек — перебили на месте. Рияд снова перешел в руки Саудов.

Захватив город, Ибн-Сауд получил важную для него передышку. За это время он смог привлечь на свою сторону бродившие по пустыне от оазиса к оазису со своими овечьими стадами племена бедуинов и стал готовиться к новому походу в пустыню, где война велась еще оружием библейских времен. Длилась она долго, вплоть до начала первой мировой войны. Рашид и его люди почти ежегодно устраивали набеги на саудовцев, надеясь сломить власть династии Саудов и вернуть себе Рияд, этот стратегический пункт их собственного королевства в пустыне. Но эти налеты с каждым разом становились все слабее, а бедуины Ибн-Сауда с каждым разом захватывали все новые территории. Они продвигались в двух направлениях: к Персидскому заливу и к тем территориям, которыми владела становившаяся все слабее Турецкая империя, «больной человек Европы». В общем к 20-м годам столетия на внутренних пустынных территориях Аравийского полуострова Ибн-Сауд был уже бесспорным властелином. Он только не смог наложить руку на княжества и эмираты на берегу Персидского залива, которые поддерживали

связь с внешним миром. Находившиеся на морском берегу, они представляли большой интерес и для колониальных держав.

Завоевание песчаной пустыни одновременно означало, что власть захватили ваххабиты — самая консервативная и самая пуританская секта в исламской религии. Секту ваххабитов основал реформатор исламской религии Мухаммед ибн Абд-аль Ваххаб в XVIII веке. Последователи его учения предлагали мусульманам отбросить все суеверия, глупые обычаи и всю шелуху, налипшую на ислам — истинное учение пророка Мухаммеда — за долгие века его существования. Мусульмане должны вернуться к Корану, который был продиктован пророку Мухаммеду самим Аллахом. А Коран требует презреть всякое богатство и роскошь, запрещает носить богатые одежды, курить и пить спиртное и велит вести скромный и строгий образ жизни. Около 1750 года Абд-аль Ваххаб заручился поддержкой предка Ибн-Сауда, тогдашнего вождя саудовского племени, и ваххабитская реформация буквально взрывом грянула в глубине пустыни. Турецкий султан понял, что это учение опасно для его империи, и дал указание властителю Египта, принадлежавшего тогда Турции, разрушить союз ваххабитов и саудовцев. Египетские армии после не очень удачной и долгой войны наконец все же оттеснили саудовских воинов, сражавшихся под зеленым знаменем пророка, и ограничили влияние секты ваххабитов сравнительно небольшой территорией. После этого-то и последовали атака Ибн-Рашида и изгнание семейства Саудов из Рияда.

Затем, как мы уже видели, ветер пустыни вновь повернул в другую сторону, и на пороге первой мировой войны зеленое знамя ваххабитов уже развевалось над всей внутренней частью песчаной пустыни Аравийского полуострова.

В эту-то пору англичане и обратили внимание на семейство Саудов. Скорее всего потому, что в первую мировую войну Турецкая империя выступила союзницей Германии и Австро-Венгерской империи. Министерство иностранных дел Англии и ее секретные службы решили, что против турок нужно повернуть арабские племена под лозунгом борьбы за независимость. Английская секретная служба направила на арабские территории двух своих опытных агентов: в лагерь Ибн-Сауда прибыл английский капитан по фамилии Шекспир (никакого отношения к великому драматургу не имел).

А на приморской территории и в святом городе ислама — Мекке появился ставший позднее легендарным полковник Лоуренс. Приморскими территориями управлял носивший титул «шерифа Мекки» Хусейн. Его потомки стали королями Иордании. Это был араб, совсем не похожий на Ибн-Сауда. Он относился к арабскому дворянству, утонченному, привыкшему к роскошной жизни, со связями при султанском дворе — в противоположность грубым, живущим суровой жизнью степным бедуинам, исповедующим суровые взгляды ваххабитов-саудовцев. В Лондоне Хусейна однозначно считали «человеком будущего» и своим истинным союзником. Это прежде всего видно из того, что в распоряжение капитана Шекспира были предоставлены небольшие деньги. Но он и за какие-то 5 тыс. фунтов в месяц заручился поддержкой Ибн-Сауда, власть которого простиралась на всю внутреннюю часть Аравийского полуострова.

Зато полковник Лоуренс получил в свое распоряжение, как видно, более крупные суммы, поскольку Хусейна он подкупил уже за 20 тыс. фунтов, внося эту сумму сразу же в казну «шерифа Мекки». И до октября 1917 года, то есть почти до конца первой мировой войны, все единодушно считали, что именно Хусейн будет властелином Аравии. Полковник Лоуренс, офицер секретной английской службы, скакал на арабском жеребце в одежде араба во главе армии «шерифа Мекки». Продвигаясь планомерно в направлении Палестины, он отвоевывал у турок большие территории. Когда Лоуренс достиг города Акаба на дороге, ведущей в Палестину, шериф Хусейн провозгласил себя королем Аравии.

Не изменилась обстановка и в первые несколько лет после окончания мировой войны. Ибн-Сауд долго колебался, не решаясь начать атаку против Мекки. Наконец в 1925 году ваххабитские всадники отправились в поход на Мекку. Сначала они атаковали богатый горный курорт Таиф в 60 км от Мекки. Забрав все, что можно было унести с собой, бедуины вырезали 400 жителей города. Хусейн, правда, еще сидел в своем дворце в Мекке, но понимал, что его власть над Аравией кончилась. Тайно с небольшим караваном он бежал в морской порт Акабу, а оттуда англичане переправили его на Кипр.

Теперь Ибн-Сауду уже никто не мешал завладеть областью Хиджаз — родиной ислама. В 1925 году его уже изрядно выросшая армия бедуинов вошла в Мекку. И воины Сауда, в массе своей ваххабиты, принялись

очищать от «скверны» святой город. Они уничтожили особенно богатые надгробия, сбили с куполов мечети украшения, сломали все музыкальные инструменты, уничтожили картины, изображавшие живого человека.

11 декабря 1925 г. Ибн-Сауд был избран королем Хиджаза, присоединенного к Неджду, и это отражало объединительные тенденции, которые снова возродились в арабском мире. Англия, предпочитавшая иметь дело с раздираемыми распрями государствами арабов, естественно, противилась этим объединительным тенденциям. Однако вскоре новое государство в Аравии было признано революционной Россией, что повергло английских и французских политиков в замешательство. Признание Советским Союзом помогло Ибн-Сауду противостоять интригам англичан. Англии не оставалось ничего другого, как также признать короля только что родившегося государства. И мало-помалу Саудовская Аравия начинала играть все возрастающую роль на Ближнем Востоке. Во время второй мировой войны Ибн-Сауд занял четкую недвусмысленную позицию и изгнал из страны германского посланника. Был также выслан из страны итальянский посланник. (В марте 1945 г. Саудовская Аравия даже объявила войну державам «оси», и это позволило ей подать заявление с просьбой о приеме в ООН.)

Итак, государство, на которое начал проливаться золотой дождь, родилось. Но по-прежнему в столице преобладали дома, сделанные из смеси соломы и глины. В стране оставались в силе древние законы пустыни, а сама она была бедной и нищей.

Хранитель казны шейх Абдула аль Сулейман (через 20 лет он уже будет называться министром финансов) был одним из самых доверенных лиц Ибн-Сауда. Да и вся «казна», собственно, состояла из деревянного сундука, обитого железными обручами. В сундуке хранились золотые форинты с изображением императрицы Марии Терезии. На ночь Сулейман запихивал сундучок под свою кровать. Единственным источником доходов молодого государства являлся, собственно говоря, святой город Мекка, в который со всех концов мира стекались верующие мусульмане и паломники. Путь паломника в Мекку обходился в большие деньги. Самые бедные проделывали этот долгий путь пешком, нищенствуя. Год в Хиджазе считался хорошим, если в Мекку прибывало много паломников, которые тратили деньги в святом городе. А их через несколько лет после завоевания Мекки

Ибн-Саудом насчитывалось уже 100—150 тыс. Но экономический кризис 1929 года принес и королевству Ибн-Сауда большие финансовые потери, деревянный сундук Сулеймана был опустошен.

Лишь после нескольких «тощих лет» в начале 30-х годов на горизонте замаячила возможность продавать нефть. Хотя тогда еще никто и не подозревал, что песчаные пустыни Саудовской Аравии вскоре станут всемирным центром нефтяного бизнеса.

История началась с того, что один английский авантюрист по имени Фрэнк Холмс еще в 1923 году за несколько тысяч фунтов стерлингов купил у Ибн-Сауда концессию на поиски нефти. Поиски эти закончились неудачей. Холмс покинул Саудовскую Аравию, но продолжал вести буровые работы на Бахрейнских островах. Впрочем, и здесь его почти пятилетние поиски нефти не принесли желаемого результата. Крупные нефтяные компании — находившаяся в руках семейства Рокфеллеров «Стандард ойл» и англо-голландская фирма «Ройял датч-Шелл» Детердинга — в это время сражались между собой за раздел сфер влияния, а точнее, за раздел уже открытых нефтяных богатств мира, и Бахрейн и саудовские песчаные пустыни их не очень-то интересовали.

Положение несколько изменилось, когда одно из дочерних предприятий Рокфеллера «Стандард ойл оф Калифорния» (СОКАЛ) всего за 50 тыс. долл. приобрело право на поиски нефти на Бахрейнских островах, где после пяти лет неудач из-под земли вдруг ударил фонтан черного золота. Тогда-то геологи снова вернулись к предположению, что и под песками Саудовской Аравии должны лежать нефтяные поля. Первыми «пробудились» англичане, и находившаяся большей частью в руках государства фирма «Бритиш петролеум» направила своих представителей вести переговоры о покупке нефтяных концессий с Ибн-Саудом. Ведь он был не только королем, но и собственником всех богатств страны в одном лице.

К своему удивлению, англичане натолкнулись здесь на своего старого агента, которого они еще в 1917 году отправили с секретной миссией в Саудовскую Аравию. Агента звали Филби, а задача его тогда была отговорить Ибн-Сауда от нападения на шерифа Мекки. Филби был очень странным человеком и питал склонность к простому образу жизни полудиких бедуинов. Задачу свою он не выполнил и с английской секретной службой поссорился.

Но стал хорошим другом Ибн-Сауда и даже перешел в мусульманство.

Появившись при дворе Ибн-Сауда, эмиссары «Бритиш петролеум» лицом к лицу столкнулись с переодетым в арабскую одежду полковником Филби. Разумеется, опытный агент секретной службы знал, что теперь ему нужно искать новых покровителей, и без колебаний перешел на службу к американцам. В данном случае это была фирма СОКАЛ. Филби очень хорошо изучил образ мысли Ибн-Сауда. Был он знаком также и с методами действий министра финансов шейха Сулеймана, а потому соответственно и направлял ход переговоров. Когда ему стало известно, что «Бритиш петролеум» собирается оплатить концессию на разведку нефтяных месторождений в индийских рупиях, он тотчас же установил контакт с представителями СОКАЛ и посоветовал им пообещать шейху Сулейману, что американцы заплатят чистоганом в британских золотых соверенах. Это и решило исход переговоров. Сделка была заключена. В один из майских дней в глиняном дворце Ибн-Сауда сидевший на престоле король в присутствии шейха Сулеймана принялся читать текст соглашения о предоставлении американцам права на нефтяную разведку в течение 60 лет. За это американцы должны были вносить по 5 тыс. в год золотом и предоставить королю срочный кредит в 30 тыс. золотых соверенов. Если фирма найдет нефть, то обязуется платить за каждые 5 т добытой нефти один золотой.

Филби в своих мемуарах увековечил момент подписания «исторического соглашения». Был жаркий полдень, и, поскольку в королевском дворце в то время еще не было кондиционеров, Ибн-Сауд, утомленный духотой, задремал на троне, пока Сулейман монотонным голосом читал ему текст. Король проснулся, когда чтение уже закончилось и в зале установилась тишина. Сауд поднял руку, повернулся к Сулейману и сказал: «Ну, все в порядке. Верь в Аллаха и подписывай». А три недели спустя за тысячу километров от Эр-Рияда в доме Сулеймана в городе Джидда, на берегу Красного моря, за гигантским столом сидели представители СОКАЛ — по одну сторону и Сулейман — по другую. Поодаль стояли несколько слуг и уже знакомый нам обитый железными полосами деревянный сундук. Американцы отсчитали 35 тыс. золотых — медленно, по одной монете, а на другой стороне люди Сулеймана сложили полученное золото в деревянный сундук.

Это были первые деньги, полученные Ибн-Саудом, — нет, не за нефть, а пока еще только за право вести ее поиски. Американцы организовали свою акционерную компанию, в которой СОКАЛ (а через нее империя Рокфеллеров) получала решающую роль. После многократных переименований компаньоны остановились на названии «Арабиэн-америкэн ойл компани» (АРАМКО). Эти шесть букв вскоре вошли в историю мировой экономики.

А впрочем, в самые первые годы после создания названной компании ничего особенного не произошло. Американцы заложили первый нефтяной город у подножья горы Джебел Дахран, потому что геологи уверяли: здесь они скорее всего найдут нефть. И до конца 1937 года все еще ничего не произошло. И промысловики уже подумывали: не прекратить ли работы.

Но тут в ход событий вмешалась случайность, а скорее необходимость, которая тоже порой является людям в образе случайности. Американские буровики в подписанном с Ибн-Саудом соглашении взяли на себя обязательство в качестве «дополнительной нагрузки» пробурить в этом бедном питьевой водой крае несколько артезианских колодцев. В декабре 1938 года Ибн-Сауд попросил их пробить также несколько колодцев и вблизи Эр-Рияда. На выбранное для колодцев место прибыли американские инженеры. Двое из них из чистого любопытства пожелали осмотреть один существовавший от века колодец, который бедуины называли Аин хит. Водой из него Ибн-Сауд и его верблюжья кавалерия в последний раз поили своих верблюдов 37 лет назад, перед тем как отправиться на штурм крепостной стены, окружавшей Эр-Рияд.

Колодец Аин хит был природным образованием. Время его появления никому неизвестно, и возник он благодаря тому, что потолок естественной подземной пещеры обрушился, образовался кратер в 30 м глубиной, на дне которого поблескивала вода. В стенке кратера позднее были выбиты ступени, так чтобы верблюдов можно было осторожно сводить по круговой лестнице вниз, к воде, и там поить. Два американских инженера из чистого любопытства тоже спустились вниз по этой круговой лестнице, желая отведать воды, которую уже на протяжении многих столетий пьют паломники, бредущие через пустыню в Мекку. Но, всмотревшись получше в глубину кратера, они тотчас же забыли о воде. Край

собственно колодца был выложен точно такими же кусками каменной породы, какие они несколько лет назад видели на Бахрейнских островах, где затем обнаружили нефть.

Геологи сделали простой логический вывод: если в окрестностях Эр-Рияда всего в 30 м от поверхности залегают такие же породы, что и на Бахрейнских островах, значит, и тут нефть должна залежать на такой же глубине.

Начиная с этого часа поиски нефти возобновились с новой силой. Число нефтяных вышек в окрестностях холма Джебел Дахран увеличилось. А в марте 1938 года вверх ударил фонтан нефти, первой нефти Саудовской Аравии. В мае же 1939 года в порту страны пришвартовался первый нефтяной танкер.

Однако четыре месяца спустя началась вторая мировая война. Обстановка на международном нефтяном рынке сильно изменилась: ни один из американских танкеров не решился бы на такой длинный и опасный путь до Персидского залива. Нужно было подождать, пока нефть снова превратится в золотой дождь.

Сундуки Сулеймана опять опустели. Нефть не приносила денег, а паломники во время войны тоже не посещали святые места. Однако властители США уже в то время предугадали, что в послевоенные годы песок пустыни Аравии превратится в золотой, и потому уже в начале войны президент Рузвельт посоветовал своему государственному секретарю: «Запомните: оборона Саудовской Аравии — дело жизненной важности с точки зрения международной безопасности США». (Эта фраза звучит так, словно ее произнесли на 40 лет позднее.)

Интерес американцев в конце войны к Саудовской Аравии проявился в том, что президент Рузвельт пожелал встретиться с Ибн-Саудом, который до сих пор никогда не покидал территорию Аравийского полуострова. Узнав об этом, Черчилль решил, что он не должен отстать от своего американского соперника, и тотчас заявил, что и он хочет повидаться с Ибн-Саудом.

Король Аравии на палубе американского миноносца «Мэрфи» был доставлен к Большому Горькому озеру, посредине Суэцкого канала, где на крейсере его ожидал президент Рузвельт. На палубе «Мэрфи» для властелина Аравии был установлен большой шатер. Туда же доставили 48 живых овец, что вызвало величайшее изумление капитана крейсера, и установили специальную цистерну

для воды, потому что Ибн-Сауд пил воду только из родника святой Мекки. Встречу — по крайней мере с точки зрения американской нефтяной политики — можно считать успешной: на прощание парализованный Рузвельт подарил одну из своих запасных колясок быстро старевшему и уже с трудом передвигавшемуся саудовскому королю. (Эта коляска для огромного Сауда оказалась маленькой, и потому он никогда ею не пользовался. Она была установлена на небольшом подиуме в отдельной комнате Ибн-Сауда, где и простояла вплоть до его смерти.)

После этого Черчилль тоже встретился с арабским королем, хотя они не переносили друг друга. Одна из причин этой неприязни крылась в том, что Черчилль беспрестанно курил сигары в присутствии короля и потреблял огромное количество коньяка, хотя знал, что священные религиозные правила ваххабитов строго запрещают и вино, и табак. (Рузвельт же, хоть и был страстным курильщиком, во время переговоров не выкурил ни одной сигареты.)

Во время визита Ибн-Сауда к Черчиллю англичане ему тоже сделали подарок. Британский премьер подарил королю шкатулку для духов ценой в каких-то там 100 фунтов. Ибн-Сауд был щедрее хозяина и преподнес в дар сабли и кинжалы, украшенные драгоценными камнями, алмазами и жемчугами, которым не было цены. Оказавшийся в неудобном положении Черчилль залепетал, что, мол, его подарок — это только «аванс», что после возвращения он с первым же английским военным кораблем отправит Ибн-Сауду в подарок великолепный «роллс-ройс».

С этой более красочной по форме, нежели по ее действительному политическому значению встречи Ибн-Сауд возвратился в свою нищенскую, бедную страну. Но год спустя, когда уже начались поставки нефти, в Саудовскую Аравию тоже прибыли первые 10 млн. долл. (как и прежде, в золотых монетах) и деревянные сундуки Сулеймана снова наполнились золотом. Пять лет спустя после окончания войны, в 1950 году, Ибн-Сауд получал в год уже 250 млн. долл., в 1953 году, перед самой его кончиной, — почти 300 млн. Эти деньги навсегда оседали в сундуках Сулеймана, потому что Ибн-Сауд был хозяином страны и выплаченные компанией АРАМКО деньги были его личной собственностью. У Саудовской Аравии по-прежнему не было банковской системы, полученное

королем золото не служило никаким экономическим целям. Единственное, что делал Сулейман, — это велел столярам при королевском дворе изготовить как можно больше новых деревянных сундуков, которые предстояло наполнить новыми золотыми монетами.

Собственно говоря, на этом история открытия в Саудовской Аравии нефти и кончается. Королевская династия Саудов поднялась в число сверхбогачей. С полученным за нефть золотом и сегодня ничего не происходит: подавляющая масса денег поступает в личную казну саудовских королей и многочисленных принцев. Но история самой саудовской династии сегодня уже настолько переплелась с нефтяной политикой и маневрами великих держав, что этот эпизод нельзя закончить набитыми золотом деревянными сундуками Сулеймана.

Прежде всего нам нужно выяснить отношения внутри самой династии.

У Ибн-Сауда было 300 женщин, 17 из которых считались официальными женами. Из этих 17 пятеро жен носили ранг «первой жены», и от этих пятерых жен родилось 12 мальчиков. (От остальных — еще 23.) В настоящее время, принимая во внимание все ветви династического дерева, королевская семья насчитывает 4 тыс. мужчин. Число женщин никому неизвестно, потому что их никто никогда не считал.

Эти-то 4 тыс. принцев практически и держат в своих руках всю политическую и экономическую жизнь страны. Один французский дипломат писал: «Саудовская королевская семья подобна совету директоров гигантского треста». Когда Ибн-Сауд умер, его сын от первой жены — тоже Сауд — без борьбы и видимых трудностей наследовал ему. Следующим официальным наследником престола был назван первый сын от второй жены — Фейсал. Эти два государственных мужа сильно отличались друг от друга как талантом, так и поведением. Сауду пришлось долго ждать отцовского трона. Ему было уже более 50, когда он наконец стал королем. Практически за время своего правления он не сделал ничего иного, кроме того, что безрассудно швырялся деньгами: содержал огромный гарем, имел 5 тыс. слуг, строил фантастические, вызывающе безвкусные дворцы. За десять лет он промотал 1,5 млрд. долл.

Эта безудержная трата денег, несмотря на поступление огромных количеств золота за добытую в стране нефть, привела Саудовскую Аравию почти на грань бан-

кротства. Фейсал же, который рано понял значение нефтяного богатства страны и своих сыновей отправил учиться в английские и американские университеты, в какой-то мере разбирался в международных банковских системах. Политически он тоже был более опытен. В конце концов он организовал заговор группы принцев. Заговорщики посоветовали Сауду отречься от престола, но потом, решив все же номинально сохранить за ним королевский титул, фактическое управление государством передали Фейсалу. (Одновременно это означало и управление внутрисемейными делами.) Позднее, номинально сидя по-прежнему на королевском троне, Сауд тоже организовал свой заговор для возвращения реальной власти, но большинство семьи было настроено против него, и по указанию Фейсала высший духовный орган страны «совет улемов» лишил его и королевской короны. Теперь и официально правителем страны стал Фейсал. Сауд же отправился в Египет, где и умер в изгнании в 1969 году.

Фейсал правил страной до 1975 года, когда один из принцев побочной ветви клана несколькими выстрелами из револьвера убил его. Принца-убийцу немедленно публично обезглавили на главной площади Эр-Рияда, а через несколько часов состоялось заседание пяти главнейших принцев династии (в Саудовской Аравии их называют «пятерка посвященных»), чтобы решить вопрос о преемнике убитого короля. Двумя членами «пятерки посвященных» были сыновья Сауда от третьей жены — Мухаммед и Халед. Сюда же относились и два старших сына четвертой жены — Фахд и Султан, а также сын пятой жены — Абдалла. На заседании «коллегии принцев» Мухаммед заявил, что он, как и прежде, хочет заниматься нефтью, не требуя для себя непосредственной королевской власти. Так на трон вступил сын третьей жены, не очень крепкий здоровьем Халед, его наследником на престоле был назначен старший сын четвертой жены — Фахд. Смена власти на вершине «семейного акционерного общества» прошла гладко, и с тех пор «пятерка посвященных» играет решающую роль в жизни страны.

Рядом с королем Халедом мы видим старшего в роде мужчину — Мухаммеда, делового человека. Фахд, следующий по очереди наследный принц, человек сильной воли, целеустремленный и жаждущий власти. Стоя за спиной болезненного Халеда, он и представляет истинную власть. Принц Султан, младший брат Фахда, при распре-

делении власти в новом правительстве стал военным министром и верховным главнокомандующим. Сын четвертой жены — Абдалла возглавил службу внутренней безопасности и национальную гвардию, которая противопоставляется армии.

Но покой и мир внутри семьи обманчивы. Принцы, сыновья Ибн-Сауда, делятся на кланы по имени своих матерей, образуют группы, и состав «пятерки посвященных» каждый раз отражает то или иное соотношение сил, договоренность между сыновьями третьей, четвертой и пятой жен. Однако из сыновей Джилуви, третьей жены, после смерти Халеда остался в живых один Мухаммед, и, таким образом, поневоле вся реальная власть в клане перешла бы в руки сыновей четвертой жены — Судейри. Этих молодых людей сейчас так и именуют «семь Судейри», а следующим королем Саудовской Аравии будет старший из Судейри, в настоящее время наследник престола принц Фахд. Остальные Судейри уже сейчас занимают руководящие политические посты. Наджиф — министр внутренних дел, Ахмат — заместитель министра внутренних дел и Салман — губернатор города Эр-Рияда. Таким образом, реальная власть еще при жизни Халеда оказалась в руках «семерых Судейри».

Но кроме Судейри на власть претендуют уже и дети Фейсала, внуки Альшейк, второй жены Ибн-Сауда. Многие из них стали губернаторами провинций, Сауд — министром иностранных дел, Абдель Рахман — командующим мотомеханизированными войсками, Бандар — начальником генштаба воздушных сил и Турки — руководителем секретной службы страны.

Современные предсказатели, вырабатывающие политические прогнозы, считали, что в середине 80-х годов вопрос о власти внутри династии Ибн-Сауда, богатейшей династии мира, решится в результате борьбы кланов Судейри и Альшейк. Но в конце 1979 года, когда уже начали проявляться первые признаки открытой борьбы за власть, неожиданно произошло событие, не имевшее себе подобных в истории Саудовской Аравии: группы фанатиков захватили Великую мечеть в Мекке и подвергли опасности существование всей династии. Ввиду этого соперничающие кланы вынуждены были на время прекратить свою грызню.

Скорее всего истинной истории столь странного захвата магометанской реликвии, Великой мечети в Мекке, и еще более странного штурма никогда не узнает мир.

Принцы по вполне понятным причинам будут хранить молчание, а схваченные участники захвата мечети уже обезглавлены палачом (разумеется, без всякого публичного суда). Попробуем рассказать хотя бы то, что стало известно.

Место действия само по себе легендарно. Великая мечеть в Мекке на протяжении веков была самым священным религиозным центром мусульманства всего мира. Во дворе Великой мечети стоит четырехугольное здание с плоской крышей, под которой находится накрытый воронкой из серебра священный «черный камень» Кааба. Святилище Кааба задернуто тяжелым черным шелковым пологом, расшитым цитатами из Корана. Толпы паломников устремляются сюда большей частью к хиджре, началу нового по мусульманскому стилю года. (Хиджра по-арабски означает «исход», или «переселение»: в этот день в 622 году от рождения Христова пророк Мухаммед со своими сторонниками, покинув Мекку, удалился в город Медину.)

Двор, посредине которого находится святилище Кааба, со всех сторон окружен лабиринтом храмовых помещений, и вот в этот-то храм в день хиджры ворвалась группа неизвестных вооруженных людей. Они легко справились с охраной храма, потому что в Великой мечети строго воспрещается находиться с оружием и охранники могли сражаться с нападающими, вооруженными автоматами, только длинными кольями и дубинками. Захватившие мечеть взяли заложников, в том числе членов семьи министра нефтяной промышленности шейха Ямани. Семейство Саудов, которое одновременно представляло и правительство страны, тотчас же объявило захватчиков мечети еретиками. Это понадобилось для того, чтобы войска принца Султана и принца Абдаллы во главе его национальной гвардии могли применить в стенах святилища мусульман оружие. Первые же сообщения, разумеется, прошедшие через фильтры саудовской цензуры, говорили о том, что захватившие Великую мечеть еретики заперлись в храме и хотели провозгласить новым Махди, то есть пророком, своего предводителя.

Но несмотря на запрет цензуры во внешний мир очень быстро просочились и другие слухи, из которых следовало, что захватили Великую мечеть никакие не еретики или сторонники какой-то фанатической секты и что это вообще не религиозная борьба, а схватка, имеющая политический характер. Прежде всего прошло две неде-

ли, пока принцы Султан и Абдалла смогли очистить Великую мечеть от захватчиков. Это подтверждало, что захватившие мечеть слишком хорошо владели оружием для того, чтобы их считать простыми религиозными фанатиками. Объявился и свидетель, паломник из Марокко, который рассказал, что ворвавшиеся в мечеть вооруженные люди произносили речи под сводами галереи, выражая свое возмущение тем, что король угнетает население Саудовской Аравии, и осуждая его за жадность и скопидомство.

Косвенно об этом же говорил и тот факт, что после изгнания вооруженных из мечети принц Наиф, министр внутренних дел, один из «семерых Судейри», признал, что в Саудовской Аравии впервые со дня ее основания было произведено множество казней. В восьми городах страны были обезглавлены 63 человека. Многие руководители армии и органов безопасности были смещены, уволен губернатор города Мекки.

Все это свидетельствует о том, что в данном случае речь идет не о религиозной борьбе, а о восстании против военно-политической власти королевской семьи. Позднее стало известно, что захватчики мечети хотели взять заложником главу династии короля Халеда, который собирался в этот день посетить святилище Кааба, но ввиду болезни (он был сердечником и много раз оперировался) в роковой день не появился в мечети. И наконец, несмотря на строгий запрет, миру стало известно, что одновременно с захватом Великой мечети была предпринята попытка начать восстание в городах Медина и Рас-Танура, крупнейшем нефтяном порту страны.

Озабоченность, которую проявили капиталистические державы мира в связи с явно революционными процессами в Саудовской Аравии, показывает, насколько Европа и США зависят от снабжения нефтью с Ближнего Востока.

Напуганная усиливающимися в других странах тенденциями к национализации полезных ископаемых, АРАМКО пошла на повышение доли Саудовской Аравии в прибылях до 50%. Затем последовал «нефтяной бум», когда за семь лет, с 1973 года, цена на нефть выросла в шесть раз. В казну Сулеймана (теперь хранившуюся уже не в деревянных сундуках, а в сейфах иностранных банков) потекли новые потоки золота, миллиарды долларов и фунтов.

АГА - ХАН - пророк на чаше весов

**УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ, КОТОРОГО НЕТ —
ИСТОРИЯ ДИНАСТИИ — НЕМНОГО ПОЛИТИКИ —
ЧЕТВЕРТЫЙ**

Среди «великих стяжателей» существует такое семейство, через анналы которого красной нитью проходит история богатства, которое, собственно говоря, даже и не нужно было добывать, потому что люди сами создавали его, добровольно!

В 1957 году в один из дней октября в столице Танганьики (в настоящее время Танзании) Дар-эс-Саламе на шею 19-летнего молодого человека была надета золотая цепь, которую полагалось носить всемогущему верховному священнику — имаму Хазару. До этого молодой человек окончил Гарвардский университет в США и в основном подвизался на крупных западных курортах, в увеселительных местах, на скачках и среди молодых восходящих кинозвезд.

Цепь, изготовленная из чистого золота, весила почти 3 кг и была составлена из 49 пластинок. Число этих пластинок выбрано не случайно: оно означало, что данный «всемогущий верховный священник» — 49-й по счету, носящий этот титул с тех пор, как 1200 лет тому назад было создано одно из могущественных ответвлений мусульманской религии — секта исмаилитов.

Руководители секты исмаилитов носят титул и имя Ага-хан с начала XIX века. Молодой человек, которого в миру звали Каримом, четвертый в этом ряду Ага-ханов. Словом, теперь его официальное имя — Ага-хан IV.

Титул этот очень весом и в прямом, и в переносном смысле. Число членов секты исмаилитов сейчас оценивается приблизительно в 20 млн. человек. Живут они в

общинах, разбросанных по многим континентам. Кстати, исмаилитская община в Танзании, где совершаются «коронования» Ага-ханов, — не самая крупная. Действительным же центром секты, пожалуй, можно считать Индию, Пакистан и Иран. 20 млн. исмаилитов почитают Ага-хана не только как своего верховного священника, но и видят в нем политического вождя и прежде всего экономического руководителя. Он — абсолютный властитель империи, большой, но не объединенной общей территорией. Его империя — это разбросанные общины исмаилитов от Уганды и Танзании до Сирии, от Ливана до Индии и Пакистана.

А титул Ага-хана делает его одним из самых богатых людей мира. По крайней мере четвертая часть этой секты, насчитывающей 20 млн. верующих, — богатые торговцы, деловые связи которых охватывают всю Черную Африку, Азию и даже Европу. Аристократия этой 20-миллионной религиозной общины на протяжении столетий сохранила очень милый обычай — взвешивать раз в четыре-пять лет на весах живущего в ту пору имама. На вторую чашу этих весов вместо гирь верующие сыпали золото, платину и драгоценные камни до тех пор, пока не уравнивалась стрелка весов. Относительно прошлых взвешиваний у нас нет сведений. Но вот когда в 1946 году, сразу после второй мировой войны, снова взвесили дедушку и предшественника нынешнего Ага-хана, почтенный имам потянул на 95 кг, что в золоте соответствовало 2,5 млн. долл. При следующем взвешивании, в 1950 году, на другую чашу-противовес сыпали уже не золото, а бриллианты, цену которым не могут определить до сих пор.

Однако Ага-хан III оказался более мудрым и более дальновидным, чем его предтечи, человеком с широким кругозором, и поэтому не мог не почувствовать смехотворность и провокационную несовременность всей этой церемонии в развивающемся мире, ищущем новых путей. И потому, получив в очередной раз свои 95 кг драгоценных камней, он заявил, что это будет последним взвешиванием Ага-ханов. И действительно, через четыре года в Карачи (Пакистан) уже было совершено только символическое ритуальное взвешивание.

Сделать такой широкий жест Ага-хану III было совсем нетрудно. Во время последнего «действительного взвешивания» в 1950 году его личное имущество оценивалось в 600 млн. английских ф. ст., что в то время

соответствовало 2 млрд. долл. А вообще установить действительный размер богатства этого человека практически невозможно, поскольку речь идет о строго семейном имуществе, которым распоряжается наделенный абсолютной властью глава клана, Ага-хан данного периода. То что «на поверхности» не производит впечатления большого богатства: несколько крупных фабрик по переработке джута на канаты, веревки и коврики в Индии и Пакистане, несколько конных заводов с сетью конюшен по разведению очень дорогих чистокровных лошадей в Европе. (Семь таких конных заводов находятся в Ирландии, пять — во Франции, где подрастают около 300 чистокровок, из которых каждая стоит целое состояние.) Самое новое предприятие Ага-хана — курортный комплекс Коста Смеральди — размещено и уже действует на острове Сардиния. Здесь клан Ага-ханов скупил большие земельные участки на берегу моря и превратил их в дорогой и закрытый для широкого круга людей курорт.

Однако все это само по себе еще не объясняет, за счет чего уже 20 лет назад все предприятия Ага-хана приносили 1,5 млн. долл. дохода в год. По мнению специалистов, главная часть богатства Ага-ханов находится в тайных сейфах швейцарских банков в виде ценных бумаг. Они-то и образуют истинную кладовую богатств, скрытых от всеобщего обозрения, поскольку широким массам неизвестно, какие акции каких предприятий хранятся в этих сейфах.

Несмотря на то, что деловая деятельность Ага-ханов сравнительно неширока, история, тем не менее, «преподнесла на тарелочке» этому клану огромные богатства. А начинается эта история приблизительно в середине IX века, когда внутри мусульманства образовалась секта исмаилитов. Поначалу секта проповедовала, что пророк Мухаммед, сын Исмаила, вот-вот должен возвратиться на землю в качестве Махди, то есть мессии, спасителя. Главари секты возводят свой род к прямым потомкам Мухаммеда, дочь которого Фатима и ее муж Али якобы и были предками имамов. В течение веков секта много раз раскалывалась на боровшиеся друг против друга группы в зависимости от того, какой лагерь от какого члена семейства Мухаммеда вел свой род. Те из предводителей секты, которые одно время называли себя по имени дочери Мухаммеда Фатимидами, примерно в конце X века правили всем Египтом.

Их власти над Египтом положил конец турецкий

султан и завоеватель Саладин в конце XII века. В это же время представители другой ветви этого рода были владыками больших территорий в Персии и Сирии. Как свидетельствуют летописи, руководителями секты были торговцы наркотиками, впервые приучившие своих подданных курить гашиш. А для удержания в руках власти они выбрали совсем простой способ: с помощью хорошо продуманной и широко распространенной тайной террористической организации они убивали своих противников.

Власть наркоманов, поедавших или куривших гашиш, в Сирии свергли турки, а в Персии — монголы. Руководители сирийской ветви секты в XVI веке, а имамы персидской ветви в 1840 году перекочевали в Индию, и начиная с этого времени Индия (а точнее нынешние Пакистан и Бангладеш, части тогдашней «британской Индии») сделалась главным опорным пунктом секты исмаилитов. Первый из Ага-ханов, осуществивший перекочевку («исход») секты в Персию, получил этот титул еще от тогдашнего персидского шаха. Сын его Ага-хан II прожил короткую жизнь. Для современного мира общепризнанным Ага-ханом стал его внук — Ага-хан III, получивший этот титул в 11 лет, в 1888 году, и остававшийся верховным имамом на протяжении почти 70 лет, до 1957 года. Золотой дождь и град драгоценных камней, наполнивших его карманы, стали основным и, разумеется, неистощимым источником богатства на протяжении последних семи десятилетий.

А всякие бульварно-скандальные журналы всего мира прославили Ага-хана III как владельца скаковых конюшен, богатейшего набоба и поклонника красивых женщин. Впрочем, и в самом деле, старый владыка-долгожитель успевал всюду, где были скачки лошадей, вертелась рулетка и рекой текло шампанское: от Ривьеры до Флориды и Калифорнии. И, конечно же, в такие места всегда стекались и красивые девушки. Ага-хан любил женщин, и, поскольку он был человеком очень богатым, в этом смысле у него не было никаких проблем.

Первой его женой была персидская принцесса, но с ней он быстро развелся. Вторая жена — танцовщица из Монте-Карло Тереза Мальяно, которую в то время (до первой мировой войны) считали красивейшей женщиной Ривьеры. Когда она в 1926 году умерла, multimиллионер женился на Андрее Карлон, продавщице шоколада и конфет в лучшем из увеселительных мест на французском Лазурном побережье.

И наконец, в четвертый раз он женился на «королеве красоты» Франции Иветте Лябрасс, девице на 28 лет моложе его, оставшейся до смерти имама его верной подругой жизни. Когда в 1957 году Ага-хан III умер, ему возвели в Египте, в верхнем течении Нила, богатый мавзолей посреди замечательной по красоте пальмовой рощи. Для жены его, Бегумы, рядом с мавзолеем поставили мраморную виллу, дабы и она могла находиться вблизи могилы покойного царственного супруга. Экскоролева красоты с той поры раз в год навещает могилу мужа, но живет в основном в своем дворце на французской Ривьере.

Все это, разумеется, только «поверхность жизни» руководства секты исмаилитов, которую безуданно расписывали бульварные журналы. А главные действующие лица их истории (Ага-хан III и английское правительство) ничего не делали для того, чтобы как-то изменить картину. И не без причины. Ведь Ага-хан III был одним из важнейших инструментов империалистической политики для поддержания английского господства в «британской Индии». И англичане с успехом использовали его для разделения индийского народа на индуистов и мусульман.

Уже в 1906 году Ага-хан возглавлял делегацию к тогдашнему вице-королю Индии лорду Минто, состоявшую из мусульман, которые еще тогда требовали отдельного от индуистов самоуправления в рамках «британской Индии». На самом деле это «требование» подсказали Ага-хану сами же англичане, что послужило началом политики разделения, которая позднее привела к созданию Пакистана, кровавой резне между мусульманами и индуистами и в последующем целой серии войн.

После второй мировой войны Ага-хан тоже сыграл немаловажную роль в защите английских интересов, призвав религиозные общины исмаилитов, проживавших на территории Британской империи (и даже за ее пределами), оставаться верными по отношению к Англии.

Эту традицию продолжает и сын Ага-хана III — Али-хан. В пяти частях света он был известен как «король плей-боев». Первая жена Али-хана была знатная английская дама, дочь лорда Черстона, связанная узами родства с династией пивоваров Гиннесов. (От этого брака родился Карим, нынешний Ага-хан.)

Однако настоящей сенсацией была женитьба в 1949 году Али-хана на знаменитой американской кино-

актрисе Рите Хайворт, находившейся в то время в зените славы. С этого дня супружеская пара стала почти беспрерывно украшать иллюстрированные журналы Запада. (А фотографировать было что: брак, продержавшийся четыре года, был богат на бурные ссоры и примирения — от Голливуда до французской Ривьеры.) После развода Али-хан в соответствии со своей репутацией так же и умер: после одной бурной ночи он на своей машине «феррари» врезался в дерево в Булонском лесу в Париже.

В биографии как отца, так и сына можно обнаружить следы политической деятельности, скрытые от стороннего глаза. Но по прошествии времени и о них становится известно. Так, например, теперь мы знаем, что во время второй мировой войны Али-хан был одним из руководителей английской секретной службы «Интеллидженс сервис» в Иерусалиме. Главной задачей его была «работа среди арабов». После высадки союзников, американцев и англичан, на юге Франции он выполнял важные задания по связи между английской и американской разведками. (Одновременно он не забывал и о своих семейных обязанностях, «освободив» из нацистского плена чистокровных лошадей со своих конфискованных гитлеровцами конных заводов, которые по указанию Геринга были угнаны из скаковых конюшен династии Ага-ханов на юге Франции.) После второй мировой войны Али-хан некоторое время был руководителем пакистанской делегации в ООН.

Карим, Ага-хан IV, как личность не мог сравниться со своим отцом и дедом. Однако когда зачитали завещание деда, ко всеобщему удивлению старый имам именно его, а не своего сына Али-хана назначил преемником. В миру он был прежде всего продолжателем старых традиций Ага-ханов: три месяца в году он жил в своем парижском дворце (как раз в сезон скачек), а оставшиеся девять месяцев распределял между конторой по продаже недвижимого имущества на острове Сардиния и заседаниями в составе нескольких, не очень важных делегаций в штаб-квартире ООН — для укрепления своих семейно-политических связей в Пакистане, Англии и Америке.

В то же время он по-прежнему — один из богатейших людей мира. На протяжении многих веков приверженцы потомков Фатимы регулярно «взвешивали» семейное состояние и находили его достаточно «весомым».

ДАССО - айсберг

**БОГАТСТВО И ТРУДНОСТИ — В «ПУСТЫНЕ»
ДЕ ГОЛЛЯ — УМИРАТЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ — КЛЮЧИ
ПЛАНИРОВАНИЯ — «СДЕЛКА ВЕКА» — ИСЧЕЗНУВШИЙ
БУХГАЛТЕР**

«Кто вы, мсье Дассо?»

Вероятно, богатейшему и во всяком случае самому влиятельному промышленному магнату Франции, «отцу» самолетов «мистер» и «мираж» исполнилось 78 лет, когда он в 1970 году наконец решился ответить на этот вопрос. Однако те, кто с волнением ожидали выхода в свет его небольшой книжки «Талисман», были разочарованы. Автор книжки строго придерживался своих принципов, нашедших отражение в названиях его самолетов «мистёр» (тайна) и «мираж», и не пожелал приподнять занавес таинственности, которым была сокрыта вся его жизнь, и рассказать, откуда происходят его богатства, поведать о своих политических и военных связях. И тогда парижская «Экспресс» иронически высказалась о книге: «Дассо в своей книге преподносит детские рождественские сказочки. Он рекомендует хорошо учиться в школе, много работать, быть честным и упорным. И если человек найдет на лугу еще и клевер с четырьмя листками в качестве талисмана, тогда ему уже ничто не помешает сделаться богатейшим человеком Франции».

Разумеется, для этого нужно много больше, чем клевер с четырьмя листками, но нельзя отрицать, что и талант предпринимателя, и многие другие способности нужны прежде всего. Дассо прошел сложный, часто даже авантюристический жизненный путь, прежде чем достиг того, что, по словам одного из вице-председателей французского парламента, «его приемная сделалась самой

важной во всей Франции». И многое другое должно было еще произойти, прежде чем Альбен Шаландон, тогдашний министр транспорта и бывший генеральный директор Парижского коммерческого банка, принадлежавшего концерну Дассо, сказал: «Я считаю мсье Дассо богатейшим человеком Франции, а может быть, и всей Европы. Но этот человек — своего рода айсберг. То, что виднеется над водой, — это только «малая частица всего». Впрочем, и то малое, что находится «над водой», — не так уж мало».

Марсель Дассо, настоящее имя — Марсель Блок, отпрыск очень одаренного семейства, родился в Париже в одном из мелкобуржуазных кварталов. Отец его — врач, старший брат — Дарьус-Поль Блок окончил знаменитую Высшую политехническую школу, в которой обучались лучшие французские военные инженеры, позднее — генерал и член Французской академии наук. Его двоюродный брат Дарьус Мило был крупнейшим французским композитором своего времени.

Молодой Марсель очень рано выказал способности конструктора. В 13 лет он получил премию на конкурсе чертежников. В 1909, когда Блерио перелетел через Ла-Манш, Марсель предложил совершенно новый тип воздушных винтов. 17-летний молодой конструктор за свой счет заказал одному столяру за 150 франков изготовить этот винт. В это время он был еще студентом первого курса недавно открытой Высшей школы авионавтики.

Когда началась первая мировая война, командование еще только создававшейся французской военной авиации обратило внимание на воздушный винт молодого конструктора, и так будущий владыка французского самолетостроения вписал свое имя в книгу истории воздушных войн. На мебельной фабрике, где работал столяр, правительство заказало по уже имевшемуся прототипу целую партию воздушных самолетных винтов нового вида. Вскоре эта мебельная фабрика взялась поставлять $\frac{1}{4}$ всех пропеллеров, требовавшихся для французского самолетостроения. А после войны молодой изобретатель Марсель Блок на этой же фабрике нашел себе и жену: это была дочь владельца фабрики мадемуазель Мадлен Минкль.

Между тем герой нашей истории спроектировал первый французский истребитель самостоятельной конструкции времен первой мировой войны СЕА-4. Армия зака-

зала сразу же тысячу самолетов конструкции господина Блока, но в это время мировой пожар погас.

Однако Марсель Блок и после войны сохранил славу самого талантливого конструктора самолетов во Франции. В начале 30-х годов он, правда, всю свою энергию употребил на укрепление и расширение мебельной фабрики тестя, но в 1935 году все же именно Марсель сконструировал истребитель — бомбардировщик «Блок-299». Он считал, что это должен был быть «главный» боевой самолет воздушного флота Франции. Но конструкция не удалась. Много этих истребителей разбилось, и пилоты окрестили самолет «летающим гробом». Специалисты во Франции до сих пор спорят о конструкции «Блок-299», хотя сам миллиардер упорно настаивает, что вина за катастрофы лежит на фирме «Гном-Рон», которая поставляла для этих самолетов моторы.

К середине 30-х годов Марсель Блок становится уже богатейшим человеком Франции и отцом французского самолетостроения. Когда несколько лет назад у одного высокопоставленного чиновника французского министерства авиации стали допытываться, в чем секрет ранних успехов Дассо, тот отвечал так: «Дассо лучше других очень точно знал, какие машины понадобятся генеральному штабу. Знал ли он это инстинктивно или у него были свои люди в генеральном штабе, это нам никогда не станет известно. Во всяком случае к моменту объявления конкурса на каждый новый самолет у него уже было по меньшей мере полгода задела по сравнению со всеми остальными конструкторами. Он использовал самых лучших конструкторов, и не случайно, что уже в ту пору на его предприятиях всегда были наготове хорошо оплачиваемые должности для офицеров генерального штаба, ушедших в отставку». Данную цитату стоило привести уже потому, что это было одним из объяснений удивительных успехов Дассо, прошедшего через все исторические и экономические бури.

Но были на его пути и некоторые трудности. Так, например, в 1937 году французское правительство Народно-го фронта национализировало часть заводов Блока. Однако «деловой нюх» не оставил Блока и тогда в беде: на выплаченные ему в виде компенсации деньги он купил акции компании «Дженерал моторз» и до сего дня остается крупнейшим иностранным акционером этой гигантской американской фирмы.

Когда на Францию обрушилась война, а затем упала

грозная тень поражения в ней, нацисты не медлили: схватив первого авиаконструктора Франции, они отправили его в Бухенвальд. Небезынтересный факт из его жизни: в живых он остался благодаря коммунисту Марселю Полю. Поль спрятал его в больнице лагеря смерти. Гитлеровцы тщетно искали Блока, отправленного в лагерь в качестве заложника, но путаница была такая, что его так и не нашли. (Марсель Поль стал позднее в первом правительстве де Голля министром промышленного производства.)

Возвратившись из концентрационного лагеря, Марсель Блок взял себе новое имя — Дассо. Свои заводы при первом правительстве де Голля, в котором министром авиации был коммунист Марсель Тиллон, он не смог получить назад. Однако правительство признало его необыкновенный талант, назначив генеральным директором находившегося тогда в руках государства авиастроительного завода СНКАСО. Но этим Дассо не удовольствовался. Он построил один за другим четыре новых авиационных завода, которые впоследствии были объединены в одном концерне под названием «Женераль аэронаутик Марсель Дассо».

Годы «холодной войны» открыли перед Дассо огромные экономические возможности. Он понял, что для полного использования конъюнктуры нужно самому броситься в волны политической жизни. В 1951 году он становится депутатом французского Национального собрания от союза голлистов, а затем членом парламентской комиссии по делам авиации. Позднее один из заместителей председателя Национального собрания так говорил об этом: «На самом деле Дассо — никакой не политик. Он стал депутатом парламента и пустился в борьбу на политической арене только для того, чтобы легче найти контакты с важными для него с деловой точки зрения министрами». Во всяком случае остается фактом, что в 1947 году, когда генерал де Голль временно удалился от политических дел, Дассо остался по-прежнему голлистом. Все это время, которое де Голль и его сторонники называли «переходом через пустыню», он от начала и до конца поддерживал связь с генералом, удалившимся в одиночестве в провинцию, а потом много лет снова направлявшим французскую политику.

Годы «перехода через пустыню» Дассо использовал для укрепления своих деловых позиций. Применяя испытанный метод, выработанный им еще в 30-е годы, он

пригласил к себе на работу в концерн десятки талантливых офицеров из генерального штаба. Здесь был и генерал Галуа, теоретик французских атомных исследований, ставший коммерческим директором компаний Дассо, и генерал Левек, назначенный генеральным директором проектных организаций Дассо. Сама «империя Дассо» тоже расширялась. Помимо пакета акций «Дженерал моторз» владелец авиакомпания приобрел еще значительную часть акций «Ройял датч-Шелл». Находившийся в его собственности Парижский коммерческий банк, шестое по величине кредитное учреждение Франции, с каждым годом разрастался, и его связи очень быстро оплели всю экономическую жизнь Франции, от строительства особняков до газетных концернов.

Кстати, эта «газетно-журнальная» часть его предпринимательской деятельности заслуживает особого внимания, потому что дает представление о Дассо как о человеке, о его образе жизни и политических связях, которые обычно остаются незамеченными, где-то на заднем плане.

Газета Дассо «Жур де Франс» на первый взгляд — такой обычный дамский люкс-журнал. Однако на страницах его никогда не появляются цветные, чернокожие, бородатые молодые люди и строго-настрого запрещено помещать истории или фотографии с упоминанием о смерти. Это единственный журнал в мире, который не опубликовал фотографий об убийстве Кеннеди. Дассо не пьет и не курит и очень мало ест. Любимое его блюдо — французские колбаски (сосиски), но и их врачи ему запретили. Дассо иногда появляется сам в редакции журнала, чтобы проверить, о чем написано в гастрономической рубрике.

Но за ослепительно яркими красками обложки журнала могут иногда скрываться связи политического характера. Издатель журнала генерал Жилен де Бенувиль стал затем шефом службы пропаганды на предприятиях Дассо. Когда генерал де Голль пришел к власти, подготовил этот приход в основном Жак Сустель, экс-генерал-губернатор Алжира, близкий друг главного редактора «Жур де Франс». Теперь уже имеется много документов и мемуаров, которые в один голос свидетельствуют: в то время генерал Сустель устроил свою штаб-квартиру в редакции «Жур де Франс», и взятию власти де Голлем Дассо способствовал, предоставив в распоряжение Сустеля неограниченные кредиты.

Есть один эпизод, достойный страниц детективного

романа. В мае 1964 года перед дворцом Дассо два человека в масках похитили возвращавшуюся со званого ужина супругу французского авиационного короля. Разумеется, тогда алжирская авантюра уже давно кончилась. Суstelle скрылся и жил в изгнании, и реальная политика де Голля заставила ОАС уйти с политической арены. В ходе расследования полиция выяснила, что похищением мадам Дассо руководил гангстер — «оасовец» по фамилии Жан-Жак Казанова, который в «более счастливые времена» был мелким служащим в «Жур де Франс», где занимался только тем, что отвозил рукописи и гранки из редакции в типографию.

По Парижу распространились самые дикие слухи о судьбе мадам Дассо. Поговаривали, что «тайная армия» ОАС в союзе с мятежником Суstelleм требует в обмен за жизнь мадам Дассо освобождения брошенных в тюрьму де Голлем мятежных генералов.

Однако история эта разрешилась быстрее и проще. Уже через 18 часов после похищения мадам Дассо генерал Бенувиль, главный редактор «Жур де Франс», отправился в Швейцарию, где свили свое гнездышко гангстеры из ОАС. 24 часа спустя мадам Дассо была уже на свободе. Ее нашли неподалеку от Парижа, на одном заброшенном хуторе, в полном здравии и невредимой.

Во всяком случае эпизод очень красноречиво говорит о том, что влияние людей Дассо даже в кругу самых яростных противников де Голля было велико и в такой момент, когда их организация собиралась уничтожить самого де Голля.

При всей малодостоверной «красочности» этих детективных историй о Дассо, несомненны его способности — организаторские и авиационного конструктора.

Правая рука «отца» французской авиации — генерал Галуа так говорил об этом: «Убежденность Дассо, что нельзя построить самолет коллективно, остается в силе. Он считает, что самолет — это произведение искусства. А три художника совместно не могут нарисовать портрет Моны Лизы. Должен быть один командующий и целая армия, следующая за ним». В случае с Дассо нет сомнения, кто командующий. Он лично решает самые сложные вопросы конструирования прототипов и держит в своих руках контроль над их изготовлением. Его излюбленная привычка: в пятницу после полудня он появлялся в центре «прототипов», находящемся возле Парижа, и задерживал там на «уикенд» руководителей и конструкторов.

торов, чтобы еще раз проверить проекты, покритиковать или внести в них изменения.

Разумеется, возможно это только потому, что самолетостроительный завод «Авьон Марсель Дассо» небольшой в сравнении с крупными американскими самолетостроительными предприятиями. В нем занято «всего-навсего» 15 тыс. рабочих, и заботы по изготовлению деталей он на подрядных основах перепоручает другим фирмам и в первую голову — государственной компании «Аэро-спасьяль». Однако ключевые позиции в конструировании самолетов Дассо держит в своих руках, а его ведущие инженеры — «универсалы», в отличие от американских «узких специалистов», каждый из них может сконструировать весь самолет от начала до конца.

Эти методы конструирования делают возможным применение многих технических новшеств. Так, например, был создан «Мираж-3», истребитель-бомбардировщик, который составлял основу французских военно-воздушных сил и в 1967 году сыграл исключительную роль в решении исхода израильско-египетской «шестидневной войны». (Вместе с тем Дассо «по деловым соображениям» продает свои «Миражи-3» одновременно и Израилю, и арабам.)

Фирма Дассо занимает и сегодня по уровню технологии и технике изготовления военных самолетов одно из первых мест в мире. Наиболее успешна ее последняя модель «Мираж-6», истребитель-бомбардировщик, который легче, быстрее и к тому же дешевле своих предшественников. Второстепенную роль на заводах Дассо играет производство гражданских самолетов. Здесь лидирует в производстве небольшой турбореактивный самолет типа «сокол». Этими «соколами» очень любят пользоваться руководители крупных концернов для личных и деловых поездок, они завоевали на сегодня уже 30% соответствующего рынка.

При таком размахе бизнеса, конечно, неизбежны и неудачи, и такой «сбой» произошел, когда вашингтонская администрация отказалась принять машины «Мираж-5» (исправленный вариант «Мираж-3»). По первоначальному замыслу эти самолеты должна была по французской лицензии производить американская компания «Боинг». Дассо на протяжении многих лет (с 1962 по 1970 г.) сражался с лоббистами американских самолетостроительных заводов в американском конгрессе, но в конечном итоге потерпел поражение. Вашингтон решил вместо

«Миражей-5» заказать заводу компании «Боинг» модель самолета фирмы «Нортроп-авиэйшн».

Двумя годами позже несмотря на поддержку французского правительства Дассо проиграл и второе сражение, которое вошло в историю самолетостроения и торговли оружием капиталистических стран под названием «сделка века». Речь шла о том, чтобы вооружить все страны НАТО легкими истребителями.

Американцы предложили машину типа «кобра» американской самолетостроительной фирмы «Нортроп» с бортовым оружием завода Говарда Хьюза, американского миллиардера, жившего в то время в полной изоляции от внешнего мира в состоянии, близком к помешательству, но имевшего очень хорошие связи с ЦРУ.

Французы, наоборот, хотели, чтобы в войсках НАТО был принят на вооружение легкий истребитель фирмы Дассо, что означало бы, разумеется, для Дассо гигантский бизнес. В то же время в этом была и определенная политическая заинтересованность французского правительства, которое проводило линию, отличную от Вашингтона. Генерал Эстуаль, один из наиболее именитых воздушных экспертов Франции, говорил так: «Тут, собственно говоря, речь идет о том, будет ли у Европы собственное настоящее самолетостроение или мы окажемся в плену у американского рынка».

Борьба длилась долго. Много ярких эпизодов можно было бы вспомнить из истории этой «войны». Например, потрясающим скандалом закончилось дело о письме, которое один из вице-председателей Национального собрания Франции генерал Штелен направил президенту республики Жискару д'Эстэну. Вице-председатель Национального собрания настаивал, чтобы французская самолетостроительная промышленность сотрудничала с американцами: «Если НАТО выберет французский самолет, это будет означать, разумеется, гигантский бизнес для Дассо, но в то же время мы бесполезно растратим деньги французских налогоплательщиков».

Но Штелен совершил ошибку, тайно отправив письма точно такого же содержания в военные министерства четырех других стран НАТО (ФРГ, Бельгии, Голландии и Италии). Один из офицеров бельгийского генерального штаба возмутился, что генерал французской армии и вице-председатель Национального собрания выступает против «бизнеса века» своей собственной страны, и передал письмо Штелену в крупную парижскую газету.

Скандал потряс всю Францию, особенно когда выяснилось, что вице-председатель французского Национального собрания генерал Штелен прежде занимал очень доходный пост на службе у американцев: был генеральным представителем «Хьюз эйркрафт корпорейшн» во французской столице.

Генералу пришлось уйти в отставку. Простился он и с креслом вице-председателя Национального собрания. Может быть, даже, что именно Дассо таким образом расправился со своим противником. Однако «сделку века» Дассо потерял. Конечно, не из-за действий генерала Штелена, а просто потому, что фирма Дассо (независимо от того, как богат был ее владелец) не могла состязаться по своему влиянию и пробивной силе с крупными американскими авиастроительными заводами и компаниями.

Над делом Дассо после этого второго поражения нависли новые еще более грозные тучи — в связи со сверхзвуковым самолетом, известным под названием «Конкорд». После выпуска обладавшего необыкновенными техническими качествами самолета «Каравелла», спроектированного самим Дассо, фирма согласилась на доленое участие в совместной работе по созданию общего французско-английского самолета «Конкорд». Но в начале 1973 года сперва американцы, а затем поочередно и другие заказчики отказались от покупки слишком дорогих самолетов «Конкорд». Это больно ударило по самолюбию Дассо. Правда, только по самолюбию. Расходы по созданию конструкции «Конкорда» несли французское и английское правительства совместно, а доходы, получаемые от продажи боевых самолетов и других изделий его предприятий, по-прежнему приносили французскому авиационному королю, по его собственному признанию, в первой половине 70-х годов по 1 млрд. долл. ежегодно, и это позволяло ему оставаться «государством в государстве». Львиная доля прибылей переходила в личную собственность Дассо, пополняя его прежние богатства.

На закате жизни, уже в возрасте 84 лет, повелитель «империи» Дассо вынужден был еще раз пережить типичный скандал по-французски. Действующим лицом этой истории был на сей раз главный бухгалтер фирмы, который вместе с владельцем ведал финансами фирмы. Господин Анри де Вотер, занимавший столь доверенный пост, однажды после полудня (при обстоятельствах, не выясненных до сих пор) нашел собственную супругу мертвой в ванне. С перепуга и в отчаянии бухгалтер

пустился в бега в компании с одной танцовщицей, но перед отъездом заглянул в парижский банк. Поскольку Вотер имел неограниченные полномочия от владельца треста Дассо, то снял со счета банка 1,5 млн. долл. «на дорожные расходы». На руках кроме денег у него было и еще кое-что, а именно досье, которое содержало интересные документы о личных денежных аферах Марселя Дассо. Но у его спутницы тоже было что-то: близкий ее сердцу друг. И потому, как в третьесортном детективном романе, она выкрала досье у одного своего любовника, главного бухгалтера, и передала документы другому, более молодому другу.

Дассо поначалу не знал, что его документы находятся в руках шантажиста, и выступил по французскому телевидению в роли этакого «добротного дядюшки», сообщив, что он даже не собирается заявлять в полицию о краже денег: столь малая сумма денег легко восполнима, тем более что «бедный Вотер» был наверняка потрясен неожиданной смертью жены.

Однако и шантажист тоже хотел заработать на этом деле. И вот сразу в двух, кстати сказать, правых газетах — сначала во «Франс суар», а затем в «Ле поинт» — появились статьи с весьма пикантными подробностями о том, как повсюду в мире (главным образом на Ближнем Востоке и в Африке) Марсель Дассо подкупал политиков, склоняя их к приобретению его самолетов, или о том, что неподалеку от Парижа Дассо построил себе дворец — этакое чудо из мрамора под названием «малый Трианон». Стоимость этого строительства в бухгалтерии фирмы Дассо была отнесена на статью «производственные расходы». Другие документы говорили также о том, что в бухгалтерии Дассо есть специальный секретный отдел, где готовятся ложные данные о зарплате рабочих, значительно превышающие действительные. На этом основании французское государство и иностранные покупатели должны были платить за поставленные самолеты гораздо более высокие цены. И наконец, из документов явствовало, что Дассо для того, чтобы стать депутатом Национального собрания Франции, истратил в своем избирательном округе 6 млн. долл. на подкупы. Между прочим, все принадлежавшие к правому крылу бургомистры городов в этом избирательном округе получили по собственному теннисному корту или бассейну.

Общественность после этих разоблачений потребовала

прекратить злоупотребления Дассо и национализировать принадлежавшие ему предприятия. Но вплоть до 1981 года дело до этого так и не дошло: у французского правительства были на то свои причины. А именно: французская военная промышленность, не прибегая к подкупам, с трудом могла конкурировать с американской, в то же время вывоз французского оружия в страны развивающегося мира для Франции по-прежнему играл важную экономическую роль. Основой же французской торговли оружием (в особенности в Африке) являлись именно заводы Дассо. В государственных верхах хорошо знали, насколько осложнился бы французский экспорт оружия, если бы после очередного скандала о подкупе отвечать за все пришлось бы правительству. И государственные мужи воздержались от того, чтобы отбирать у Дассо права торговать французским оружием.

Когда Марсель Дассо одержал такую победу, он был уже 84-летним старцем. Неоднократно ему делали операции на глазах, потому что он уже почти ничего не видел. Он не посещал больше своих конструкторов и коммерческие решения принимал, по несколько раз знакомясь с документами «на слух» или проигрывая записи документов на магнитофонной пленке. Кроме того, после перенесенной им еще в Бухенвальде инфекционной болезни он постоянно мерз. Даже в жаркое лето он ходил в зимнем пальто с теплым шарфом. Он уже четыре года не наблюдал за испытательными полетами самолетов своих последних конструкций, не ходил на французские авиационные выставки.

Сам он сидел в последний раз в самолете только в 1945 году, когда французское правительство привезло его во Францию из бухенвальдского лагеря.

Да он и ненавидел воздушные полеты.

ШПРИНГЕР - император прессы

**ЛЕГЕНДА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ — ФЛОТ И ЕГО
ФЛАГМАНСКИЙ КОРАБЛЬ — 2 МЛРД.
ЭКЗЕМПЛЯРОВ — РЕВОЛЬВЕР КАЛИБРА 7,35 — КРАХ
БИЗНЕСА С МАГНИТОФОННЫМИ КАССЕТАМИ —
СМЕРТЬ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДНИКА**

Когда в штабе концерна Акселя Шпрингера в Западном Берлине, на Кохштрассе, 65, раздавался звонок и на другом конце провода слышалось: «Говорит «Карлуша», это вызывало в штабе необыкновенную всеобщую радость. Почему? Да потому, что «Карлуша» был одним из тех политиков, которые, затаившись в задних рядах западногерманской социал-демократии или где-нибудь в маленькой комнатухе министерства иностранных дел в городе на берегу Рейна, Бонне, выполняют за хорошие деньги рутинную работу шпиона или разведчика для шпрингеровского треста. С тех пор, как стала все сильнее ощущаться более трезвая «восточная политика», пришедшая на смену политическому курсу предыдущих лет, эти агенты стали пачками поставлять для издательства и прессы Шпрингера фотокопии протоколов секретных переговоров.

В июле 1970 года, например, Шпрингер попытался, опубликовав протоколы советско-западногерманских переговоров в Москве, торпедировать сами переговоры. В июле 1971 года снова были опубликованы протоколы и тексты выступления участников переговоров четырех держав по вопросу о Западном Берлине — именно тогда, когда переговоры носили доверительный характер. Агенты Шпрингера ухитрились заполучить даже шифротелеграммы вашингтонского посла в Западной Германии.

Нового в этих методах мало. Ведь еще в 1967 году агенты шпрингеровского треста получили задание делать, вооружившись миниатюрными фотоаппаратами, снимки,

компрометирующие сотрудников «второй программы» западногерманского телевидения. (Шпрингер как раз в то время пытался создать собственную сеть телевизионных станций.)

Это наступление агентов Шпрингера окончилось неудачей. Породить истерию не удалось, и, как говорится, шакалы продолжали выть, а караван шел своим путем дальше. Но, с другой стороны, поражение ничего не изменило и в положении концерна Шпрингера: Аксель-Цезарь Шпрингер соответственно своей новой кличке — «газетный цезарь» — продолжал оставаться в экономическом и политическом смысле по-прежнему великой силой в Западной Германии.

Разумеется, располагая таким огромным и могущественным аппаратом формирования общественного мнения, Шпрингер имел возможность писать легенду собственной карьеры, как ему вздумается. А легенда начинается с того, что Аксель Шпрингер, только что демобилизованный солдат немецкого вермахта, попадает в разбомбленный Гамбург. 1945 год. Он, сидя в подвале, при свете керосиновой лампы пишет первую передовицу для своей крохотной газетенки «Северогерманские тетради» («Норддойче хэфте»). Сочинители легенд добавили для пикантности и такой анекдот: в 1946 году комендатуру английских оккупационных войск в Северной Германии уполномочили выдать несколько разрешений на издание газет. Явился в эту комендатуру к майору, выдававшему лицензии на выпуск газеты, и Аксель Шпрингер. Британский армейский офицер привык, что всякий, кто в это время приходил что-то просить у военной комендатуры, обязательно выдавал себя за «преследовавшегося при нацистах или участника Сопротивления». Потому и Шпрингеру комендант задал привычный вопрос: «Вы хотите лицензию на газету? Ну, а кто вас преследовал?» Шпрингер из легенды якобы отвечал так: «Женщины, господин майор!» И немедленно получил лицензию.

На самом же деле эта волшебная история разыгралась гораздо менее остроумно, но более трезво и реально. У отца Шпрингера было маленькое газетно-книжное издательство в городке Алтона под Гамбургом, а его семья имела достаточно хорошие связи с местными фюрерами нацистов. (Так, например, старшая дочь обергруппенфюрера СС Лоренца стала впоследствии (третьей по счету) женой Акселя Шпрингера.) Тем не менее,

чтобы избежать упрощения, нужно сказать, что сам Шпрингер не был нацистом. Он был просто приспособленцем-оппортунистом.

Поэтому связи семьи не были, соответственно, односторонними. Так, приятелем старого Шпрингера был социал-демократ Макс Брауэр, бывший бургомистр Алтоны, который годы войны провел в эмиграции в Америке, а после возвращения стал первым послевоенным бургомистром Гамбурга. Так что скорее Брауэру, а не своему остроумному ответу обязан Шпрингер лицензией на выпуск газеты в 1946 году. Нужно принять во внимание, что в Англии в это время у власти уже были лейбористы, и таким образом вполне логично, что сын друга Макса Брауэра получил лицензию и начал выпускать газету.

Получив лицензию, Шпрингер вначале выпускал радиопрограмму под названием «Хёр цу» («Слушай»), которая снискала в то время фантастический успех. За ней последовала вечерняя бульварная газета «Гамбургер абендблат», еще чуть позднее — иллюстрированный журнал «Бильд», страницы которого в соответствии с общеизвестными рецептами заполняли фотографии красивых девушек. Журнал по крутой параболе начал поднимать вверх свои тиражи, обходя действительные проблемы поверженной в развалины, побежденной Германии. Этот журнал Шпрингер при поддержке оккупационных держав мог издавать и продавать всего за 10 пфеннигов (это была лишь $\frac{1}{4}$ стоимости всех других выходивших в то время журналов) и так очень быстро достиг 3-миллионного тиража.

Следующий шаг Шпрингер сделал после того, как с началом «холодной войны» в Западной Германии провели сепаратную денежную реформу, и в результате искусственно созданной конъюнктуры в западногерманскую экономику хлынул иностранный капитал. Вот тогда-то и родился воскресный иллюстрированный «Бильд ам зонтаг» и другой журнал — «Кристалл». И наконец, англичане пошли на то, что Аксель Шпрингер за какие-то 3,5 млн. марок смог купить ежедневную газету «Вельт». Вначале это была полуофициозная западногерманская газета английских оккупационных войск. «Вельт» по сей день является «флагманом шпрингеровского флота», и хотя из редакции этой газеты уже давно уволили всех самостоятельно мыслящих и культурных редакторов, все равно это единственная выпускаемая на высоком професси-

ональном уровне газета из принадлежавших ныне покойному «цезарю печати».

К истории газеты «Вельт» и семейства Шпрингера относится и такой эпизод: старинные патрицианские семейства ганзейского города Гамбурга несмотря на миллионы Акселя Шпрингера считали его проходимцем и «нуворишем» и, к его большому огорчению, не приняли в гамбургский гольф-клуб. Поэтому Шпрингер буквально подпрыгнул до потолка от радости, когда узнал, что «Гамбургер фремденблат», десятилетиями служивший журналом «патрициев» портового города, находится на грани продажи с молотка. Он тотчас купил этот журнал и слил его с издательством газеты «Вельт», а затем из года в год печатал это название все более мелким шрифтом под собственным названием «Вельт».

В течение всего этого времени Шпрингера еще можно считать «независимым попутчиком» западногерманской социал-демократии, и он был пока что далек от того, чтобы принадлежать к самым яростным организаторам реваншистских демонстраций и выступлений. И перемены в курсе «шпрингеровской прессы» произошли не по политическим или идеологическим соображениям, а по причинам чисто деловым.

Уже в 1954 году Шпрингер относился к числу магнатов западногерманской прессы. Однако ему еще предстояло убедиться в том, что с позиций большой политики Гамбург все-таки — периферия. И если он собирается стать истинным «цезарем», тогда ему нужно крепко встать ногами и в Западном Берлине.

Повод этому подал случай, скорее подходящий для какого-нибудь французского веселенького водевиля: главный и всемогущий акционер издательства «Ульштейн» сбежал в Южную Америку с одной белокурой бар-дамой, прихватив с собой 100 млн. марок. Не столько денежный урон, сколько сам скандал до оснований потряс издательство. И тут-то Шпрингер быстренько «нырнул» в образовавшуюся щель, скупив 83% акций «группы Ульштейн». (С тех пор контрольный пакет в его руках достиг уже 93%.) Это означало полное право собственности Шпрингера на газеты «БЦ ам митаг» и «Берлинер моргенпост». Но что еще важнее — в Гамбурге тем временем был налажен выпуск крупнейшей западногерманской бульварной газеты «Бильд-цайтунг». (Тогда-то Шпрингер и сказал про себя: «Людей, которые

зарабатывают у нас миллионы, много. А Шпрингер зарабатывает миллиарды».)

Переезд редакции Шпрингера из западногерманского ганзейского города Гамбурга в Западный Берлин означал и необходимые политические преобразования. Соответственно направлению ветра нужно было устанавливать и паруса. Особенно в вопросе объединения Германии. А здесь дул американский ветер «холодной войны». Шпрингер осуществил это с привычной для него легкостью и умением приспособляться, вступив в политический союз с Аденауэром, Штраусом и американцами. Для того, чтобы действовать наверняка, он, имея в виду провокационные цели, построил себе в самом центре Западного Берлина, у границы с ГДР, «небоскреб Шпрингера», где на 12-м этаже оборудовал богато оснащенную контору-офис, откуда и направлял деятельность своей «империи».

Империя росла быстро. Именно под знаком политического союза со Штраусом Шпрингер протянул руку-палец в Мюнхен, где скупил на корню издательство «Киндлер унд Ширмайер». Это издательство, среди прочего, выпускало литературный журнал «Браво», выходивший почти миллионным тиражом. Затем последовала серия новых приобретений: дорогостоящие журналы, адресованные различным возрастным группам, «Твен» — для 20- и 30-летних читателей, «Эльтерн» — для более взрослых читателей, «Жасмин» — для всех возрастов, кто любит, чтобы почтальон вместе с журналом бросал для него в ящик также хорошую порцию сексуального чтива.

Вскоре газеты шпрингеровской империи уже выходили общим тиражом в 2 млрд. экземпляров в год. Чистая прибыль концерна достигла 1,5 млн. марок. В руках Шпрингера находилось 88% всех воскресных газет Западной Германии, 81% журналов, 91% газет и журналов для различных групп молодежи и почти половина радио- и телевизионных программ. Вместе взятое, это составляло больше $\frac{1}{3}$ всей западногерманской прессы. Это был серьезный рычаг для поддержания состояния «холодной войны». (Во главе ее находилась газета «Бильд-цайтунг», самая подлая и возбуждающая наиболее низменные политические устремления и людские инстинкты, наиболее крупная по тиражу бульварная газетенка.) С помощью этого орудия и поддерживалась однозначно «холодная война» и искусственно воздвига-

лись препятствия разумному разрешению европейских вопросов.

Очутившись на вершине олигархии, Шпрингер, разумеется, быстро усвоил жизненный стиль, столь характерный для «новых богачей», рожденных западногерманским «экономическим чудом», — кичливый и заносчивый. Этот его стиль, особенно вначале, характеризовался легким налетом англomanии. Завтрак под присмотром Хайнца, лакея в английском стиле, затем чтение лондонской «Таймс» и иногда примерка новых костюмов. (Костюмы большей частью прибывают готовыми из Лондона. Разумеется, не продукт массового пошива, но из ателье лучшего портного с улицы Севайл Роуд, где стояла точная копия-манекен Аксея Шпрингера; так что достаточно было указать лишь точное наименование материала или прислать его образец и на примерки можно было уже не ездить.)

Нужно признать, что, поскольку даром ничто не дается, за этим княжеским стилем в жизни стояла упорная работа и исключительный организаторский талант Шпрингера. (В 6 час. 15 мин. ему подавали завтрак, в течение года Шпрингер проводил до 25—30 тыс. различных совещаний и переговоров!)

Позднее начали все чаще вылезать на поверхность и уродливые стороны его стиля жизни: тысячи роз, разбросанных с вертолета над пляжем острова миллиардеров Зильт к ногам той из западноберлинских манекенщиц, за которой он в данный момент ухаживал; многочисленные замки и имения, территория которых постепенно приближалась по размерам к княжеству Монако.

Если угодно — вот перечень этих владений: три виллы, каждая из которых могла бы по убранству сравниться с дворцом; средневековый замок в Шлезвиг-Гольштейне; «холостяцкая квартира» размером в замок-виллу на улице Бернадотта, в самом аристократическом районе Западного Берлина; романтическая вилла, меблированная в стиле Людовика XIV, на берегу озера Ванзее; дворец в Лондоне в Вест-энде (Аппербрук стрит, 48.) И наконец, в Швейцарии, в кантоне Вод — альпийский дом на высоте 1800 м, куда «проще всего» добираться на вертолете. Ну и в самом конце: на острове Зильт — имение Шпрингера Клендерхоф. В этом имении разместились несколько небольших дворцов в грубоватом крестьянском стиле. В одном из подсобных помещений такого дворца находится самый современный телефон-

ный узел Западной Германии, который делает возможным владельцу имения или его гостям мгновенно устанавливать телефонный контакт с любым уголком земного шара. Берлинские, гамбургские, гессенские, мюнхенские, лондонские и нью-йоркские филиалы шпрингеровской компании подключаются одним нажатием кнопки. Естественно, в имении имеется аэропорт для принятия вертолетов. И что еще более естественно, там есть своя площадка для игры в гольф в память о тех временах, когда патриции ганзейского города Гамбурга не захотели принять в свой клуб Акселя-Цезаря Шпрингера...

Первое потрясение постигло «империю Шпрингера» в 1968 году, когда в Западном Берлине, на Курфюрстендамм, некий маляр по фамилии Бахман, фанатичный поклонник Гитлера, тремя выстрелами из револьвера смертельно ранил вожака социалистического союза студентов Руди Дучке.

Конечно, можно спорить о взглядах тяготевшего к анархизму Дучке, но было ясно, что спор этот, конечно же, не решить с помощью пули фашистского террориста из револьвера калибра 7,35. Так же ясно, как и то, что решающую роль в подготовке соответствующего «настроения» для этого террористического акта сыграла пресса Шпрингера, которая несколько недель накануне покушения обрушивалась в мерзко пахнущих статьях на Дучке и на студентов вообще. Сутки спустя тысячи демонстрантов штурмовали здание компании Шпрингера во всех западногерманских городах, и Шпрингер счел за лучшее на специальном самолете удалиться в свое имение в Швейцарию.

Через несколько недель он вернулся, привезя с собой контрплан, состоявший из двух частей. В первой части разрабатывались вопросы «тактического отступления». Шпрингер должен был учитывать, что общественное мнение направлено против него, и в западногерманском парламенте может быть поставлен вопрос: какую опасность представляет для западногерманской политики тот факт, что Шпрингер по-прежнему монополизировал прессу. И Шпрингер решил продать издательство «Киндлер унд Ширмайер» и тем самым выпустить из своих рук объединение журналов «Браво» — «Эльтерн» — «Жасмин» — «Твен». Через некоторое время после продажи эти журналы и газеты «увяли на корню».

Однако начиная с 1969 года Шпрингер снова перешел в наступление. Именно на том самом фронте, который

был наиболее опасен ему потенциально: в области электронной информации. В борьбе за монополию прессы Западной Германии наиболее слабым и уязвимым местом Шпрингера было то, что он не мог разорвать связи телевидения с боннским государством. Иными словами, он не мог создать собственную телевизионную сеть. Возможность исправить этот недостаток появилась тогда, когда на международный рынок пришла телевизионная кассета, то есть видеокассета. Шпрингер увидел, что если ему удастся захватить в свои руки монополию производств видеокассет, то он сможет прорваться на театр действия электронной информации и не строя собственных телевизионных передающих станций.

Для достижения этой цели он начал переговоры с фирмой «Бертельсманн Кёнлехнер». Это крупнейшая в Западной Европе фирма в области книжной торговли, она поставляет ежедневно 100 тыс. книг, грамофонных пластинок и кассет миллионам западногерманских, австрийских, голландских, швейцарских и французских подписчиков. Специалисты считают, что компьютеры этой фирмы располагают не имеющим цены сокровищем в виде списка адресов своих подписчиков, и потому благодаря союзу с Бертельсманном в руки западногерманского «императора прессы» попадала такая сеть, которую можно было бы в дальнейшем использовать для распространения телевизионных кассет.

Однако в этой схватке Шпрингер не сумел достичь успеха: выяснилось, что для настоящего бизнеса с телевизионными кассетами нужно иметь могущественный «технический тыл». А здесь поле битвы принадлежало электронным трестам Японии и Америки.

После поражения и в этой попытке Шпрингер произвел новую перестройку треста. В середине 70-х годов обстановка была уже такова, что Шпрингер смог прикупить к издательству «Ульштейн» еще два книжных издательства, несколько типографий, два информационных агентства, которые заполняли печать ФРГ статьями, написанными «в духе Шпрингера». Параллельно с этим он упрочил положение своих главных газет и журналов. Тираж «Бильд-цайтунг» приблизился к миллиону, и она сделалась повседневной «отравленной пищей» среднего западного немца. Газеты Шпрингера, в том числе и «Берлинер моргенпост», почти совершенно монополизировали печать Западного Берлина, и даже в годы разрядки международной обстановки Шпрингер через свои газе-

ты сделал все, чтобы не дать зажить ранам, нанесенным предыдущими «берлинскими кризисами».

Кроме того, колоссальные суммы приносили Шпрингеру журналы с телевизионными и радиопрограммами («Хёр цу», «Функ ур»), которые вскоре превратились в еженедельники Западной Германии с наибольшими тиражами. Даже политический флагман шпрингеровского концерна газета «Вельт» имела меньший тираж — 250 тыс. Это — так называемая «качественная газета», и, как таковая, является рупором Штрауса и других правых в западногерманской прессе.

В начале 80-х годов доля шпрингеровского концерна в печати Западной Германии несколько уменьшилась по сравнению с годами «холодной войны». Так, например, в его руках теперь находилось только 25% всех выходящих газет, по воскресеньям — 60%. В концерне было занято 12 тыс сотрудников, а его годовой оборот приближался к 2 млрд. долл.

Много лет назад, еще в 1961 году, когда Шпрингер посетил Америку, он хотел встретиться с президентом Джоном Кеннеди. Кеннеди тогда проводил разумный политический курс и, по-видимому, не без умысла довольно обидно отреагировал на просьбу Шпрингера о встрече. «Кто это такой, мистер Шпрингер?» — спросил он своего секретаря. И позаботился о том, чтобы это замечание «просочилось» в американскую прессу. По краснев до корней волос, Шпрингер удалился из Белого дома. А на риторический вопрос «кто он такой?» даже буржуазно-либеральный швейцарский еженедельник «Цюрхер вохе» объяснил четко: «Шпрингер торгует «холодной войной». Но если бы это зависело от него, он, вероятно, принялся бы торговать и войной горячеей. Сказав, что этот человек просто опасен, мы, вероятно, не ошиблись бы».

В начале 1980 года его личная трагедия подтвердила, что, кажется, даже те, кто кровно связан со Шпрингером, иногда понимают всю опасность «холодной войны» и торговли ею. Старший из сыновей Шпрингера — Аксель Шпрингер-младший на протяжении девяти лет не разговаривал с отцом, отвергая политику его газет и роль будущего руководителя концерна.

Нажим на Шпрингера-младшего довели до максимума. Стареющий «газетный император» за свою жизнь женился четырежды. Аксель-младший был сыном от второго брака. В 1980 году ему было 38 лет. Кроме него у

отца от первого брака была дочь, ничего не желавшая понимать в коммерческой деятельности. 17-летний Раймонд Александр Шпрингер, сын «императора» от четвертого брака, в это время еще ходил в школу. Начиная с 1978 года, стремясь заставить Акселя вернуться в трест, Шпрингер-отец испробовал все средства нажима на сына, от угрозы лишить финансовой поддержки до самых крайних. В конце концов наследник сломался и, хотя с большими колебаниями, все же согласился стать заместителем главного редактора воскресного выпуска газеты «Вельт».

Но проработал он всего две недели. В январе 1980 года ранним холодным утром в одной из аллей Гамбурга его нашли сидящим на скамейке мертвым. Рядом на скамейке валялся револьвер. Заключение полицейского врача: выстрел в висок, самоубийство. Следствие по просьбе отца не проводилось. На похоронах присутствовали только самые близкие.

Так на свой манер Аксель Шпрингер-младший вынес приговор крупнейшей «газетной империи» Западной Германии.

ГЕТТИ - ОДИНОКИЙ ВОЛК

**НЕФТЬ «ТАЙДУОТЕР» — САТТОН ПЛЕЙС — ЖИТЬ
НАДО УМЕТЬ — ДЕТИ И ВНУКИ — СМЕРТЬ НАКАНУНЕ
ПЕРЕЕЗДА**

Ведущие финансовые газеты и журналы мира, и прежде всего американский журнал «Форчун», время от времени публикуют статистическую информацию о самых богатых людях мира. Несколько лет назад в этой информации на первом месте появилось имя не Форда, Рокфеллера или кого-то из членов семьи Ротшильдов, а сравнительно малоизвестного нефтяного магната Жана Поля Гетти.

Сам он в интервью корреспонденту журнала «Форчун» заявил: «Если человек может сосчитать свои деньги, значит, он не миллиардер». Согласно данным статистики, которые, впрочем, противоречивы, Гетти обладал богатством приблизительно в 3—3,5 млрд. долл. Точно сумму установить трудно уже потому, что, как во всех случаях, когда речь идет о «современном богатстве», деньги эти находятся в акциях, а ценность их колеблется. Первое место в статистике «Форчун», разумеется, не означало, что Гетти являлся самым могущественным бизнесменом в мире. Так же как и другой «самый богатый американец» — Говард Хьюз, Гетти поднялся вверх в число крупнейших семейств миллиардеров благодаря единоличной власти над богатством, абсолютной личной власти над промышленными и финансовыми предприятиями.

Жан Поль Гетти, отпрыск ирландской семьи, родился в американском городе Миннеаполисе. Отец его был адвокатом, но в начале века включился в американский

большой нефтяной бизнес. В 90-х годах он был уже миллионером, и Гетти-младший обучался в лучших американских и зарубежных колледжах. Перед первой мировой войной он окончил Оксфорд. Оставаясь верен семейным традициям, он, однако, больше внимания уделял не науке, а финансам. Вскоре выявился и его необыкновенный талант в этой области. Почти полвека назад, подобно своему отцу, он с головой бросился в «нефтяной бум» и был одним из тех, кто первым принялся за разработку нефтяных месторождений Оклахомы. Уже тогда было ясно, что в финансовом мире он будет эдаким «одиноким волком». На стареньком «форде» он объезжал месторождения нефти и делал буквально все сам, начиная с геологических бурений и взрывов до заявок по закреплению за собой прав на нефтеносные участки.

Ему было всего 23 года, когда он за два неполных года без всякой помощи со стороны отца заработал свой первый миллион. Характер «одинокого волка» сложился у него еще и потому, что в этот период Гетти-старший не хотел давать сыну займы, которые облегчили или по крайней мере ускорили бы сколачивание им следующих за первым миллионов. Более того, старик Гетти даже на смертном одре, изменив свое завещание, оставил все богатство жене.

Биографы миллиардера упоминают, что Жан Поль Гетти-младший в это время обратился с просьбой о займе к матери, но и старая дама тоже отказалась дать сыну хотя бы цент. В отместку за это Гетти целых 30 лет не разговаривал с матерью, и когда один из журналистов спросил его, как он смог поступить так бессердечно, богатей, к тому времени уже 83-летний старик, отвечал: «Это она, моя мать, виновата в том, что я не стал миллиардером десятью годами раньше».

Путь приобретения собственного большого богатства начался для Гетти в период великого экономического кризиса 1929 года. В отличие от остальных финансистов и спекулянтов, которые в это время спешили избавиться от акций, Гетти увидел для себя наиболее благоприятный случай разбогатеть и за сравнительно небольшие деньги, по невысоким ценам стал скупать акции. Решающий шаг он сделал, вероятно, тогда, когда приобрел контрольный пакет акций «Тайдуотер компани», крупной нефтяной компании, которая располагала богатыми нефтяными залежами, множеством нефтеперегонных заводов и охватывающей всю Америку сетью бензиновых колонок,

общая стоимость которых по тем временам оценивалась в 192 млн. долл. (теперь все это стоит приблизительно в шесть раз больше).

В борьбе за контроль над фирмой «Тайдуотер» Гетти пришлось выдержать столкновение с противником не меньшим, чем династия Рокфеллеров, а точнее, со «Стандард ойл». Можно объяснить только необыкновенной ловкостью, тактическим чувством и не в последнюю очередь выдержкой и упорством, что приблизительно через пять лет борьбы он приобрел у одного из членов семьи Рокфеллеров контрольный пакет акций «Тайдуотер». А после этого ему пришлось более 16 лет (с 1935 по 1950) сражаться за приобретение остальных акций этой фирмы.

Но для приобретения богатства необходимо, конечно, быть еще и удачливым: в данном случае первый пакет акций тогда еще малоизвестного завода запасных частей для самолетов давал Гетти одновременно право контролировать концерн «Спартан», поскольку этот завод был дочерним предприятием «Тайдуотер». Но когда Соединенные Штаты вступили во вторую мировую войну, завод «Спартан», прежде не имевший такой уж большой ценности, после некоторой реконструкции стал крупнейшим поставщиком ВВС США.

Со второй мировой войной началось и расширение «приватной империи» Гетти уже за пределы Соединенных Штатов. Увидев большие возможности нефтяного бизнеса на Ближнем Востоке, Гетти всего за 12,5 млн. долл. приобрел в 1949 году концессию на ту самую половину нейтральной зоны, что лежит между Кувейтом и Саудовской Аравией. Ныне эта территория производит 2% всей нефти капиталистических стран, что, разумеется, приносит сказочные прибыли для Гетти. Кстати, с нефтяным бизнесом связан и один-единственный крупный просчет в экономическо-предпринимательской деятельности Гетти. Еще в 1934 году тогдашнее правительство Ирака предложило ему, как говорится, «за понюшку табаку» приобрести концессию на нефтеразработки. Однако он это предложение отклонил, считая, что риск слишком велик. В интервью, которое Гетти недавно дал редакции «Форчун», он признал: «Сейчас я был бы на одну треть богаче, если бы тогда не проявил трусости».

Следующий этап его стяжательской карьеры связан с Суэцким каналом, то есть с предпринятой совместно англо-франко-израильской интервенцией против Египта.

Заинтересованные в нефтяных богатствах Ближнего Востока более мелкие американские нефтяные концерны настаивали, чтобы США в своей внешней политике поддерживали интервенцию. Памятно, однако, что фирма «Стандард ойл» (в первую очередь из-за своей заинтересованности в нефтяных богатствах Саудовской Аравии) была другого мнения. В соответствии с этим направлявший тогда американскую внешнюю политику Джон Фостер Даллес, поддерживавший самые тесные связи с домом Рокфеллеров, принял решение не присоединяться к интервенции в надежде позднее усилить американское влияние в этом районе. В дни этого крупного кризиса Гетти спрятался за «Стандард ойл» и не присоединился к лоббистам, которые ратовали за интервенцию. Впоследствии такое поведение принесло ему большие прибыли: Ливия и даже Алжир широко открыли двери перед концерном «Тайдуотер», принадлежавшим Гетти. (Здесь надо заметить, что Гетти редко обнаруживал подобную политическую прозорливость. Как большинство американских бизнесменов, он яростно ненавидел Рузвельта и поклонялся — в этом у него среди американских бизнесменов было уже меньше единомышленников — Гитлеру и Муссолини. Биографы утверждают, что в своем дневнике в 1936 г. Гетти назвал Гитлера «великой личностью германцев», а о Муссолини летом 1939 г. записал: «Величайший сын Италии со времен императора Августа».)

Но факт остается фактом, что на практике Гетти — в отличие от других американских нефтяных миллиардеров, например Ханта, — в международной и во внутренней американской политике большим влиянием не пользовался. Уже после достижения 70-летнего возраста Гетти тратил всю свою энергию на накопление богатства. Он создал собственный нефтеналивной флот и, вложив в предприятие приблизительно 200 млн. долл., построил в американском штате Делавэр самый автоматизированный нефтеперегонный завод мира. В последние годы он распространил свою предпринимательскую деятельность и на Западную Европу: построил в Италии крупный нефтеперегонный завод, который явился базой для организации производства нефтепродуктов марки «Веедол», пользующихся большим спросом в Западной Европе.

Так создавалась «империя Гетти», на вершине расцвета которой в 1960 году Гетти из Калифорнии переселился в Англию, в замок Саттон плейс в графстве Серрей. Собственно говоря, со времени этого переезда в

Европу внимание общественности и обратилось к Гетти, к этому скрытному и подозрительному бизнесмену, тогда-то и начали его атаковать иллюстрированные журналы и газеты. Ведь прежде Гетти попросту отказывался разговаривать с журналистами, а однажды даже заплатил информационному агентству Ассошиэйтед Пресс 10 тыс. долл. за то, чтобы были уничтожены фотографии с изображением Гетти в обществе короля Сауда и кувейтских шейхов, за блюдом фиников ведущих переговоры о нефтяном бизнесе.

Возможности играть в таинственность для Гетти теперь больше не было, потому что купленное поместье в Англии само по себе было у всех на виду. Саттон плейс когда-то было имением герцогов Сандерлендов. К имению относился также 500-летний замок, а в нем, кроме прочего, 34 спальни и 14 ванных комнат. Когда Гетти спросили, зачем он купил это поместье, он отвечал, что за время своих частых поездок в Европу он истратил слишком много денег на гостиницы. Ответ этот уже потому был подозрителен, что Гетти заплатил герцогу за имение 1 млн. долл., да в 500 тыс. обошлось приведение замка в порядок. Гораздо более убедительно звучит опубликованное недавно объяснение американского министерства финансов: Гетти не только задаром заполучил сказочный дворец, но еще и нажился на нем. Переезд Гетти на постоянное жительство из Америки в Великобританию с точки зрения налогов поставил его в гораздо более выгодное положение. Словом, на этом переезде миллиардер сэкономил куда больше денег, чем ему обошелся английский средневековый замок.

Вскоре после покупки замка частная жизнь Гетти оказалась снова в центре внимания общественности — после одного небольшого скандала. По случаю «новоселья» Гетти устроил большое празднество для знатных гостей. Во время торжества стол украшал бесценный золотой сервиз, который когда-то принадлежал английским королям. Один репортер крупной английской газеты решил сделать фотографию застолья, но какая-то молодая графиня ударила его по голове туплей с модным в то время каблучком-шпилькой, и репортер вместе со своей тоже потрясающе дорогой новенькой фотокамерой упал в плавательный бассейн, обошедшийся Гетти в 80 тыс. долл. К утру празднество окончилось, а иллюстрированный журнал подал на Гетти в суд. Судебное заседание было так широко освещено в прессе, что сохранять

что-либо в тайне уже больше не имело смысла. (На пороге зала суда один журналист задал Гетти весьма неприятный вопрос: как это он может позволить себе истратить на один обед по случаю новоселья 30 тыс. долл.? Миллиардер ответил так: «Это не жизнь не по средствам, нет. Вечер действительно обошелся мне в 30 тыс. долл., но, во-первых, он длился восемь часов. А за восемь часов мои заводы приносят прибыль в 67 тыс. долл.».)

После этого случая иллюстрированные журналы в разделах о жизни и стиле богачей и в рубрике «светские сплетни» стали часто помещать сообщения и всякого рода слухи об образе жизни Гетти и его семьи. Хотя эти слухи и были порождены погоней за сенсацией, они все же рисовали в целом такую картину, которую нельзя назвать неинтересной с социальной и человеческой точек зрения.

Теперь о Гетти стали поговаривать, что он страшно боится старости и болезней и потому ест только вареную морковь, инжир и финики, хотя подают ему все это на золотых блюдах. Полный сытный обед и ужин он вкушает не чаще двух раз в месяц, да и то перед каждым таким обедом он делает упражнения по системе йогов. Каждый взятый в рот кусок пищи он по совету врачей прожевывает 33 раза, а один раз в неделю постится. Когда Гетти отправляется гулять по парку, надетый ему на ногу шагомер подсчитывает количество пройденных им за время одной прогулки километров.

К этому описанию «полной радостей» жизни можно еще добавить, что Гетти необыкновенно скуп. Те, кому посчастливилось быть гостями в «замке на курьих ножках» под названием Саттон плейс, рассказывали, что во всем дворце всего только два телефонных аппарата. Одна из этих двух линий предназначена для самого Гетти, другая линия — для гостей, но желающие ею воспользоваться должны бросить в аппарат монетку.

Не исключено, что эти особенности его характера сыграли значительную роль в неудачах, которые он потерпел в личной жизни. Одни из его биографов утверждают, что он был женат пять раз, другие — семь. Разводы его были тихими, не были окружены никакими скандальными подробностями, потому что все бывшие жены миллиардера получали принятое в этих случаях «выходное пособие». Но если о числе его браков никто не знает ничего точно, то число его детей известно: от

всех браков у него имелось пять сыновей и дочерей. Впрочем, и они не принесли миллиардеру большой радости. Гетти точно так же омрачил свои отношения с детьми, как в свое время с отцом и матерью. Причина та же — деньги.

В 1970 году третий сын миллиардера — Гордон Питер Гетти подал на отца в суд, требуя выплаты ему 44 млн. долл. из того самого семейного фонда, который был основан его властолюбивой бабушкой. Фонд был создан в 1934 году в размере приблизительно 10 млн. долл. Он состоял исключительно из нефтяных акций, и теперь его ценность измерялась приблизительно в 100 млн. ф. ст. Гетти-младший требовал от отца-мультимиллиардера, чтобы тот выделил ему часть прибылей от этих нефтяных акций. Но Гетти был так же тверд по отношению к своему сыну, как в свое время его собственная мать по отношению к нему самому, и платить не хотел. Английский суд признал его правоту, но начиная с этого дня сын так же не разговаривал с отцом, как в свое время сам Гетти со своей матерью.

Годом позже второй сын — Поль Гетти-младший запутался в истории совсем иного характера. В 1964 году он познакомился с молодой дамой по имени Талита, манекенщицей в изысканных салонах Парижа и Рима, которая милостью одного режиссера время от времени получала небольшие роли в кино. Через два года после знакомства Гетти-младший женился на ней, но Гетти-старший весьма недоброжелательно отнесся к этому браку. Впрочем, финансовой поддержки он их не лишил, и молодая пара смогла занять два этажа в одном римском дворце эпохи Ренессанса с висячими садами на балконах.

Однако жизнь их в Риме становилась все более запутанной. Окружение слегка удивилось, когда в 1969 году молодая супруга Гетти, родив мальчика, окрестила его Граммофоном Галактики. Богатейший человек мира принял это известие неодобрительно. Затем последовали и другие сообщения, согласно которым Талита принимала участие во всемирном празднестве римских хиппи у подножия Испанской лестницы, где она появлялась со своим сыном, внуком миллиардера, привязанным платком у нее за спиной. В конце концов владелец замка Саттон плейс пригрозил сыну и невестке лишить их финансовой поддержки, когда узнал, что его наследник участвовал в ультралево́й демонстрации, шествуя в ее рядах по

сказочно красивой площади Навона с красным знаменем и маоистским лозунгом в руках.

После описанных эпизодов в июле 1971 года в римский дом, где проживали молодые Гетти, пригласили домашнего врача (у миллиардеров буквально в каждой западной столице был домашний врач). В одной из комнат лежала мертвая Талита Гетти. Римская полиция провела следствие по делу, поскольку предположила, что молодая женщина, возможно, отравилась большой дозой наркотика. Однако несколько дней спустя в действие вступили адвокаты семейства Гетти, и следствие было потихоньку прекращено.

После этого случая нефтяной миллиардер еще два раза оказывался в свете рефлекторов международных скандальных хроник. Оба случая обогатили характеристику миллиардера новыми деталями. Один случай связан с 16-летним внуком Гетти-старшего, которого по обыкновению в кругах финансовой аристократии нарекли Полем Гетти III, как в свое время именовали престолонаследников королей и императоров. Этот молодой человек жил в свое удовольствие в Риме и имел в достатке денег и много друзей. В дружеских кругах он был известен под кличкой «золотой хиппи». В июле 1973 года молодой бездельник исчез, а несколько дней спустя мать получила от него письмо. Отрок сообщал, что его похитили и держат в неволе на одной яхте, которая курсирует у берегов острова Сардиния. Похитители требуют выкупа ровно в 10 млн. долл., и потому он просит мать срочно выплатить требуемую скромную сумму. Когда перепуганная мать обратилась к престарелому миллиардеру, тот отвечал: «Не дам ни гроша. У меня 14 внуков, и если я заплачу сейчас, вскоре, по-видимому, украдут и остальных 13».

Как выяснилось позднее, хитрый нефтяной миллиардер подозревал, что дражайшие родители Поля III сами затеяли эту «историю с похищением», чтобы выжать из него некоторое количество денег наличными. И владелец Саттон плейс отказался выплатить требуемый за внука выкуп даже тогда, когда похитители через несколько недель ожидания прислали деду посылку с отрезанным ухом его внука и письмо, в котором грозили убить внука, а разрубленное на части тело прислать ему.

Надо сказать, что в это время дедушка был занят строительством «музея Гетти» на калифорнийском побережье Тихого океана. Дом-музей должен был обойтись

в 10 млн. долл. и представлять собой точную копию огромной виллы эпохи Древнего Рима, руины которой археологи недавно вырыли из-под земли. Сказочно красивый мозаичный пол для виллы-музея в Калифорнии был доставлен из раскопок другой древней виллы в Северной Африке, а колонный зал в 100 м длиной предстояло украсить лучшими экземплярами коллекции Гетти — древностями Греции и Рима, картинами эпохи барокко, мебелью, гобеленами Франции XVII века и восточными коврами. Когда корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» впервые посетил виллу Гетти, он признал, что богаче этого собрания произведений искусства только музей «Метрополитен» и музей города Бостона.

Вскоре после этого еще один корреспондент посетил Поля Гетти. Он жил в одиночестве (не считая нескольких телохранителей) в замке Саттон-плейс, с его 34 спальнями и 14 ванными комнатами. Когда корреспондент спросил хозяина замка: «Чего еще пожелал бы от жизни самый богатый человек в мире?», Гетти ответил так: «Я и дальше хотел бы заниматься бизнесом».

И он занимался им. Больной и мрачный, питаюсь вареной морковкой с золотой тарелки, он продолжал увеличивать свои богатства. Гетти управлял капиталом в миллиарды долларов и пробирался через джунгли становившегося все более непростым международного нефтяного бизнеса. Как утверждал один его французский биограф, Гетти улыбался только один раз в год, а именно тогда, когда в Саттон-плейс на рождественскую елку приглашали 100 осиротевших детей из окрестностей. Тогда старый богач надевал колпак придворного шута и жадными глазами глядел на ребятишек, поглощающих его праздничный торт, который самому ему было не положено есть.

Позднее Гетти уже с трудом стал переносить сырой английский климат. Он распорядился упаковать украшавшие стены замка картины (Тинторетто, Тициан, Рубенс, Ренуар, Дега, Монэ) и отправить их в солнечный край, в имение-музей, которое выстроил на калифорнийском берегу. Картины благополучно прибыли на место. Но сам Гетти летом 1976 года в дождливый июньский день в возрасте 83 лет скончался еще в стенах Саттон-плейс. После него остались заводы, три ссорящихся между собой сына и 16 ненавидящих деда внуков, из которых один был одноухим.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ПЕХЛЕВИ - бизнес погонщика ОСЛОВ

**РЕЗА ШАВАД КОУХ: ПЕРСИДСКИЙ КАЗАК —
ЗАРОЖДЕНИЕ БОГАТСТВА — ЗЕМЛЯ И НЕФТЬ —
ТРЮК С УЧРЕЖДЕНИЕМ ФОНДА — ПРИБЫЛИ
И БЕГСТВО**

Когда через год после свержения иранского шаха новое иранское правительство назвало его «крупнейшим в истории грабителем», против этого не смогли возразить даже те американские и швейцарские банки, которые были уполномочены управлять капиталами семейства Пехлеви, вывезенными за границу.

А вообще-то и возражать не было необходимости. Иранское правительство не предъявило почти никаких письменных доказательств своих утверждений. И так все знали, что такие письменные документы могут подтвердить только жалкие крохи из всего награбленного шахом, например, покупку по указанию шаха за счет иранской казны 17 кг чистого золота. Позднее из этого золота начеканили медали, и шах раздарил их своим приближенным и друзьям. Согласно другому акту, 1 млн. долл. был истрачен на строительство баскетбольной площадки во дворце наследника престола. Стены спортивного зала были фурнированы фанерой из ливанского кедра. Были среди документов и долговые расписки «Чейз Манхэттен бэнк» о том, что по указанию шаха с его личного счета из Тегерана по частям были перечислены в американский банк 2 млн. долл.

Но все это были маленькие суммы. Спасаясь от революции, шах поспешно покинул Иран, но следом за ним на трех самолетах были отправлены документы, которые действительно могли многое рассказать об источниках, происхождении и росте его личного богатства.

Вполне вероятно, что об истинных размерах имущества шахской династии Пехлеви мир никогда не узнает. Можно только отметить две характерные черты роста этого богатства. Во-первых, в шахском Иране не было грани между имуществом государства, то есть казной, и личным имуществом шаха. И во-вторых, в Иране государственной тайной считалось все, что было связано с состоянием имущества династии Пехлеви, а потому едва ли возможно подвести точное сальдо.

Когда историки хотят привести примеры переплетения личного и государственного в шахском Иране, они обычно ссылаются на две группы событий. Одна связана с коронацией шаха и шахини (после прогремевших над головой династии бурь положение шаха, казалось, вновь укрепилось). Другой пример — празднество, устроенное по случаю 2500-летия со дня основания Персидского государства на развалинах древней столицы Ирана Персеполя.

На коронации шах был облачен в доставшуюся ему в наследство от отца королевскую мантию, усыпанную жемчугами, золотыми и серебряными украшениями. (На мантию было нашито 2 кг натуральных жемчужин!) У шеи она была перехвачена застежкой, которая была изготовлена для одного из шахов в XVIII веке и которую украшал бриллиант в 781 карат. На пряжке золотого пояса, охватывавшего генеральский мундир шаха, сиял смарагд в 175 каратов в обрамлении из 60 бриллиантов. Читатели западных иллюстрированных журналов были буквально ошарашены стоимостью и описаниями коронных украшений: 3380 бриллиантов, 5 смарагдов и 2 сапфира. В короне шахини сверкали 970 бриллиантов, 495 алмазов, 105 натуральных жемчужин, 36 рубинов и 36 смарагдов. Знаменитый «Павлиний трон», который средневековые правители Ирана вывезли из Индии, тоже был извлечен из бронированных хранилищ государственного банка. Вообще-то он оказался не так уж велик — всего 2 м высотой и 96 см шириной. Но золотые пластины, из которых он был изготовлен, украшали 26773 бриллианта, рубина и смарагда. (К моменту коронации украшения короны оценивались в 40 млн. долл., но это только «теоретическая» оценка. Общая стоимость этих сокровищ во много раз больше, не говоря уж об их исторической и художественной ценности.)

Взглянем теперь на другую вспышку роскоши. 15 октября 1971 г. в Персеполе на развалинах столицы бывшей

Персидской империи, подчеркивавших ее величие, посреди ныне пустынной местности было разбито 60 фантастических по богатству и довольно безвкусных шатров для приглашенных гостей и самого императора. Шатры, натянутые на колья из благородных сортов дерева, были изготовлены из непромокаемого материала. Обитые изнутри красным бархатом, шелком и искусственной кожей, шатры были обставлены дорогой мебелью и мраморными столами и освещены золотыми и бронзовыми светильниками. Кушанья и напитки на торжественный банкет были самолетами доставлены прямо из Парижа, из ресторана «Максим». Повара, буфетчики и официанты — тоже из Парижа. Для того чтобы торжественный обед протекал без помех, иранская авиационная компания установила «воздушный мост» между Парижем и Персеполем. (Оно и понятно: как иначе перебросить без потерь и срочно 25 тыс. бутылок дорогих марочных вин «Шато Лафит Ротшильд» по цене 100 долл. за бутылку!)

Празднество по ценам того времени обошлось в 100 млн. долл. Вскоре один американский журналист получил у шаха интервью. «Не преувеличивает ли молва расходы и пышность юбилейных празднеств в Персеполе?» — несмело поинтересовался он.

Шах тогда (в первый и последний раз) сформулировал свой взгляд на личную собственность государя и на ее переплетение с собственностью государственной. Он так выразил свою мысль: «Вы у себя на Западе не понимаете моей философии власти. Персы считают своего государя отцом. Все, что принадлежит им, принадлежит и их отцу. Все, что израсходует отец, считается, что израсходовали они. И я не сделал ничего другого, как только отпраздновал семейный день рождения. А глава семьи — это тоже я». Вот и все, что касается переплетения личной и государственной собственности в Иране.

Что же касается государственной тайны, то французский историк Жерар де Вийер, поддерживавший хорошие отношения с шахским двором, так характеризовал обстановку: «Абсолютное требование держать все в тайне не позволяет получить даже приблизительные данные относительно шахского имущества. Все, что связано с имуществом государя и остальных членов клана Пехлеви, хранится в глубочайшей тайне, то есть является совершенно секретным. Своими финансовыми делами государь руководит единолично или через единственное доверенное лицо — заместителя министра двора. Часть шахского

имущества составляют огромные земельные владения, которые не были поделены между крестьянами во время земельной реформы. Судя по всему, шахским имуществом в целом управляет швейцарский банк «Юнион де бэнк Сюзиз». Доходы шаха складываются из самых различных источников — от вкладов за рубежом до нефтяных танкеров и дворцов. Иногда наружу просачиваются и более подробные сведения, а точнее говоря, сплетни о размерах богатств шаха. На основании этих слухов можно лишь сказать, что речь идет о многих миллиардах долларов, находящихся в личном владении шаха, даже если оставить без внимания семейные предприятия, замаскированные под государственные фирмы.

Боясь нарушить тайну, люди в Тегеране только шепотом делились сведениями о богатствах шаха друг с другом. Говорили, например, что гостиница «Хилтон» в Тегеране является, собственно говоря, собственностью шаха и что одна из сестер шаха за 5 млн. долл. построила себе дворец из розового мрамора. Другая его сестра, принцесса Ашраф, имеет даже три дворца в Иране, виллу на французской Ривьере, две роскошные квартиры в Париже и одну в Нью-Йорке. Кроме того, она — главный акционер иранской лотереи и каждую неделю загребает себе миллионы из прибылей этого предприятия.

Де Вийер на основе таких отрывочных сведений и слухов однажды заявил: «Жизненный стиль семейства Пехлеви поверг бы в финансовую катастрофу и разорил бы самого Рокфеллера...»

Все это, однако, мы, пользуясь американским выражением, назвали бы только «мелкими орешками». Драгоценности короны — большей частью наследие от дальних предков иранских шахов, и хотя они принадлежат «главе шахского семейства», в час бегства шаха они так и остались лежать в стальных сейфах государственного банка. Внешние признаки роскоши — это только косвенная, пусть и говорящая о многом, информация о размерах имущества Пехлеви. Но зато история возникновения этого богатства и техника управления им общеизвестны. И это на данный момент единственный способ, с помощью которого, пусть не в цифрах, можно определить размеры «великого грабежа».

Историю стяжательства этого богатства можно начать с истории одной лжи (или, вернее, с разоблачения этой лжи). Сам шах и его окружение с помощью западных крупных газет, рыдающих над их судьбой, изобразили

крушение монархии в Иране таким образом, будто была свергнута старинная королевская династия.

На самом деле ничего подобного не было. Отец шаха был простым, не знавшим грамоты погонщиком ослов. В конце прошлого века он приплелся в Тегеран из бедного селения и бродил по нищим окраинам города в поисках хоть какой-то работы и куска хлеба.

Сейчас точно не установить, когда именно погонщик ослов пришел в Тегеран, как никто не может сказать, когда он родился. В своих поздних биографиях шах поведал иранскому народу и всему свету легенду о том, что его семья происходит от древнего персидского рода, который всегда поставлял важных чиновников для двора. Но эту легенду никто не принимает всерьез. Известно только, что старого погонщика ослов звали Реза, и родом он был из маленькой деревушки Шавад Коух. Было ему всего 40 дней, когда умер отец. (В легенде не говорится, от чего.) Осиротевшая семья во главе с матерью отправилась пешком в надежде найти работу в Тегеране. Сын, которого она отдала в погонщики ослов, был известен под именем Реза Шавад Коух, что в переводе означало, собственно, Реза из деревни Шавад Коух.

Реза выбился из окружавшей его нищеты благодаря одному личному качеству: он был необычайно высок и необычайно силен. В 14 лет рост его достигал 190 см. Можно смело сказать: если бы он не вырос таким длинным, династии Пехлеви не было бы, потому что в 14 лет его уже приняли не столько в славную, сколько в пресловутую бригаду персидских казаков. Вербовавший в казаки офицер взял его в персидское войско исключительно за высокий рост и необыкновенную физическую силу. А для погонщика ослов попасть в число персидских казаков означало большую и блестящую карьеру. Так оно и оказалось на деле: во главе казачьих отрядов он затем проскачет весь путь до самого шахского трона.

Последние годы прошлого столетия. В Персии в то время правили шахи из династии Каджаров. Это были слабые, безвольные и лишенные власти правители, являвшиеся игрушкой в руках политиков великих держав. Иран, соответственно, делился на две «зоны влияния». Со стороны Индии и с юга распространяли свою власть англичане, а в северной части укрепляли собственное влияние русские цари, стремясь создать буфер на пути британского империализма. В результате этих маневров и явилась на свет бригада персидских казаков под коман-

дой царских русских офицеров. Бригада стояла в окрестностях Тегерана и считалась элитным войском в этой нищей стране, и уж, конечно, не в последнюю очередь она обеспечивала влияние царей и на регион, и на шахов из династии Каджаров.

Реза Шавад Коух, который к 17 годам вырос уже до 2 м, носил густые черные усы и быстро продвигался вверх по служебной лестнице. Его физическая сила, смелость и не в последнюю очередь жестокость сделали его очень подходящим для участия в карательных экспедициях по усмирению бунтовавших против шахской власти племен. В 20 лет он был произведен в офицеры, и начиная с этого времени он уже назывался Реза Ханом. (Хан на персидском языке означает «предводитель», «вождь»). Межплеменные войны, служившие средством борьбы за политическую власть между русским царем, англичанами, а затем после начала первой мировой войны — турками и немцами, сопровождали жизненный путь молодого офицера.

В 1910 году он был произведен в чин капитана персидских казачьих войск, а когда в 1917 году за спиной бригады персидских казаков рухнула царская монархия, перед Реза Ханом открылись новые пути. Белые офицеры казачьей бригады постепенно утрачивали свое влияние в Иране и, переходя на службу к англичанам, присоединялись к белогвардейским отрядам, пытавшимся бороться против молодой Советской власти на ее южных границах. Из всей персидской казачьей бригады осталось 2,5 тыс. сабель. Однако они дислоцировались в стратегически очень важном пункте в 150 км от Тегерана — в Казвине. Этот город контролировал пути, ведущие как в Турцию, так и в сторону Каспийского моря, а также на юг, в сторону еще не очень хорошо исследованных нефтяных залежей. После того как поредели ряды царских офицеров и во всей бригаде остался единственный белый генерал, возглавлявший казачьи войска, пост командира казачьей бригады одновременно означал пост главнокомандующего тогдашней персидской армией. А начиная с 1919 года его заместителем стал получивший к тому времени чин полковника Реза Хан.

Позднее два английских историка установили, что лондонское министерство иностранных дел и сотрудники секретной службы на протяжении ряда лет с вниманием следили за карьерой Реза Хана. В Персии после Октябрьской революции нужна была сила, враждебная

Советской России. В 1920 году британская секретная служба установила связь с Реза Ханом. Жил Реза Хан все еще бедно. Правда, уже не в глиняной мазанке, но все еще в южной части Тегерана, населенной бедными мелкими ремесленниками, базарными торговцами. А вот год спустя уже наступил крутой поворот в судьбе Реза Хана. Под нажимом англичан его начальника, царского генерала, уволили с поста командующего персидскими казаками. Преемником его и одновременно верховным главнокомандующим разбежавшейся шахской армии стал Реза Хан.

Стоявшие гарнизоном в городе Казвине 2,5 тыс. отборных персидских казаков были единственной боеспособной частью разложившейся персидской армии, и Реза Хан сразу же увидел для себя редкую возможность сделать карьеру.

21 февраля 1921 г., возглавив бригаду, он штурмовал Тегеран и в течение суток занял его. Не прозвучало ни единого выстрела. Англичане, одобрительно улыбнувшись, приняли к сведению факт государственного переворота и тут же назначили премьером одного из своих испытанных агентов. Реза Хан получил пост военного министра. Стареющий и безвольный шах Каджар остался на своем месте, но был лишен всякой власти. Военное министерство было тем центром, откуда Реза Хан подготовил новые атаки. Прежде всего он добился для своего министерства права вводить особые военные налоги. Используя это, он значительно увеличил армию, поднял жалованье солдат и закупил во Франции оружие.

С конца 1923 года истинная власть в стране принадлежала ему уже настолько, что в один прекрасный день он попросту прогулялся во дворец и в буквальном смысле спустил с лестницы находившегося в своем кабинете премьер-министра. Затем деликатно посоветовал шаху Ахмеду, последнему из династии Каджаров, отправиться на отдых на французскую Ривьеру. Шах послушался совета, назначил главой государства своего слабоумного брата и покинул страну. До осени 1925 года бывший погонщик ослов, восседая в кресле военного министра, управлял Персией. К тому времени шаху Ахмеду уже наскучило развлекаться на Ривьере, и он заявил, что хочет вернуться в Тегеран. На следующий день после этого заявления шаха солдаты Реза Хана окружили все общественные здания столицы, а депутатов согнали в здание парламента. В окруженном солдатами парламенте

они проголосовали за лишение династии Каджаров трона, а 12 декабря 1925 г. на «Павлиний трон» был единогласно избран бывший погонщик ослов Реза Хан из деревушки Шавад Коух.

В Зеркальном зале шахского дворца Голестан Реза Хан, к тому времени, наверное, уже наслышавшийся и о Наполеоне (ведь в 10 лет он научился читать), возложил на свою голову шахскую корону. На ступенях лестницы, ведущей к трону, стоял шестилетний мальчик в униформе полковника, худенький и слабенький, — Мохаммед Реза, наследник престола. А последний шах из династии Каджаров немного погодя умер на французской Ривьере, в вилле неподалеку от Канн. Сильно ожиревший шах старался слишком быстро похудеть.

Зато новый правитель Персии Реза Хан не боялся «жиреть» во всех отношениях. Даже его имя заметно раздалось в ширину. Вот тогда-то без всякой подготовки «по своему велению» Реза Хан стал называться шахом, добавив к фамилии «Пехлеви». (Означает оно по-персидски ни больше ни меньше, как название одного из самых древних и коренных персидских племен.) То, что шах выбрал для себя название именно этого племени, указывает, что выбившийся в шахи из погонщиков ослов Реза хотел показать — а позднее в распространяемой по его приказу легенде закрепить, — что и он, и его династия — древнего персидского происхождения.

«Жирела» новая династия и в материальном отношении. В эти годы было заложено основание всех, ныне уже не поддающихся учету и контролю богатств семейства Пехлеви. Реза Шах с такой же энергией и беспощадностью, не знавшей пределов и препятствий, рвался к деньгам, как перед этим к власти. Он великодушно оставил дворец Голестан в собственности государства, но на деле распоряжался им единолично. Зато другой из крупнейших шахских дворцов династии Каджаров — Ниаваран уже попросту «положил себе в карман» вместе с другим заново выстроенным летним дворцом возле Саадабада. Он приказал выгнать из их дворцов десятки других феодалов, пользовавшихся милостью у шахов династии Каджаров, и объявил эти украшенные золотом чудеса из мрамора частными шахскими владениями.

Одновременно новый шах прибирал к рукам земли помещиков. Для начала были конфискованы и перешли в собственность семейства Пехлеви земли тех помещиков, которые не хотели признать новую династию или затева-

ли политические интриги против нее. Вторым способом захвата земель явилось волшебное слово «амлак». На территории страны имелось большое количество земель, ценных в перспективе, но пока не используемых для сельского хозяйства, поскольку вблизи их не протекало никаких рек и их нельзя было оросить, а без орошения они не приносили урожая. Для того чтобы присвоить эти земли, Реза воскресил старинное народное право, по которому если кто-то на не принадлежащей никому территории в течение 24 часов мог вырыть колодец, добраться до воды и произнести в присутствии свидетелей слово «амлак», эти земли отныне принадлежали человеку, вырывшему колодец. Слово это по-персидски означало: «Моя собственность». Считалось, что с этого момента у земли новый владелец. Разумеется, приняться за такую стратегическую операцию по захвату больших просторов пустующих земель мог только человек, обладавший соответствующими связями для розыска таких бесхозных земель, механизмами для того, чтобы пробурить колодец и, в течение одних суток добравшись до воды, подать ее наверх. А новому шаху достаточно было только сделать знак рукой, и все это появлялось. С помощью слова «амлак» шах стяжал огромное количество земель. Так, например, в течение нескольких лет он стал землевладельцем всей приморской полосы вдоль южного побережья Каспийского моря, где позднее были построены курорты с пляжами, гостиницами, гаражами и ресторанами и где после этого 1 кв. м земли уже стоил более 100 долл. Один американский специалист иранского происхождения, Марвин Зонис, профессор Принстонского университета, высчитал, что Реза Шах стал, таким образом, крупнейшим помещиком Ирана и самым богатым человеком в стране. За время своего правления он приобрел около двух тысяч сел и двести тысяч крепостных крестьян. Этот-то известный теперь всему миру бизнес стяжания недвижимости и заложил основу богатства Пехлеви.

Другим источником богатства Реза Шаха уже в первый период накопления шахских сокровищ было черное золото — нефть. Еще до первой мировой войны один английский авантюрист французского происхождения, некто Д'Арси, получил у иранского правительства разрешение на поиски нефти. В 1908 году его поиски увенчались успехом. За право разрабатывать нефтяные залежи английский авантюрист заплатил тогдашнему шаху из

династии Каджаров 20 тыс. ф. ст. С началом первой мировой войны Черчилль, который был тогда военно-морским министром, понял, что с точки зрения снабжения английского военного флота горючим все большее значение приобретает иранская нефть. По его рекомендации военно-морское министерство выкупило контрольный пакет акций у фирмы Д'Арси. Подробности этой сделки, конечно же, сохранили в тайне. По более поздним оценкам, англичане с начала первой мировой войны до 1933 года заплатили за нефть 11 млн. ф. ст. Почти половина этой суммы перекочевала в частную казну Реза Шаха. В 1933 году шах заставил англичан подписать новый договор, поскольку пришел к выводу, что действительная прибыль англичан составляет сумму в 15 раз большую, чем Лондон заплатил иранской казне и частной казне шаха, вместе взятым. По новому договору Англия должна была больше платить Ирану за добываемую нефть, и шах тоже на 1 млн. ф. ст. в год увеличил сумму, пополнявшую его частную казну.

Но основателя династии Пехлеви несколько лет спустя смел ветер истории. Ведь в первые годы второй мировой войны Реза Шах не скрывал своих симпатий к Гитлеру, и в стране, как грибы, выросли резидентуры германской секретной службы. Союзники увидели, что такая ситуация нетерпима. Англичане с полным основанием стали опасаться за снабжение нефтью своего флота, а Советское правительство трижды предупреждало Реза Шаха, что наличие шпионских центров на территории Ирана, вблизи границ Советского Союза, угрожает безопасности СССР. Шах попытался маневрировать, но в конце концов 25 августа 1941 г. советские и английские войска с двух концов страны пересекли иранскую границу. Было объявлено, что на весь период второй мировой войны они берут территорию под свой контроль, а шаху было предложено отречься от престола.

Основатель династии Пехлеви вынужден был капитулировать. Он отрекся от престола в пользу своего сына. Так шахом Ирана стал Мохаммед Реза-младший, сын бывшего погонщика ослов, получивший образование в лучших школах Швейцарии. Самого его согнали с «Павлиньего трона» только в январе 1979 года. А лишённого власти основателя династии англичане погрузили на палубу военного корабля и сначала переправили на остров Маврикий, а оттуда — в Южную Африку. Там он и скончался летом 1944 года. Англичане ввиду бушевав-

шей на морях войны не взялись переправить гроб в Тегеран по морю. Так бранные останки Реза Шаха через всю Африку с юга на север сухопутным путем перевезли в Каир. Там гроб оставался вплоть до 1950 года, когда по просьбе наследника престола Мохаммеда Реза Шаха он был переправлен в Тегеран. Перед похоронами в Тегеране гроб вскрыли, и тогда выяснилось, что Реза Шаха, награбившего сказочные сокровища, самого ограбили, уже в гробу. Из гроба исчезли бриллианты, ордена, усыпанные алмазами, рубинами и бирюзой, а также украшенный драгоценными камнями эфес сабли. Узнать так и не удалось, кто был грабителем — англичане или египтяне, кто, так сказать, собрал пошлину за провоз через границы тела покойного низвергнутого властелина Ирана.

История Ирана и после второй мировой войны была сложной и бурной. Другой правитель из «древней» династии, сын полковника персидских казаков Мохаммед Реза Шах Пехлеви тоже много раз стоял на краю низвержения. (Один раз в 1953 г., когда по требованию национально-освободительного движения были национализированы нефтяные залежи, и он вынужден был покинуть страну, правда, на короткое время. Американская разведка ЦРУ вскоре организовала военный переворот и вернула его на трон.)

История шахского богатства значительно проще истории самой династии Пехлеви. В годы после второй мировой войны потрясения в Иране означали только, что сказочные богатства Пехлеви, награбленные Реза Шахом, увеличивались несколько медленнее, хотя структура их почти не изменялась. Поскольку, однако, с 1963 года императорская власть окончательно укрепилась, а роль иранской нефти в мировой экономике стремительно возрастала, в стальные сейфы клана Пехлеви снова полились неисчислимы и неконтролируемые потоки денег.

Правда, в сравнении с прошлым, когда персидский казак Реза применял сравнительно примитивные методы стяжательства богатств, теперь пришлось прибегать к новым способам. После того как в 1953 году именно Вашингтон и ЦРУ организовали возвращение шаха на «Павлиний трон», в управлении иранской нефтяной политикой и личным шахским имуществом решающая роль все больше переходит в руки американских банков. Прежде всего это был руководимый Дэвидом Рокфеллером «Чейз Манхэттен бэнк», крупнейший банк рокфел-

леровской династии, тесно связанной с верхушкой политической власти США. Это, естественно, означало, что и методы стяжательства богатств сделались теперь более современными и была выбрана новая форма стирания грани между государственным имуществом и личной собственностью шаха.

Метод был однозначно американским. Это была уже описанная ранее система фондов, с помощью которых часть личной собственности семейств миллиардеров отныне можно было укрывать от обложения налогами. В США, например, родились такие известные организации, как «Фонд Форда» и «Фонд Рокфеллера». Организации эти для вида действительно тратили огромные суммы на благотворительные цели, на финансирование университетов, исследовательских институтов и на стипендии ученым, аспирантам и студентам. Но ведь такие же суммы — не будь «фондов» — миллиардерам пришлось бы внести в государственную казну в виде налогов.

Американцы очень быстро убедились в том, что этот метод, широко применяемый даже в рамках укрепившейся американской парламентской демократии, будто специально придуман для иранских условий.

И вот в 1958 году по совету рокфеллеровского банка основывается так называемый «Фонд Пехлеви». Формально шах переписал на банковские счета «Фонда» значительную часть своего богатства. Из предприятий это были в первую очередь Пароходная компания Персидского залива, Банк развития, Шахское книжное издательство, Страховая компания Мелли, а также многочисленные сахарные и цементные заводы и множество отелей. С этого момента шах теоретически стал неимущим человеком, в то время как миллиарды долларов продолжали потоками литься в его сейфы. «Фонд Пехлеви», в отличие от «Фонда Форда» и «Фонда Рокфеллера», не регулируется никакими законами и никем не контролируется. В условиях самодержавия «Фонд Пехлеви» являлся просто личной собственностью правителя и его семьи.

Практически же это означало, что главным инспектором «Фонда Пехлеви» был сам правитель страны, и в этом качестве он официально и открыто получал 2,5% от доходов фонда. Роберт Грехем, тегеранский корреспондент крупнейшей английской экономической газеты «Файнэншл таймс», поддерживающей очень тесные кон-

такты с британскими финансовыми кругами, еще во времена правления шаха написал книгу об экономическом положении страны, в которой он говорит совершенно откровенно о том, что «Фонд Пехлеви» — это, собственно говоря, личная собственность шаха: «„Фонд Пехлеви“ — надежный канал, по которому в карман шаха текут взятки и всевозможные коррупционные деньги. Наряду с этим он дает возможность шаху через членов семьи и узкий круг нескольких доверенных людей контролировать всю экономику страны и незаметно для общественности финансировать дорогие удовольствия правящего дома».

Приходится ли удивляться, что о деятельности «Фонда Пехлеви» никогда не публиковалось никаких экономических отчетов, которые можно было бы проверить. Точно так же никогда не обнародовались данные о том, какие из различных государственных предприятий иранской экономики относятся к этому фонду (и, по сути дела, являются собственностью правителя страны). Во всяком случае стало известно, что в собственности «Фонда Пехлеви» находился весь государственный нефтеналивной флот Ирана, крупнейший коммерческий банк страны и третья по величине страховая компания!

Шах и его семья использовали «Фонд Пехлеви» для того, чтобы часть гигантских доходов, получаемых от нефти, переводить, словно с помощью волшебной палочки, из казенного имущества в личную собственность шаха. Находясь в зените своей славы, шах только от нефтяных доходов Ирана получал 2 млн. долл. в неделю. Часть этих доходов, по всем признакам, шахский дом воровал непосредственно на промыслах, а именно через доверенных людей, поставленных на определенные посты в нефтяных фирмах. (Судьба их и даже жизнь зависела от милости Мохаммеда Реза Пехлеви.) Они-то и фальсифицировали записи в бухгалтерских книгах той или иной нефтяной компании. Так, например, в 1977 году один высокопоставленный чиновник американского госдепартамента, человек словоохотливый от природы, обронил перед следственной комиссией американского конгресса очень странное замечание: между сведениями о прибылях иранских государственных нефтяных предприятий и сальдо доходов от нефти Иранского национального банка в упомянутый год выявлена разница в 1,5 млрд. долл. в пользу банка, происхождение которой никак не удается установить. Наверное, не стоит гово-

рять, что делом этим и в Иране-то никто не занимался, и уж тем более в американском конгрессе.

Что же касается прибылей от добычи нефти, то для них был найден другой, совсем неприличный путь в семейную копилку иранского шаха. Поскольку в теории «Фонд Пехлеви» тоже является государственным предприятием, то часть прибылей от нефти очень легко можно было использовать для капиталовложений шаха и его семьи за рубежом. Так для шаха за счет фонда в Нью-Йорке был приобретен небоскреб на Пятой авеню. С помощью этого же фонда и таким же способом в несколько приемов было куплено 25% контрольного пакета акций заводов Круппа в Западной Германии, два дочерних предприятия фирмы «Крупп» в Бразилии, 13% акций авиационной компании «Пан-Америкэн» и почти половина гостиниц «Интерконтиненталь».

Одним словом, «Фонд Пехлеви» оказался сенсационным изобретением. В октябре и ноябре 1978 года, всего за два месяца (когда над головой шаха уже собирались грозовые тучи), фонд перевел за границу более 3 млрд. долл. Эта сумма исчезла, переключившись на зарубежные банковские счета Мохаммеда Резы Пехлеви и членов его семейства.

Пока власть была еще в руках шаха, специфическим источником доходов шаха являлись фантастические расходы Ирана на вооружение. Американцы уже с конца 50-х годов регулярно вооружали Иран. Однако настоящий бизнес крупного размаха начался после нефтяного кризиса. Шах тогда оказал любезность американской военной промышленности, вернув часть американских долларов, выплаченных за иранскую нефть, в каналы американской военной промышленности, производившей оружие. В 1974 году, когда цены на нефть взметнулись высоко вверх, американские продажи оружия тоже подскочили. Если в 1973 году американцы продали всему миру оружия «всего лишь» на 4 млрд. долл., то в 1974 году доходы от продажи оружия составили уже 9 млрд. долл., из них почти половину заплатил за оружие Мохаммед Реза Пехлеви. Все эти закупки оружия приносили большие барыши и шаху лично, и его приближенным.

О размерах сумм, переведенных на личные банковские счета шаха, только косвенно позволяют судить взятки, которые получали от американцев «мелкие пешки» из шахского окружения. Так, например, авиастроительная компания «Грумман» за покупку Ираном

единственного истребителя типа «кот» заплатила 90 млн. долл. генералу Хатами, шурина шаха и главнокомандующему ВВС Ирана. В другом случае генерал Туфаниан, заместитель военного министра Ирана, получил 28 млн. долл. от самолетостроительной компании «Нортроп» за покупку нескольких истребителей типа «тигр». Взятку в 1 млн. ф. ст. получил иранский бизнесмен Шапур Репортер, который по поручению шаха осуществил закупки английских тяжелых танков типа «чифтейн».

И наконец, уже покидая не по своей воле Иран, шах с помощью фонда и своих верных людей вывез из страны только лично своего имущества на 3 млрд. долл. и около 10 млрд. — для членов семьи.

ОНАССИС - МАЛЬЧИК ИЗ ГОРОДА СМИРНА

**БЕЖЕНЦЫ НА ПАЛУБЕ — МАЛЕНЬКИЙ КЛЕРК ИЗ
ФИРМЫ ИТТ — КОНСУЛ И КОРАБЛИ — ДУЭЛЬ С
НИАРХОСОМ — ВОЙНА С ТРЕСТАМИ — МОНАКО
И ДРУГИЕ ИГРУШКИ — БРАЧНЫЙ ДОГОВОР —
ПОСЛЕДНИЙ ТРЮК**

Был конец сентября 1923 года. Над Атлантическим океаном бушевал ураган. Старенький итальянский грузовой пароходишко водоизмещением 12 тыс. т «Томазо ди Савойя» трещал по швам. А в трюме парохода, на куче деревянных чурок и ржавеющих железных труб, скорчившись от страха и морской болезни, сидела тысяча итальянцев и греков-эмигрантов. У выхода из трюма стояли часовые, чтобы эмигранты чего доброго не поднялись на палубу и не нарушили покой обитателей нескольких приличных кабин, оборудованных на этом грузовом пароходе для пассажиров. В самый разгар урагана, когда люди в трюме валились друг на друга, а слабые задыхались от неопикуемой вони, к часовому у выхода подошел парнишка лет 17 и протянул ему две бумажки по 20 долл. Матрос взял деньги и выпустил приземистого черноволосого подростка на палубу.

Парнишку звали Аристотелем Онассисом. Так вот, за взятку, он и выбрался из вонючего трюма наверх, на палубу. Когда же буря немного улеглась, молодой человек обратился к другому матросу, караулившему насос на цистерне с пресной водой. Дал и ему 10 долл., чтобы хоть немного отмыться от трюмной грязи.

У паренька осталось еще 60 долл. Это были все деньги, которые юному Аристотелю Онассису удалось распахать по карманам, когда он вступил на землю Аргентины в Буэнос-Айресе.

Между тем раннее детство у будущего короля нефтеналивного флота, а позднее — супруга вдовы американского президента было безоблачным и обеспеченным. И не бедность, не нищета загнали его на палубу старенького парохода «Томазо ди Савойя», а — сама госпожа история.

Отец Аристотеля Онассиса, носивший, как и сын, громкое имя — Сократ, был торговцем табаком в турецком городе Смирна, ныне Измире. Он, правда, не ходил в миллионерах, но среди греков, проживавших в этом турецком городе, считался человеком богатым и готовился отправить своего сына на учебу в Оксфордский университет в Англию. Во время первой мировой войны Турция и Греция находились в противоположных сражающихся лагерях. Турция была союзницей немцев и Австро-Венгерской монархии, греки же, которые на протяжении многих столетий томились под турецким игом, сражались на стороне Антанты. В конце войны Англия и Франция во время переговоров, проходивших в разных дворцах вблизи Парижа, настроили тогдашнего греческого премьера буржуазного либерала Венизелоса, чтобы он потребовал уступить Греции суверенитет над Константинополем (Истамбулом) и очень важным в стратегическом отношении городом Смирной в Малой Азии, чтобы тем самым укрепить свои стратегические позиции, когда дойдет черед до захвата основных турецких территорий в будущем и особенно — выхода из Черного моря, пролива Дарданеллы.

И греческая армия действительно в 1919 году заняла Смирну, а Сократ Онассис, приверженец Венизелоса, организовал среди греческих торговцев города политическое общество, которое снабжало соответствующей информацией оккупировавшую Смирну английскую армию.

Контрудар не заставил себя ждать. Штурм, которым греки сначала овладели городом, а затем жестокость английской оккупационной армии подогрели национализм турок, и возглавивший буржуазно-освободительную революцию Кемаль Ататюрк вскоре со своими отрядами перешел в контрнаступление. К осени 1922 года мечты греков о «Великой Греции» развеялись как дым. Турки заняли город Смирну и в буквальном смысле слова истребили его греческое население. В течение шести дней было разрушено 5 тыс. домов, принадлежавших грекам, и убито 120 тыс. жителей города — греков.

Сократа Онассиса, поддерживавшего греческую армию деньгами, ожидал арест, пытки и, вероятно, смерть.

16-летний Аристотель Онассис, оставшийся старшим в семье после ареста отца, уже тогда постиг, что в мире покупается почти все. В опустевшем подвале отчего дома он нашел запасы водки и раздал ее офицерам размещавшихся вокруг турецких войск — в обмен на пропуск, который позволял ему беспрепятственно передвигаться по городу. С таким пропуском он проник в сожженный греческий район города и там разыскал в руинах отцовской торговой конторы стальную шкатулку Сократа Онассиса с 5 тыс. долл. Из них 3 тыс. он истратил на то, чтобы подкупить военный трибунал и освободить отца из тюрьмы, а остальные 2 тыс. пошли американскому вице-консулу в Смирне, который смог вне очереди устроить семью на один из переполненных беженцами пароходов, уходивших в Грецию.

Вслед за крушением надежд о «Великой Греции» началось переселение — 1,5 млн. греков устремились на родину, которая и без того едва справлялась с колоссальными экономическими трудностями. Аристотелю, который с детства хорошо знал, как нужны были деньги, когда речь шла об американском вице-консуле или о матросе, охранявшем насос у цистерны с пресной водой, достаточно было всего один раз взглянуть на Афины, чтобы увидеть безнадежность ситуации, сложившейся там. Летом 1923 года семья Онассисов прибыла в Афины, а уже в августе Аристотель сидел в трюме парохода «Томазо ди Савойя», отправлявшегося в Буэнос-Айрес.

Первые месяцы пребывания в Аргентине Онассис-младший занимался черной работой, как обычно это показывают в старых фильмах, сделанных в Голливуде о будущих миллионерах. Был он докером, официантом в каком-то кабаке, мыл посуду на кухне греческого ресторана.

Целый год прошел, прежде чем Онассис, приехавший в Аргентину со знанием греческого, турецкого и английского языков, а затем выучивший итальянский и испанский, получил место в фирме ИТТ, дочернем предприятии гигантского американского треста, который держал в своих руках телефонную сеть всей Южной Америки. Получал он в неделю 40 долл., что по тем временам в Аргентине считалось «серьезными деньгами». Первые 40 долл. он решил тоже истратить с умом: сменить

обшарпанный свой «гардероб», чтобы было в чем появиться в Буэнос-Айресе в одном из аристократических яхт-клубов и попроситься в его члены. Нет, он не швырялся деньгами. Это был второй составной элемент позднее сделавшегося знаменитым «рецепта Онассиса» — приобретение связей.

Новый член аристократического яхт-клуба остальное время, когда не пребывал на каком-то из парусников клуба, жил как самый настоящий нищий. И это его нищенствование продолжалось до тех пор, пока он не скопил первую тысячу долларов. Теперь можно было отправить письмо отцу, который жил хоть и значительно беднее прежнего, но продолжал свой «табачный бизнес» и в Греции. В Аргентине тогда неизвестен был еще греческий табак; там смешивали кубинский табак с сортами, которые выращивались в южной части Соединенных Штатов. Аристотель Онассис после работы, которую он выполнял в конторе ИТТ, начал свои поездки в качестве коммивояжера, имея на руках полученные от отца образцы греческих табаков. Задачу его облегчило то, что крупные импортеры были тоже большей частью членами яхт-клуба. И в течение двух лет Онассис пробил себе дорогу на аргентинский табачный рынок: $\frac{1}{3}$ табака, использовавшегося на столичных табачных фабриках Аргентины, составляли теперь — при его посредничестве — греческие и турецкие сорта. Табачный бизнес Онассиса начался в 1925 году, когда ему еще было только 19. Два года спустя, в 1927-м, он имел на своем счету уже 100 тыс. долл.

Деньги идут к деньгам. Онассис, обладавший тонким нюхом дельца и выдающимися способностями, знал очень точно, как использовать этот древний механизм. Нашел применение и третий элемент рецепта Онассиса: умело предложенные взятки и установленные хорошие деловые связи диктовали следующий шаг: идти на риск!

В порту Монтевидео волны плескались у борта полузатонувшего танкера водоизмещением в несколько десятков тысяч тонн. Уже много лет пароход лежал в воде и ржавел. Онассис отправился в Монтевидео, сел в моторную лодку, объехал останки корабля и тут же прикинул, сколько можно дать за них. В течение часа он уже заключил сделку. Танкер подняли, привели за 10 тыс. долл. в порядок, а два месяца спустя Онассис продал его, получив 50 тыс. долл. чистой прибыли. Так начался его новый бизнес — судовладельца.

Разумеется, он не порвал и с импортом табака, но теперь его корабли перевозили уже и пшеницу, и шерсть, и даже сырые кожи, которые плыли по волнам Атлантического океана из Америки в Европу, принося Онассису хороший доход.

В 1929 году, в 23 года, через шесть лет после приезда в Аргентину, он стал миллионером. Свой «рецепт» он осуществлял с беспримерной энергией и упорством. Природа наградила его таким здоровьем, что еще в раннем детстве ему было достаточно спать в сутки не более трех-четырех часов. Он мог работать без сна и отдыха подряд и двое, и трое суток. А затем, на четвертые сутки спал 12—14 часов, и снова был свежим и бодрым.

Что касается связей на уровне государственных руководителей в правительственных кругах, то их он тоже приобрел в тот год, когда капитал его достиг рубежа первого миллиона. Греческое правительство, премьером которого в то время был Венизелос, ввело новые правила обложения пошлинами, которые сильно удорожали товары, прибывшие из таких государств, с которыми у Греции не было долговременных торговых договоров. Эти правила нарушали интересы сотен греческих и американских бизнесменов, но Онассис был единственным, кто пошел в битву за их защиту. На протяжении многих месяцев он засыпал письмами чиновников Буэнос-Айреса и Афин (и не только письмами, но и подарками), а затем и сам отправился в Грецию и попросил аудиенции у Венизелоса, ссылаясь на то, что во время битвы за Смирну его отец принес большие жертвы, оказывая помощь и поддержку греческой армии. Венизелос принял молодого человека, приказал изучить его предложение о заключении долгосрочного греко-аргентинского торгового договора и переслать затем его в министерство иностранных дел. Несколько дней спустя Онассис появился в офисе министра иностранных дел. Тот принял его со скучающим видом, разговаривал с Онассисом, полируя пилочкой ногти и в конце разговора предложил: оставьте в секретариате свой телефон, вас потом известят о судьбе вашего предложения. Тогда Онассис встал, пнул ногой кресло, в котором до этого сидел, и сказал вздрогнувшему от шума чинуше: «Господин министр, я думал, что вы готовы серьезно обсудить дело, столь важное для Греции, а вы, кажется, дремали, пока я тут говорил. И вообще, вас больше интересуют собственные ногти, чем внешняя торговля Греции».

Министр попросил вернуться уже направившегося к двери Онассиса, а через две недели тот, хотя и был уже гражданином Аргентины, отправился в путь с греческим дипломатическим паспортом в кармане в качестве чрезвычайного представителя правительства Вензелоса в Буэнос-Айресе. А еще три недели спустя был заключен греко-аргентинский торговый договор; Онассис же стал генеральным консулом Греции в Аргентине. Снова заструился поток товаров, и одновременно начал стремительно обогащаться Онассис.

После этих значительных успехов, но с точки зрения действительных богачей располагая все еще скромными материальными средствами, Онассис обратился к бизнесу в области судостроения. Собственно говоря, ни переписка этих лет, ни его скудная автобиография, ни книги о нем не объясняют, почему его внимание привлекли корабли и мир торгового флота. Можно только предположить, что во всем этом немаловажную роль играют первые успехи, связанные с полузатонувшим танкером. Другое возможное объяснение, что обычные торговые сделки тянулись слишком уж монотонно и мирно и не могли удовлетворить его устремлений к авантурным предприятиям, полным риска, что вообще характерно для первого поколения бизнесменов, стяжавших богатство, и вместе с ним — власть.

К зиме 1931 года, когда мировой экономический кризис достиг наибольшей остроты, в порту Монреаля уже два года, стоя без дела, ржавел целый небольшой торговый флот крупнейшей судовладельческой компании Канады. Это были 10 кораблей, которые в свое время обошлись хозяевам в 20 млн. долл., но даже и в условиях глубочайшего экономического кризиса все еще стоили по 100 тыс. долл. каждый. По причине кризиса корабли стояли в порту без работы, а их владельцы очутились на краю финансового краха. Приехав в Монреаль, Онассис осмотрел корабли, выбрал из них шесть, находившихся в наилучшем состоянии, а затем за все шесть выложил на стол 120 тыс. долл., то есть ровно столько, сколько они могли стоить, если их разобрать на металлолом. У фирмы не было выбора, она вынуждена была согласиться на это, и Онассис заполучил корабли, хотя при этом и сам чуть не разорился на столь рискованной сделке. Ведь ему пришлось ждать целых два года, пока он смог найти грузы для своего маленького флота. За это время четыре корабля (правда, опять-таки пусть с не-

большой, но пользой) пришлось продать, потому что все из-за того же кризиса он смог найти дело только для двух кораблей.

Впрочем, даже оставшиеся два судна очень скоро принесли ему богатую прибыль, не в последнюю очередь потому, что Онассис первым среди будущих крупных судовладельцев открыл и до конца использовал ту, не сравнимую ни с чем возможность использования «флага наибольшего благоприятствования». В мире было (они есть и сегодня) несколько государств, правительства которых пытаются увеличить свои доходы за счет того, что дают всевозможные послабления владельцам судов, которые регистрируют суда чужих стран под их флагом. Главными государствами таких «флагов наибольшего благоприятствования» в период рождения богатства Онассиса были Панама и Либерия. Помимо послаблений с налогами эти страны использовали для привлечения предприимчивых судовладельцев и другие «приманки». В них, например, запрещалось создавать профсоюзы, очень снисходительными были требования к охране труда, не существовало нижней границы зарплаты. В Панаме в те годы нужно было заплатить всего только 500 долл., чтобы получить разрешение основать судовладельческую компанию. Аналогичным было положение в Либерии. На самом же деле тогда (и вплоть до 80-х гг.) ни у Панамы, ни у Либерии не было никакого торгового флота. И вскоре судовладельцы различных национальностей — американцы, англичане, греки, арабы и прочие — пустили сотни своих кораблей в плаванье под панамским и либерийским флагами. Очень скоро торговые флоты Панамы и Либерии «вышли» уже на четвертое и пятое места среди флотов капиталистических государств мира.

Формально, потому что это был вопрос чистой бухгалтерской статистики и регистрации. Ну, а в случае экономического кризиса и большой безработицы можно было беспощадно снижать заработную плату и безнаказанно пренебрегать мерами по охране труда и безопасности матросов, в отличие от других флотов, где это соблюдалось более строго.

Онассис постиг эту возможность уже в то время, когда это еще не стало широко распространенным явлением на других флотах и кораблях. У него было всего только два танкера, которые ходили под панамским флагом; их содержание обходилось в два раза дешевле, чем содержание любого корабля какой угодно другой страны

мира — за счет низкого уровня зарплаты матросов в сравнении с судами английских и скандинавских судовладельческих компаний. Флот Онассиса стал быстро расти, как росли и его миллионы.

В 1934 году его состояние уже достигло 10 млн. долл. Именно тогда он пришел к выводу, что в мировой экономике скоро наступит эпоха нефти. А для перевозки нефти нужны были нефтеналивные танкеры, то есть корабли совсем иного типа, чем для перевозки угля.

Поскольку еще продолжался мировой экономический кризис, крупные судостроительные верфи Норвегии и Швеции готовы были строить корабли, даже если заказчик вносил аванс всего в 10% стоимости строящегося корабля. Тоннаж нефтеналивных судов в тот период едва ли достигал 10 тыс. т. Танкер с бóльшим водоизмещением считался уже гигантом. И вдруг Онассис заказывает в Швеции танкер водоизмещением в 15 тыс. т, который получает в дальнейшем название «Аристон». После этого последовали еще два заказа на строительство танкеров «Аристофан» и «Буэнос-Айрес». Один «Аристон» обошелся в 700 тыс. долл., но заплатить за него Онассису пока что пришлось только 70 тыс. Как только корабль был готов, Онассис, используя «флаг наибольшего благоприятствования», смог дешевле других конкурентов перевозить нефть и сразу же получил первый крупный заказ на доставку нефти. «Одинокий волк» в джунглях международного нефтяного бизнеса Поль Гетти поручил ему перевезти из Калифорнии несколько партий нефти в японские порты знаменитого торгового дома «Мицуи». Танкер «Аристон» один за год заработал 600 тыс. долл., хотя все еще не был оплачен до конца. Такую же прибыль принесли в первые два года эксплуатации «Аристофан» и «Буэнос-Айрес».

Над Европой уже начали сгущаться политические грозовые тучи, но корабли Онассиса продолжали перевозить все больше нефти. Впрочем, не только нефть, но и сырье и запасные части как для вооружавшейся нацистской Германии, так и для борющейся с фашистами Испании. Возили грузы для всех, кто платил. К этому предвоенному времени и относится классическое заявление Онассиса: «Как грек я принадлежу Западу. Как судовладелец — капитализму. Но больше всего я люблю ту страну, где мне меньше всего устраивают препон и ограничений и где требуют наименьший налог».

Когда началась вторая мировая война, три больших

нефтеналивных судна Онассиса застряли в Швеции. На основании существовавшего между Германией и Швецией соглашения о нейтралитете все иностранные корабли, находившиеся в это время на якоре в шведских портах, не имели права покидать их до конца войны. (Таким образом шведы давали гарантии Гитлеру, что эти корабли не будут использоваться для перевозки грузов союзников.)

Но пока три крупных танкера Онассиса бездействовали в Швеции, дюжина других грузовых пароходов из флота Онассиса все военные годы зарабатывала колоссальные прибыли. Американский эксперт по судоходству Эрнест Лейзер так писал в своей книге о бизнесе военнотранспортных перевозок: «Большинство кораблей находилось в удивительно плохом состоянии. Правда, пока они окончательно не пришли в негодность, они верно служили союзникам, поддерживая их военные усилия, а еще больше пользы приносили их владельцам: в зоне военных действий тарифы на перевозку грузов были потрясающе высокими».

Словом, и в годы войны увеличивалось богатство Онассиса, а сам он, любя «сладкую жизнь», переселился в еще более дорогостоящие, полные блеска апартаменты в Нью-Йорке, на крыше самого дорогого небоскреба, башне «Риц».

В эти же годы он приобрел себе поместье вблизи Нью-Йорка на Лонг-Айленде, в заливе Устриц, который облюбовали для себя богачи и аристократы. Обычно он здесь проводил свои «уикенды» в обществе директора кинофабрики, миллионера греческого происхождения Скоураса и еще двух других богатых судовладельцев-греков Ливаноса и Ниархоса.

Одной из особенностей военных лет было, что каким-то чудом торпеды гитлеровского военно-морского флота не поражали корабли Онассиса. По статистике, в годы войны на союзников работало 450 кораблей, принадлежавших греческим судовладельцам. 360 из них были потоплены немецкими подводными лодками. И среди потопленных только один принадлежал Онассису. (Разумеется, и за него Онассис получил высокую страховую премию.) Этой странной случайностью занялась американская контрразведка. ФБР исходило из того, что Онассис — аргентинский гражданин, а Аргентина, хотя и была нейтральной, но в годы диктатуры Перона симпатизировала нацистам. (После войны десятки немецких

военных преступников нашли себе прибежище в Аргентине.)

Нити связи с нацистами большей частью тянулись к жене президента Аргентины Эве Перон, известной под уменьшительным именем «Эвита», которая и сама имела большие политические амбиции. По данным ФБР, «дамский угодник» Онассис, поддерживавший связи со многими звездами Голливуда, питал нежные чувства и к «Эвите». Поэтому сам Рузвельт дал указание директору ФБР Эдгару Гуверу взять на время войны Онассиса под наблюдение. ФБР регулярно подслушивало телефонные разговоры Онассиса, а финансовый отдел контрразведки пристально следил за его «гешефтами». Однако добыть какие-либо фактические доказательства вины Онассиса ФБР не смогло. Так что в конце войны, когда ракеты салюта осветили вершину небоскреба «Риц», Онассис был уже обладателем капитала в 30 млн. долл.

Вскоре после окончания второй мировой войны в жизни Онассиса проследовали одна за другой две серии примечательных событий, которые в значительной мере повлияли на его дальнейшую карьеру. Во-первых, возник единый клан будущих миллиардеров Ливаноса — Ниархоса — Онассиса. В это время Ливанос был владельцем крупнейшего в мире флота, находящегося в руках одного человека, и, если сравнить его с Онассисом, то Ниархос мог заплатить за весь флот Онассиса буквально «из своего левого кармана». Так вот, одна из дочерей Ливаноса, Тина, вышла замуж за Онассиса, другая, Евгения, — за Ниархоса. Но вопреки ожиданиям эти брачные связи не укрепили делового союза трех миллиардеров. Совсем наоборот: между Онассисом и Ниархосом началась борьба, которая протянется потом через десятилетия и наложит отпечаток на всю историю крупных частных флотов мира. (Как однажды сказал Онассис: «Мы в основном проводим свое свободное время в том, что пытаемся перерезать друг другу глотку. Но иногда садимся и за ужин к общему столу и ради дам пытаемся вести себя прилично».)

Другая и, может быть, более значительная с точки зрения мировой экономики серия событий — это война Онассиса против крупнейших американских нефтяных трестов. Флот Онассиса особенно вырос, когда американское правительство начало продавать построенные во время войны на государственные деньги тысячи американских грузовых пароходов. Лучшие из них Онассис

попытался приобрести буквально за гроши. Эти суда были известны под названием «Либерти». На них во время войны по ленд-лизу перевозились товары для снабжения сражающихся и их союзников на европейском театре военных действий. После войны в США был принят специальный закон о распродаже ставших ненужными кораблей. По этому закону корабли могли быть проданы только американским гражданам, но для Онассиса закон не являлся особенно большим препятствием: его жена Тина Ливанос была американкой по гражданству. Так что Онассис купил несколько десятков кораблей, записав их на ее имя. Некоторое время генеральный прокурор США пытался препятствовать этой купле-продаже, но безуспешно: Онассис пообещал руководителям судостроительной промышленности Соединенных Штатов в последующие годы дать заказы на 50 млн. долл. И действовавшая с большим размахом машина коррупции закрутилась. Нарушение закона «замазали», а Онассис получил право на владение приобретенными кораблями. Он переделал их большей частью в нефтеналивные суда, а тем временем на полуразрушенных западногерманских верфях в Гамбурге для него уже строили серию еще более крупных танкеров. В 1954 году последний корабль этой серии был спущен на воду. Это был крупнейший по тому времени танкер в мире, имевший водоизмещение в 50 тыс. т. Новый корабль нарекли «Аль Малик Сауд» («Король Сауд»).

Такое имя новому танкеру было выбрано не случайно. Равно как и то, что вместо традиционного шампанского в гамбургском порту корабль был обрызган «святой водой» из источника в Мекке. «Аль Малик Сауд» был детищем тайных переговоров, которые велись почти на протяжении года между Онассисом, имевшим уже сто-миллионный капитал, и престолонаследником Ибн-Саудом, который, став затем королем Саудом, правил с 1953 по 1964 год. Разумеется, никто не знает, сколько миллионов долларов перекочевало за время переговоров с принцем в королевскую казну, сколько на личный банковский счет наследного принца в Швейцарии. Факт остается фактом, однако, что король Сауд и Онассис подписали такое соглашение и что отныне саудо-арабскую нефть компании АРАМКО, находящейся в руках американских трестов, будет перевозить преимущественно нефтеналивной флот Онассиса.

Нефтяные тресты бушевали, в ярости был и конку-

рент — родственник Онассиса Ниархос. Ниархос (предположительно от какой-то из дочерей Ливаноса) уже точно дознался, что Онассис истратил на подкуп другого саудовского принца, который в это время занимал пост министра финансов, 1 млн. долл. Однако подкуп нужно было еще доказать. Извлекли на свет агента ЦРУ Роберта Мае, который позднее стал заниматься навешиванием мостов между мультимиллионером Говардом Хьюзом и ЦРУ. Но вещественных доказательств подкупа не смог раздобыть даже Мае. Однако с союзом нефтяных компаний и ЦРУ, как ни богат был Онассис, он не мог состязаться. И ЦРУ само дает поручение своему агенту Мае распространить в американских газетах слухи о подкупе как «надежную информацию». Этим, разумеется, ЦРУ хотело проучить не только Онассиса, но и короля Сауда. Что ж, урок удался. Король Сауд, ведший в это время ожесточенную борьбу со своим братом и будущим наследником престола Фейсалом, вынужден был росчерком пера аннулировать заключенное между ним и Онассисом соглашение. К тому же крупные нефтяные монополии начали бойкотировать корабли Онассиса. Обреченные на бездействие танкеры за одно только, что они стояли в портах, пожирали по несколько сот тысяч долларов в неделю, причиняя греческому корабельному магнату огромный ущерб.

Оглядываясь на эти события, можно сказать, что, вероятно, это был самый критический момент во всей карьере Онассиса. Выдержки нефтяные монополии еще некоторое время бойкот, и они, вероятнее всего, сломили бы Онассиса.

Но в дело вмешалась мировая политика. Бойкот нефтяных компаний начался в 1955 году, а в 1956 году президент Египта Насер национализировал Суэцкий канал. Затем последовало англо-французско-израильское военное вмешательство, после которого канал был вообще закрыт: в нем затопили несколько кораблей, и практически канал перестал функционировать на долгие годы. Закрытие сообщения по Суэцкому каналу означало золотой век для нефтяных танкеров. Путь нефти из Персидского залива в Европу удлинился на две недели: корабли были вынуждены теперь снова огибать всю Африку, и потому нужда в кораблях увеличилась вдвое. До нефтяного кризиса перевоз 1 т нефти на западноевропейские нефтеперегонные заводы обходился в 4 долл., после закрытия канала Онассис, который к тому времени был

владельцем крупнейшего в мире нефтеналивного флота, требовал за 1 т 60 долл., то есть за один-единственный рейс танкера он зарабатывал 2 млн. долл. Когда в 1957 году канал был снова частично открыт и началось ограниченное сообщение по нему, Онассис был уже богаче на 100 млн. долл., чем до войны за Суэцкий канал, и, таким образом, смог без особого вреда пережить попытку бойкота его крупными нефтяными компаниями.

К этому же времени он вышел на такой уровень, что мог позволить себе, хотя бы на время, «купить» княжество Монако, и это-де означало для него эдакое легкое развлечение. Разумеется, это была не просто забава, это был тоже бизнес, и не малый. Теперь Онассис имел в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Буэнос-Айресе свои конторы, роскошные апартаменты и дворцы. Но самый богатый из этих дворцов был на французской Ривьере, между Ницей и Каннами. (Именно в этом дворце в свое время жил английский король Эдуард VIII, когда, женившись на разведенной американке, он вынужден был отречься от английского трона и остатки дней своих доживал под именем герцога Виндзорского.) Онассис приобрел себе в виде крупного поместья в княжестве Монако не просто игрушку, но и финансовую опору, здесь был мягким не только климат, но и законы о подоходном налоге. Вскоре Онассис подружился с князем монакским Ренье, который так же, как и он, любил общество веселых и предприимчивых французских кинозвезд. Люди Онассиса тем временем на парижской бирже купили акции «курортной компании Монте-Карло». Тем самым под контролем Онассиса оказалась большая часть игорных домов и казино, поставивших львиную долю доходов монакского княжества. Предприимчивый грек получил возможность не только спекулировать земельными участками по всей территории княжества, но и власть над всей его территорией. Когда князь Ренье взял в жены известную американскую киноактрису Грейс Келли, Онассис подарил молодоженам ни много ни мало, как 1 млн. долл., а на яхту, на которой они совершали брачное путешествие, с самолета Онассиса была сброшена туча красных и белых гвоздик. (Красный и белый — национальные цвета княжества Монако).

И закончен этот эпизод с Монако был только под нажимом французского правительства. Париж, а в нем — человек строгих правил генерал де Голль стали искося, неодобрительно, поглядывать на эту дружбу, а главное

на то, что ранее находившееся под исключительным политическим контролем Франции княжество становится понемногу частным владением пускающегося в какие-то сомнительные аферы миллиардера. Находившееся в руках Парижа радио Монако в 60-х годах открыло кампанию против Онассиса, а французские банки пообещали неограниченные кредиты князю, если он выкупит у Онассиса обратно акции «курортного общества». И поскольку речь все-таки шла не просто об игровой площадке в гольф, а о небольшом, но государстве, то на весах перетянули не деньги, а чиновничья бюрократия. Государственный совет Монако под давлением французского правительства принял закон о выпуске новых акций «курортного общества» и тем самым в один миг из рук у Онассиса уплыл контрольный пакет акций. Другим решением государственного совета Монако было дано указание «обществу» скупить акции у Онассиса по 16 долл. за штуку; Онассис протестовал, утверждая, что акции стоят самое малое по 50 долл., но он угодил в ловушку, потому что с жалобой он мог теперь обратиться только в Верховный суд Монако, а тот действовал под строгим взглядом генерала де Голля. В конце концов Онассис был вынужден «отцепиться» от княжества. Это было одним из немногих его поражений, но для того, чтобы он его потерпел, понадобился авторитет великой державы, стоявшей за спиной опереточного государства.

Следующей «игрушкой» Онассиса, которая оставалась у него в руках до самой его смерти, была яхта. Великолепная, дорогая яхта, которую он нарек именем своей дочери «Кристина». Великолепие этой игрушки увеличивало то, что середина ее палубы была выложена мозаичной плиткой, вывезенной с острова Крит и устилавшей полы одного из древних критских дворцов. В случае необходимости одним нажатием кнопки мозаичный «пол опускался, и вместо палубы образовывался плавательный бассейн. Полы в каютах и коридорах на яхте были сделаны из красного дерева, множество картин французских импрессионистов и Эль Греко украшали стены салонов, а стойка в баре была обита кожей кита, стены ванных комнат выложены сиенским мрамором. Вся эта роскошь на протяжении многих лет была постоянной темой репортажей западноевропейских иллюстрированных журналов.

«Кристина» была не только роскошной яхтой, но и центром международных политических и деловых связей

Онассиса. На корабле была установлена такая система телефонной связи, что с палубы его можно было за несколько мгновений позвонить в любую точку земного шара. Собственная прямая телефонная линия связывала яхту с крупнейшими биржевыми центрами мира, а точнее — с имевшимися там представительствами Онассиса. А если ему нужно было лично присутствовать на каком-то совещании, то на задней палубе яхты постоянно находился в готовности самолет, пригодный к посадке как на воду, так и на сухопутные аэродромы.

На палубе «Кристины» текла настоящая «сладкая жизнь». Десятки кинозвезд — от Марлен Дитрих и Греты Гарбо до Элизабет Тейлор — прогуливались по мозаичному полу критского дворца, и на этом же корабле расцвела величайшая в жизни «дамского угодника» Онассиса любовь к Марии Каллас, восхитительной звезде оперных сцен мира 60-х годов.

Все это, подробно описанное, становилось достоянием широких читательских масс, как, например, и то, что дважды в день специальным самолетом из Парижа на корабль доставлялся свежее испеченный хлеб.

Однако свой «хлеб насущный» Онассис зарабатывал на этой яхте другим способом. Постоянными гостями на палубе яхты были во многом определявшие судьбы мировой политики лица. Их присутствие открывало для Онассиса тот своеобразный и удивительный мир связей, который облегчал ему деловые и биржевые маневры и давал возможность не считаться с законами, обязательными для всех прочих, «простых» людей и даже «простых капиталистов».

Среди этих великих мира сего наиболее доверенным и значительным другом предприимчивого грека был Уинстон Черчилль. Черчилль впервые появился на палубе «Кристины» в 1957 году, и начиная с этого времени до конца жизни он каждый год по несколько месяцев проводил в обществе Онассиса. (Один из биографов короля судовладельцев Фрэнк Бреди писал, что Онассис не раз яростно нападал на Черчилля, этого апостола антисоветской политики. В основном за то, что, по его мнению, на Ялтинской конференции, состоявшейся в заключительный период второй мировой войны, он не вынудил Рузвельта занять более жесткую политику по отношению к Советскому Союзу. Нужно ли упоминать, что за восемь лет, прошедших со дня первой встречи и до смерти Черчилля, Онассис стал действительным зна-

током английской деловой и внешней политики и всех самых секретных политических и личных связей, влиявших на английские интересы и интересы международных монополий.)

Черчилль был постоянным гостем, буквально квартирантом на яхте Онассиса. Но не так уж редко жывал на палубе яхты и Аденауэр, боннский канцлер, который окончательно поставил на якорь Западную Германию в американском порту и за время правления которого в ней наиболее отчетливо расцвела в международных масштабах деятельность возрождавшихся западногерманских трестов.

На палубе этого корабля впервые встретились Черчилль и Джон Ф. Кеннеди, позднее президент Соединенных Штатов. Жаклин Кеннеди, жена молодого сенатора, шедшего к президентской власти, тогда тоже впервые вступила на палубу яхты. Связь эта не прервалась и когда муж ее стал президентом. Жаклин Кеннеди посетила Онассиса на его корабле в сопровождении людей из американской секретной службы и сына бывшего президента Рузвельта.

Молодой Рузвельт тогда был заместителем американского министра торговли, и не требуется большой фантазии, чтобы предположить, что речь тогда шла о значительно большем, чем о простых каникулах супруги будущего президента в обществе вежливого заместителя министра торговли. Этот парный визит на яхту пресловутого судовладельца вызвал ожесточенную критику в американском сенате. Говорилось о коррупции и о том, что Онассис через Рузвельта хочет использовать министерство торговли, чтобы то помогло Онассису урегулировать с американскими властями все еще неразрешенные вопросы о налогах.

Для того чтобы показать, какое политическое и, конечно же, экономическое значение имели контакты на палубе «Кристины», есть смысл процитировать книгу «Разговоры с Кеннеди» Бенджамина Бредли, одного из ведущих редакторов газеты «Вашингтон пост». (Бредли был одним из тех в редакции «Вашингтон пост», кто руководил разоблачением памятного всем «скандала Уотергейт» в период пребывания на посту президента Соединенных Штатов Никсона.) Бредли пишет: «Кеннеди отлично понимал, что на приближающихся выборах 1964 года его контакты с Онассисом могут причинить ему много вреда. И потому он попросил свою жену

передать Онассису, чтобы тот до выборов не появлялся в США. В другой раз Кеннеди (зная наверняка, что выиграет выборы 1964 г.) говорил о том, кого бы он хотел видеть своим преемником на следующих выборах в 1968 году». На вопрос Бредли он отвечал так: «Первоначально я хотел бы, чтобы моим преемником был Франклин Рузвельт-младший. Но он своим посещением яхты Онассиса сделал это невозможным».

Для уровня связей и контактов миллиардера характерно, что уже через несколько часов после убийства президента Кеннеди Онассису поступило приглашение от начальника протокола Белого дома присутствовать на похоронах в качестве почетного гостя.

Уильям Манчестер в книге «Смерть президента», разбирая обстоятельства убийства Кеннеди, рисует довольно мрачную (а то и, пожалуй, даже страшную) картину, как вели себя обитатели Белого дома и гости в эти роковые дни. Нельзя не упомянуть, что помимо Онассиса из числа людей, не принадлежавших к семейному кругу, на похоронах был только Макнамара, позднее военный министр США, а тогда еще генеральный директор фирмы «Форд», а под конец — руководитель МБРР. Уже это само по себе дает представление о глубине этих контактов и связей, и что все это значило для бухгалтерии предприятий Онассиса. Пожалуй, наиболее характерный — и, может быть, наиболее отвратительный — эпизод в книге Манчестера — о том, над чем смеялись гости дома накануне похорон. «После ужина за кофе, — пишет Манчестер, — появился Роберт Кеннеди, младший брат убитого президента, министр юстиции, и достал из кармана в шутку заполненный чек, которым Онассис обязывался половину своего богатства пожертвовать в пользу голодающих бедняков Латинской Америки. Идея эта была встречена веселым смехом, все принялись поддразнивать Онассиса, настаивая, чтобы он подписал денежный документ. В конце-концов магнат вынул авторучку и греческими буквами начертал на чеке свое имя, а затем заявил, что он написал по-гречески, чтобы никто не принял это позже всерьез. И вообще, сказал он, ручка наполнена чернилами, которые после прошествия некоторого времени становятся невидимыми...»

Именно в этот день зародился и начал развиваться роман между миллиардером-судовладельцем и вдовой убитого президента. Так же как убитый президент и

претендующий на его освободившееся место следующий из братьев Кеннеди, Роберт считал эту связь Жаклин с Онассисом политически опасной, не говоря уже о браке Жаклин с Онассисом. Во время предвыборной кампании 1968 года Роберт строго-настрого наказал свояченице вплоть до самого начала президентских выборов не поддерживать никаких отношений с Онассисом. Когда же в 1968 году был убит и Роберт Кеннеди, Онассис это прокомментировал так: «Конечно, это трагедия для Америки, но Жаклин наконец-то освободится от этих Кеннеди».

После таких событий дошел черед и до заключения супружеского союза — между сыном торговца табаком из города Смирны и вдовой убитого президента США. Сложный альянс, политические и экономические последствия которого не выяснены и по сей день, был опутан сетью хитрых маневров Онассиса.

Есть, пожалуй, смысл привести несколько цитат из их супружеского договора, включавшего в себя 173 параграфа. Цифры могут рассказать об этом браке больше любого самого взволнованного комментария. 1. Жаклин Кеннеди получает от Онассиса при заключении брака 3 млн. долл. в виде свободных от налогообложения акций. 2. Если позднее Онассис решит расторгнуть брак, он в качестве компенсации обязуется выплатить своей супруге 10 млн. долл. за каждый год прожитой ими совместно супружеской жизни. 3. Если Жаклин Кеннеди сама решит развестись с супругом до истечения пяти лет совместного супружества, она получает в качестве компенсации только 20 млн. долл. Если она расторгнет брак после пяти лет, получит дополнительно еще 2 млн. долл. 4. Если к моменту смерти Онассиса брак еще не будет расторгнут, вдова получает 100 млн. долл. 5. Онассис выплачивает Жаклин Кеннеди по 10 тыс. долл. в месяц на содержание ее собственной квартиры в Нью-Йорке, 7 тыс. — на медицинские расходы, на парикмахера и косметичку. 6. 10 тыс. долл. предоставляются в распоряжение Жаклин Кеннеди на покупку новых платьев и 6 тыс. долл. в месяц — на содержание личной охраны.

Как видите, в данном обществе и в этой социальной обстановке тезис «человек становится товаром» не утрачивает своего значения и в его «верхних» сферах.

Пока под пологом «сладкой жизни» яхта «Кристина» превратилась в эдакую плавучую верховную ставку, где плелись сети деловых и политических интриг империи

Онассиса, имущество судовладельца, по официальным оценкам, уже перешагнуло рубеж в 1 млрд. долл. А принимая во внимание и «скрытые резервы», «осведомленные источники» неофициально оценивали его богатство в 2 млрд. В этот период своей жизни Онассис предпринял долголетнюю попытку превратиться в собственника — на этот раз действительного государства — целой большой страны.

Понятно, почему в качестве цели своей стратегической операции он избрал Грецию. Когда в 1957 году Караманлис был впервые избран премьер-министром, этот политик (представитель правых консервативных кругов) немедленно начал искать контакты с Онассисом. Он предложил Онассису принять в свою собственность слаборазвитую и убыточную компанию греческой гражданской авиации и построить большую судовой верфь на греческой земле. Но едва прозвучало это предложение, как свои услуги предложил родственник-конкурент Ниархос. За их состязанием скрывалась грандиозная, прямо-таки космических размеров, до конца так и не раскрытая коррупция. Караманлис и его партия поддерживали Онассиса, а находившийся на греческом троне король и прежде всего державшая в своих руках действительную власть Фридерика, королева-мать (одна из руководящих деятельниц организации «Гитлерюгенд» в Греции), поддерживали Ниархоса.

Помощь обоим миллиардерам предоставлялась не бесплатно. В конце концов битва финансовых тузов закончилась компромиссом: Ниархос получил право на создание греческой судовой верфи, Онассис стал безраздельным властелином греческого воздушного флота. Дав авиакомпанию имя «Олимпик», он уже в первый год истратил на ее развитие 15 млн. долл. Тем временем правительство Греции возглавил Папандреу — человек гораздо более прогрессивных взглядов и более строгий с точки зрения финансовой политики. Онассис попросил у него 30 млн. долл. в кредит, чтобы купить для своей новой авиакомпания три гигантских пассажирских самолета. Характерно для соотношения сил того периода и для стиля Онассиса, что даже в кабинете премьера Папандреу он позволил себе ставить условия. Во-первых, он потребовал от правительства, чтобы оно дало государственную гарантию на прибыль с его капиталовложений. Во-вторых, правительство должно было гарантировать запрет своей властью на будущее всяких забастовок в

авиационной компании «Олимпик». «В этом случае, — заявил Онассис премьер-министру, — не только я готов принять государственный кредит на сумму в 30 млн. долл., но и господину Папандреу перепадет кое-что из этих денег. Ведь премьер-министру и его партии всегда нужны деньги».

Это поползновение Онассиса потерпело крах. Папандреу велел в буквальном смысле этого слова вышвырнуть Онассиса из кабинета и распорядился, чтобы этого прохвоста больше никогда не пускали к нему.

Но история сделала еще один крутой поворот. Точно такой же, как в случае с Суэцким каналом: в пользу Онассиса. Путч «черных полковников» греческой армии сверг правительство Папандреу, и для Греции наступил самый тягостный, самый кровавый период в ее современной истории. Американские фирмы отпраздновали эти перемены в Греции, предоставив Онассису от авиационной фирмы «Боинг» тот самый кредит на покупку самолетов, который отказалось предоставить Онассису правительство Папандреу. Первые заокеанские полеты воздушных гигантов компании «Олимпик» совершались с того самого афинского аэродрома, где беломраморный вестибюль украшала фотография военного диктатора Пападопулоса.

Онассис уже по первым жестам «черных полковников» уяснил для себя, что они охотно продаются. Нужно только платить, и тогда для него открываются необыкновенные возможности, и если очень повезет, он сможет захватить в свои руки управление всей экономикой Греции.

Через несколько дней после женитьбы Онассиса на вдове убитого Кеннеди с палубы яхты «Кристина» поднялся небольшой самолет и взял курс на Афины. (Надо сказать, у оставшихся на корабле было несколько мрачного настроения. Дети давно оставленной Онассисом его первой жены Тины Ливанос, уже выросшие к тому времени и ставшие взрослыми Александр и Кристина, откровенно ненавидели новую жену отца, о которой вторая, тоже уже покинутая жена, Мария Каллас, сделала такое ехидное замечание: «Жаклин Кеннеди пошла за него замуж, чтобы иметь для своих детей дедушку».)

Но в Афинах Онассиса ожидал всемогущий и для него более важный, чем все прочее, бизнес. Он вел переговоры с представителями хунты полковников о том, что-

бы сделать в греческую экономику большие капиталовложения. В первом раунде Онассис назвал сумму в 400 млн. долл. В плане капиталовложений предусматривалось строительство алюминиевого завода, нескольких предприятий легкой промышленности, судоверфи и создание сети гостиниц. План, рассчитанный на много лет, предусматривал крупнейшие капиталовложения в истории Греции.

Однако диктатура «черных полковников» не могла строить прогнозы на дальний срок. Полковники считали, что они укрепят свою власть, если смогут выжать из Онассиса побольше денег — разумеется, пообещав ему соответствующую прибыль. Флотовладелец в этом отношении оказался сговорчивым и через несколько дней уже дал согласие на капиталовложения в размере 600 млн. долл. Но тут, однако, полковники неожиданно начали переговоры с его ненавистным конкурентом Ниархосом. Начиная с этого момента за экономической «шахматной доской» сидели уже трое, и темп переговоров сразу же замедлился. Шел жесткий и беспощадный торг. Полковники знали, в пользу какого из двух «крупных хищников» ни было бы принято решение, любой из них будет неограниченным властелином, королем греческой экономики и настоящим «вторым диктатором» страны. Это знал и Онассис и через узел связи на яхте «Кристина» попытался получить поддержку на вершине капиталистической пирамиды мира: поехал в США, где на палубе президентской яхты «Джулия» тайно встретился с президентом Никсоном. Очевидно, Онассис хотел заручиться помощью Белого дома для захвата в свои руки власти над всей экономикой Греции. Разумеется, подробности переговоров, проходивших на президентской яхте, никогда не будут опубликованы. Однако, когда позднее звезда Никсона закатилась, различные следственные комиссии конгресса выявили, что Онассис «пожертвовал» президенту Никсону в фонд его избирательной кампании, а также для украшения президентской резиденции, которая в то время возводилась в Калифорнии, несколько миллионов долларов.

Но тут история сделала еще один поворот — на этот раз неблагоприятный для Онассиса. Хунта «черных полковников» была свергнута еще до того, как Онассис успел прибрать к рукам экономику Греции. Для нового правительства было просто невозможно дальше вести переговоры с человеком, вызвавшимся сделать провалив-

шемуся режиму «черных полковников» подкожную инъекцию в несколько сотен миллионов долларов.

Но богатство его продолжало расти, и Онассис остался, как и прежде, одним из тех «крупных хищников», которые имеют абсолютную личную власть над всем их богатством.

С вершины путь ведет всегда только вниз. И этот путь был окантован черным трауром трагедии. Сын Онассиса, Александр, наследник «империи Онассисов»; разбился во время авиационной катастрофы. Дочь Кристина, чьим именем была названа яхта и которую срочно и поспешно начали вводить в суть коммерции, в этот запутанный лабиринт деловой жизни, с трудом выдерживала перегрузки. В 1974 году и сам Онассис тяжело заболел. Болезнь называлась — миастения гравис, усыхание всей соматической мускулатуры. Наиболее бросающимся в глаза симптомом были обессиливание всех мышц и их прогрессирующая вялость. Больше всего это было заметно на мышцах верхнего века глаз. Онассиса принялись лечить кортизоном, но болезнь остановить не удалось. Он мог отныне держать открытыми глаза, лишь приклеивая веки клейкой лентой к бровям или к вискам.

Конец миллиардера приближался. Но ему еще предстояло сделать «последний ход». И Онассис «достойно» закончил свою жизнь, прошедшую в бесконечных спекуляциях и деловых манипуляциях: он обманул Жаклин Кеннеди.

В первоначальном тексте брачного договора один из пунктов гласил: если Онассис умрет до того, как их брак будет расторгнут, вдова президента получает 100 млн. долл. Позднее, однако, в дополнение к этому договору Онассис написал завещание, в котором было добавлено, что Жаклин Кеннеди после смерти мужа назначается ежегодная пенсия в размере 200 тыс. долл., а дети ее до совершеннолетия будут получать по 25 тыс. долл. каждый. На основании этих двух документов «Джеки», разъезжая по самым дорогим местам развлечений вместе со своим супругом, у которого были подтянуты клейкой лентой веки, рассчитывала по крайней мере на 125 млн. долл.

Но тогда она еще не знала самого главного, что когда миллиардер-судовладелец вел переговоры с «черными полковниками» о судьбе греческой экономики, он поставил тайное условие вложения его капиталов в Греции: ради этого нужно будет частично изменить греческое

законодательство о наследовании. И рабски служившее диктатуре полковников Национальное собрание Греции изменило закон о наследстве в стране! Был принят новый закон, который официально назывался «Правила наследования для греческих граждан, проживающих за границей». Впрочем, можно было бы назвать его короче и проще: «Закон Онассиса». Ведь это он просил о принятии такого закона. И закон был скроен и сшит по его условиям. Суть же закона состояла в том, что если вступают в брак гражданин Греции и иностранка, то любые условия их брачного контракта в части, касающейся финансов, недействительны. Жена — негреческая гражданка не имеет права на получение даже $\frac{1}{4}$ имущества мужа, как это предписывалось старыми законами. Она может получить только определенную ей ежегодную пенсию — апанаж.

15 марта 1975 г., в субботу, в одной из парижских больниц Онассис скончался. А еще несколько дней спустя Жаклин Кеннеди была неприятно поражена, узнав, что стала последней жертвой этого плута.

На этом своем последнем трюке Онассис заработал 100 млн. долл. Правда, уже не для себя, но для флота Онассиса, которым отныне (от его имени и для обогащения клана) с палубы яхты «Кристина» управляют прилежные серые директора.

ХЬЮЗ - ЧЕЛОВЕК - НЕВИДИМКА

**СТРАННАЯ ИМПЕРИЯ — ЗАТЕНЕННЫЕ КОМНАТЫ —
МОРМОНСКАЯ МАФИЯ — КЛЮЧ К «УОТЕРГЕЙТУ»? —
НИТИ, ВЕДУЩИЕ В ЦРУ — «СУММА КОРПОРЕЙШН»: —
СМЕРТЬ В ВОЗДУХЕ**

В Манагуа, столице Никарагуа, в городе, разрушенном землетрясением, еще дымились развалины, когда в нижней палате английского парламента министру иностранных дел было задано несколько неприятных вопросов. Вопросы эти относились к одному мужчине, который в тот момент (в начале 1973 г.) занимал два полных этажа в новеньком отеле «Инн он зе Парк», построенном в лондонском «Парк Лейн». Звали этого человека Говард Хьюз, и те, кто в парламенте задавали вопросы министру иностранных дел, и тот, кто отвечал на эти вопросы, хорошо знали, что, по официальным данным, это второй — после нефтяного магната Поля Гетти — богатейший человек Америки.

А вопросы в британском парламенте относились в основном вот к чему: каким образом человек, приехавший из разрушенного Манагуа, без паспорта или других документов, удостоверяющих личность, мог получить разрешение на въезд в Великобританию? Задававший министру вопрос представитель лейбористской партии утверждал: в некоторых случаях оказывается достаточно, если въезжающий в Англию человек покажет на границе только свою чековую книжку, и тогда на паспортном контроле у него могут вообще не потребовать обязательного для других паспорта.

Позднее выяснилось, что компетентные власти Англии действительно закрыли глаза на такую «деталь», как отсутствие паспорта, и разрешили въехать в страну миллиардеру и сопровождавшим его лицам без всяких

документов, поскольку об этом их попросил лондонский банк Ротшильдов, сообщив при этом английскому правительству, что господин Хьюз собирается инвестировать в Англии по меньшей мере 130 млн. долл.

Не менее загадочной была и пересадка Хьюза на другой самолет на международном аэродроме в Майами. Миллиардер прилетел в Майами на небольшом частном реактивном самолете из Никарагуа, которая в то время еще была сферой деятельности американских монополий и семейства диктатора Сомосы. Для того чтобы переправиться через океан, нужно было, разумеется, пересечь на более прочный авиалайнер. Ну, конечно же, — не на обычный рейсовый самолет, а на флагман собственного воздушного флота Хьюза, оснащенный всем необходимым госпитальным оборудованием.

А в это время всемогущие финансовые органы США, располагающие даже собственной агентурной сетью, уже в течение многих лет гонялись за Хьюзом, поскольку имели серьезные подозрения, что он «задолжал» казне США по налогам миллионные суммы. Потому-то миллиардер с 1970 года и не ступал ногой на территорию США. Сначала он купил себе фешенебельную гостиницу на Багамских островах, потом перебрался в Никарагуа. И теперь только землетрясение «выкурило» его из гостеприимных покоев семейства Сомосы. Так что на короткое время он все же вынужден был вступить на американскую землю, на аэродроме Майами, — в черной широкополой шляпе, надвинутой на глаза, закутав в плащ свое измученное болезнью брэнное тело. Один из чиновников таможни опознал его и тут же известил об этом следственный отдел вашингтонского центра налогового управления министерства финансов. Работники центра связались с министерством юстиции. Но там они получили неожиданный для них ответ, который, кстати, исходил от самого министра: вам было сказано охотиться на всех, кто связан с Хьюзом по делам фирмы, но самого миллиардера не трогать. И загадочный человек беспрепятственно перешел в Майами из салона небольшого самолета на огромный «Боинг», с тем чтобы продолжать курс на Лондон, где его уже с радостью ждали Ротшильды.

Это был только один из тех, то загадочных, то возмутительных эпизодов, которыми так богата биография Говарда Хьюза. И не удивительно, что из всех крупных «хищников»-сверхбогачей ни один не волновал так аме-

риканское общественное мнение. Люди чувствовали: речь идет не просто о человеке с 3 млрд. долл. в кармане, но о миллиардере, биографию которого за последние 10 лет скорее можно назвать «историей болезни».

Говард Хьюз вырос в Техасе. Его отцу там принадлежал инструментальный завод под названием «Хьюз тул компани». После смерти родителя Хьюз в 19 лет унаследовал это предприятие, оценивавшееся в 500 тыс. долл. Главной продукцией завода было специальное снаряжение для нефтебурения. В течение многих лет оно приносило ему хороший доход. В годы накануне второй мировой войны и затем на вершине экономической конъюнктуры, последовавшей за нею, «Хьюз тул компани» пережила еще больший расцвет. Она-то и явилась основой богатства Говарда Хьюза в последующем. Дочерние предприятия этой компании вскоре можно было обнаружить во всех концах света. Сама компания и дальше продолжала заниматься производством оборудования для добывания нефти, но были у нее и заводы, производящие вертолеты.

Молодой Хьюз вскоре после того, как он вступил в наследство, отправился в Голливуд и начиная с 1930 года, ко всеобщему удивлению, сделался преуспевающим кинопродюсером, финансировавшим несколько шумевших фильмов. («Ангелы ада», «Человек со шрамом на лице», «Отверженный»).

Деятельность его как финансиста и мецената распространялась не только на фильмы, но и на кинозвезд. Он помог начать карьеру киноактерам Джи́н Гарлоу и Джейн Расси. Среди его любимцев и любимиц числились такие звезды, как Лана Турнер, Линда Дарнел, Джингер Роджерс и Эва Гарднер. (Эву Гарднер он однажды во время ссоры отхлестал по щекам, а та в ответ запустила Хьюзу в голову тяжелой бронзовой пепельницей, после чего миллионера пришлось две недели лечить в больнице.)

Биографы миллиардера рассказывают о патологически-гипертрофированном, почти болезненном требовании «чистоты». Один раз он во время свидания с известной киноактрисой нашел ее недостаточно чистоплотной. После ухода актрисы он приказал лакею сжечь всю одежду, в которой он в этот день ходил, — от шляпы до ботинок. Всех людей он разделял по степени «чистоты» на четыре группы: грязные, замарашки, умеренно грязные, умеренно чистые. О Катрин Хепберн, великолепной актрисе,

с которой его связывали узы дружбы, он однажды сказал: «Я очень ее любил. Она была очень чистой женщиной: на дню по четыре раза принимала ванну».

В середине 30-х годов внимание Говарда Хьюза переключилось на авиацию, что поразило специалистов по аэронавтике так же, как в свое время в Голливуде — знатоков киноискусства. Хьюз, не имея специального образования, оказался великолепным, с богатой фантазией, проектировщиком самолетов. Именно тогда он основал авиастроительный концерн «Хьюз эйркрафт компани». Этот с большим размахом задуманный авиаконцерн стал впоследствии вторым источником его богатства.

Вскоре после того, как Хьюз построил этот новый бастион своей «империи» (1936 г.), президент Рузвельт за заслуги в области проектирования самолетов и самолетостроения наградил Хьюза высоким американским орденом. (Хьюз был первым, кто применил «утопленные» заклепки, чем значительно снизил сопротивление воздуха и достиг большой скорости полета.) В 1937 году на его самолетах многократно устанавливались рекорды скорости и дальности перелетов (например, через Атлантический океан), а затем его самолет за 3 суток и 19 часов облетел вокруг Земли, что по тем временам означало мировой рекорд скорости и дальности перелета.

За годы второй мировой войны он, разумеется, многократно увеличил свои богатства, но в области конструирования самолетов миллиардер уже не достиг каких-то особенных успехов. Часто его излишне увлекала фантазия. Так, не принимая во внимание возможности технологии того времени, он создал восьмимоторный самолет, способный поднимать груз в 200 т или 700 человек. Машина была названа «Красивый гусь». Но изящная птица поднялась в воздух только один раз. Когда в американском конгрессе Хьюза стали обвинять в том, что на постройку этой модели попусту было истрачено более 18 млн. долл., Хьюз сам сел за штурвал «Красивого гуся». Однако и на этот раз машина смогла пролететь над аэродромом Лос-Анджелеса лишь 2 км, набрав высоту всего в 35 м. (С этого времени самолет Хьюза под строжайшей охраной находился в специальном ангаре, где за одну только аренду ангара приходилось платить 46 тыс. долл. в год.) По мнению отдельных биографов Хьюза, эта машина была примером «отрыва упрямого конструктора от действительности».

В годы второй мировой войны и непосредственно

после нее Хьюз некоторое время еще занимался одновременно и авиацией, и кинопроизводством. Отрыв упрямыца от действительности, впрочем, не мешал ему и дальше увеличивать свои сказочные богатства.

Даже самые авантюрные начинания каждый раз приносили ему большие прибыли. Одно время ему принадлежала знаменитая кинофабрика РКО, и, хотя каждый год она приносила убытки, Хьюз смог в конце концов выгодно продать ее, получив барыш в 10 млн. долл. прибыли.

Аналогичным было положение с авиакомпанией «Транс уорлд эйрлайнз» (ТВА), принадлежавшей с 1948 по 1966 год «империи Хьюза». В 1966 году, после долгих судебных тяжб и нескольких судебных приговоров, Хьюз продал акции ТВА за 546 млн. долл. — редкий случай, когда один человек получал такие деньги, выплаченные наличными и сразу.

Продав ТВА за огромную сумму, половину вырученных от реализации фирмы денег Хьюз очень мудро «перекачал» в два основных, принадлежащих его клану предприятия, а вторую половину (приблизительно 250 млн. долл.) обратил на расширение и финансирование Лас-Вегаса — «американского рая» для желающих поразвлечься и поиграть в азартные игры. С точки зрения прибылей это был тоже удачный ход: расцвет Лас-Вегаса, строительство отелей, увеселительных мест и игорных домов и казино и не в последнюю очередь связанная с этим строительством спекуляция земельными участками принесли Хьюзу новые несчетные миллионы. К середине 60-х годов и сложилась «империя Хьюза» в том виде, как мы ее знаем, когда к инструментальному заводу и авиационному концерну присоединился комплекс Лас-Вегас с его авантюристами и гангстерами как «третий столп» богатства Хьюза.

До 1966 года Хьюз, кажется, не переступал общепринятых и отнюдь не косных норм жизни сверхбогачей. После же этого «критического рубежа» таинственность и «атмосфера фантастики» так плотно окутали жизнь Хьюза, что многие стали уже подумывать: не сошел ли этот странный миллиардер с ума?

Началась эпоха полной отрешенности и замкнутости Хьюза, продолжавшаяся до самой его кончины. В эти годы его практически нельзя было увидеть где-то на публике. За десять лет он едва ли принял и поговорил лично с десятком человек. Да и то не более пяти ми-

нут с каждым. Финансовые дела «империи» он теперь обычно решал по телефону. (Некоторые из его телефонных разговоров длились иногда по нескольку часов.)

В местах, где теперь попеременно укрывался Хьюз, время, казалось, остановилось. Он видеть не мог календарей и часов, а окна в комнатах были плотно занавешены от дневного света. Его приближенные работали круглосуточно в три восьмичасовые смены. Это давало возможность миллиардеру независимо от смены дня и ночи общаться с миром (по телефону) и есть, и спать, когда ему заблагорассудится.

Прелюдией к таинственной эре в жизни Хьюза был эпизод, происшедший 27 ноября 1966 г., когда перед отелем «Дезерт Инн» («Пустыня») остановился грузовик для перевозки мебели. Внутри кузова на матрасе, брошенном прямо на дно кузова, лежал миллиардер. Поднявшись со своего матраса, он вошел в собственный специальный лифт, который вознес его в апартаменты из 12 комнат, оборудованных под настоящую крепость.

В этот вечер Говард Хьюз и исчез с глаз всего мира. Апартаменты охраняла гвардия из так называемой «мафии мормонов», вооруженных и специально отобранных членов мормонской секты. Странные типы были эти мормонские лейб-гвардейцы: наполовину — бизнесмены, наполовину — медицинские братья, и все — немножко гангстеры. Буквально каждый час они мерили Хьюзу давление, купали его и переодевали, разогревали ему, как правило, приготовленный из мясных консервов очень простой суп. Проходили годы, здоровье когда-то очень крепкого физически Хьюза становилось все хуже, и мормонам, ухаживавшим за истощенным до скелета миллиардером, приходилось выполнять все самые неприятные обязанности. Они пичкали понемногу впадавшего в сумасшествие Хьюза наркотиками. (Позднее он уже и сам стал делать себе инъекции, потому что им вдруг овладел страх, что члены мафии мормонов могут использовать плохо простерилизованную иглу.) Его мания чистоплотности, которая раньше казалась только странной, переросла в болезненность. Он постоянно все стерилизовал, вокруг валялись бумажные носовые платки из закрытых стерильных банок. Ни дверной скобки, ни стакана или даже ложки с ножом, а тем более — документов он больше не касался голыми руками. Кондиционеры в комнатах он велел выключить, потому что считал, что через них в комнату может проникнуть тлетворный,

опасный для жизни воздух, зараженный смертоносными бактериями. Одежду он тоже считал гнездом бактериносительства и постепенно привык лежать в комнате обнаженным на тщательно продезинфицированной простыне. Одежду надевал, только когда менял свои убежища.

Никто не знает точно, когда Говард Хьюз шагнул за грань сумасшествия, а с точки зрения бизнеса — вообще переступал ли ее когда-либо. Одни биографы считают, что потеря сознания и временное улучшение состояния перемежались, и эти улучшения сопровождались буквально вспышками гения и рождением новых блестящих деловых идей. Другие полагают, что до самой смерти, то есть до 1976 года, он вообще самолично руководил делами своей «империи».

В первом месте, где он скрывался от мира, на девятом этаже гостиницы «Пустыня», организм его был в относительно хорошем состоянии. Здесь, в апартаментах на девятом этаже, было сосредоточено на много сотен тысяч долларов электронного оборудования, которое позволяло ему немедленно вступать в радио-телефонную связь с любым из его предприятий. Специальное электронное оснащение исключало подслушивание его телефонных разговоров. По ночам 11 балконов его апартаментов освещались прожекторами. Снаружи на стенах были установлены телевизионные камеры, так чтобы из комнаты, где находилась охрана, можно было заметить любое подозрительное движение вокруг гостиницы.

Но с той поры, когда появились сыщики из налогового управления министерства финансов, он решил, что проще и дешевле будет управлять своей «империей» из-за рубежа. Электронное оборудование сопровождает его теперь во все места, которые он избирал для своих укрытий: от Багамских островов до Никарагуа. В Никарагуа впервые Хьюз сам заговорил о своем необычном образе жизни во время трехминутной беседы с диктатором Сомосой. Взгляд его при этом был слегка мутным, и вел он себя странно. А слова его были такие: «Я работаю над изобретениями, но мне постоянно мешают. Вот я и сказал своим людям, что не хочу никого видеть. Может быть, немного переборщил?»

В 1973 году, когда он укрылся в Лондоне (который он потом сменил на Багамские острова и Мексику), в занимаемой им гостинице уже не было ни прожекторов, ни телевизионных камер, укрепленных снаружи на стенах. Но все же и в Лондон он вызвал специалистов

по оборудованию гостиниц, чтобы задрапировать стены и окна черными гардинами и обеспечить покой для своей ослабленной нервной системы. Телохранители из мормонской мафии (Хьюз выбирал свою прислугу из круга именно этой религиозной секты, потому что все считают мормонов абсолютно неподкупными) сидели теперь уже и в его передней. Обслуживающий же персонал отеля не имел права входить в апартаменты, за исключением одной горничной, которая меняла белье, причем при этом обязательно присутствовали два вооруженных телохранителя. На дверях, разумеется, были установлены специальные замки с секретом, прежние замочные скважины были наглухо забиты.

Крупнейшие английские газеты напрасно нанимали на долгие недели дорогие апартаменты в соседней гостинице «Лондондерри» и направляли телеобъективы своих фотоаппаратов на окна покоев миллиардера: никому из них не удалось сделать ни одного фотоснимка Хьюза. В последние десять лет его жизни крупные американские и английские газеты предлагали 50—70 тыс. долл. за единственное фото Хьюза, но не нашлось никого, кому бы удалось выполнить этот заказ. Когда после смерти миллиардера вышла книга о его жизни, главы о периоде после 1966 года не содержали ни одной фотографии, их иллюстрировали только рисунки, сделанные на основании рассказов его бывших телохранителей.

А «империя Хьюза» продолжала расширяться даже и в годы, когда он прятался от людей, страдая от страшных болей и оглушая себя наркотиками.

Хьюз прежде всего следил за тем, чтобы связь с политиками, находившимися на вершине власти в стране, была обеспечена в финансовом отношении и была бы исправна машина, осуществлявшая его темные маневры даже тогда, когда он голый валялся на продезинфицированных простынях в занавешенных от света комнатах.

В этой системе связи были две решающие линии: связь Хьюза с семьей Никсона и сотрудничество с ЦРУ США.

Относительно президента нужно отметить, что Хьюз был первым, кто в 1956 году, то есть еще до своего «ухода» от общества, обратил внимание на Никсона, занимавшего тогда пост вице-президента. Обратил внимание и «одолжил без отдачи» ни больше ни меньше, как 200 тыс. долл. Деньги были переданы брату будущего вице-президента Дональду Никсону, который в то время попал

в весьма грязную историю, в результате чего и испытывал финансовые затруднения.

Но настоящую глубину его связей с домом Никсонов руководители американского законодательного органа разглядели только, когда стало известно о скандале в связи с памятным «делом Уотергейт». Полная правда об этом деле неизвестна никому и до наших дней. Ясно только одно (и таково мнение очень многих специалистов), что «дело Уотергейт», потрясшее самую основу американской политики и общества и повлекшее за собой беспрецедентное в истории США низвержение президента Никсона, началось как раз из-за того, что была вскрыта связь между Хьюзом и Никсоном!

Во время избирательной кампании 1972 года в «Уотергейте» — люкс-отеле неподалеку от Вашингтона, который и дал название этому делу, находился штаб демократической партии, противостоящей на выборах республиканской партии Никсона. Штаб Белого дома с ведома президента Никсона подкупил нескольких сотрудников ЦРУ, чтобы те добыли документы, изобличающие противника Никсона, и какие-либо другие секреты демократической партии. Агенты ЦРУ тайно проникли в гостиницу «Уотергейт», но одна из групп взломщиков попала в руки охраны отеля. Факт этот привел в движение лавину возмущения, которая поначалу обрушилась на мелких сотрудников аппарата Никсона, а затем, продвигаясь вверх, к центру власти, уничтожила политически и самого президента.

Расследования, производящиеся комиссией конгресса в связи с «делом Уотергейт», впервые обнаружили и множество убийств, совершенных агентами ЦРУ. Все это в конце концов повлияло и на мировую политику.

В ходе расследований, проводившихся комиссией конгресса по «делу Уотергейт», стало известно, что деньги от Хьюза получал не только брат Никсона Дональд, но и сам президент, Ричард Никсон. Речь шла о 100 тыс. долл., которые по поручению находившегося тогда уже «в бегах» Хьюза в бумажках по 100 долл. один из членов «мормонской мафии» передал близкому другу Никсона, бизнесмену по имени Чарльз Ребозо. Не установлено только, на что конкретно эти деньги были истрачены. Надо сказать, по «доброжелательным» предположениям, их использовали во время предвыборной кампании 1972 года. Но существуют и такие мнения, что частично Никсон на эти «добровольно пожертвованные деньги»

купил себе роскошное имение на берегу Тихого океана в Калифорнии.

Но судьбе было угодно скорчить странную гримасу. Оказалось, что во главе национального комитета демократической партии стоял Лоуренс О'Брайен, тоже человек Хьюза. Председатель комитета, лицо с большим авторитетом, был в это время руководителем бюро пропаганды предприятий Хьюза в Вашингтоне. Именно в его бюро в гостинице «Уотергейт» и была совершена кража со взломом с помощью агентов ЦРУ, нанятых Никсоном и его предвыборным штабом в Белом доме. На основании показаний, которые прозвучали затем перед комиссией конгресса по расследованию «дела Уотергейт», сделано это было потому, что Никсон боялся, что работавший на демократическую партию О'Брайен и служивший у Хьюза мог знать о 100 тыс. долл., переданных в виде взяток президенту, и 200 тыс. долл. — его брату. Поэтому Никсон и решил поручить одному агенту ЦРУ найти и изъять документы О'Брайена и разместить в его кабинете подслушивающую аппаратуру.

Дело это до конца так и не расследовали. Во всяком случае это предположение было единственным разумным объяснением причин кражи со взломом, прозвучавшим перед комиссией конгресса в ходе расследования потрясшего всю мировую политику «дела Уотергейт». До настоящего времени скандал этот остается наиболее ярким примером тех финансовых связей, которые всегда существовали и существуют между главными действующими лицами американского делового и политического мира. И только во время больших политических потрясений и скандалов удается (да и то не в полном объеме) разглядеть их в тумане «добрых услуг и доверительных отношений».

Другая нить связывала Хьюза с руководством ЦРУ. Родилась эта связь на базе фирмы «Хьюз эйркрафт компани», производившей ЭВМ для осуществления электронного шпионажа и детали к устройствам наиболее изощренной техники, которая устанавливалась на спутниках-шпионах. На основании заключенных в 1968 и 1975 годах 32 договоров между ЦРУ и заводами Хьюза ЦРУ заказало всевозможных инструментов и устройств для осуществления электронного шпионажа на сумму более 6 млн. долл.

Затем за 50 млн.долл. «Хьюз эйркрафт компани» по заказу ЦРУ построила гигантскую подводную лодку для

глубоководных погружений под названием «Гломар эксплорер». Подводный корабль был сконструирован таким образом, что он мог вонзаться в дно моря огромные стальные челюсти. Предназначение «Гломар эксплорер», судя по всему, состояло в том, чтобы разместить на поверхности морского дна инструменты и сигнальные приспособления для разведки против атомных подводных лодок, которую осуществляет ЦРУ.

Как бы то ни было, ясно одно: «Гломар эксплорер» является наглядным примером и доказательством связей, существовавших между разведкой США и «Хьюз эйркрафт компани».

Однако в эти «канаты связи» вплелись и другие нити. Возле Хьюза объявился некий таинственный бизнесмен по имени Роберт Маё. (В деле Онассиса мы уже встречались с этим именем.) Изначально Маё был сотрудником ЦРУ, и в ходе расследования, проводившегося комиссией конгресса уже после «дела Уотергейт», выяснилось, что еще в 60-х годах он служил в качестве агента в ЦРУ и был участником многих попыток покушений, в ходе которых работники ЦРУ, не без ведома Белого дома, собирались убить Фиделя Кастро. В результате работы следственной комиссии был пролит свет на девять таких попыток, предпринимавшихся в период между 1962 и 1970 годами.

Позднее Маё и Хьюз поссорились — в первую очередь потому, что Маё хотел использовать физическую немощь Хьюза в своих целях. Но до ссоры он был прямотаки «полномочным послом в миру» жившего по-монашески миллиардера. После ссоры Маё с помощью различных трюков попытался завладеть частью богатства Хьюза. Но миллиардер, хотя и был тяжело болен и предположительно уже близок к сумасшествию, смог нанести сильнейший ответный удар. Маё «уволнили без выходного пособия», из-за чего тот подал на своего шефа в суд. В ходе судебного процесса на поверхность всплыли новые подробности связи между Хьюзом и ЦРУ. Так, Маё предъявил суду документы, которые свидетельствовали о том, что Хьюз поддерживал связь со шпионской службой страны прежде всего из деловых соображений. Как видно из документов, замысел Хьюза состоял в том, чтобы с помощью связей с ЦРУ шантажировать американское правительство и, используя находившуюся у него в руках секретную информацию, помешать присмотреться к его собственным манипуляциям и деловым трюкам.

В результате этой судебной тяжбы сделался известным еще один элемент связи Хьюза с ЦРУ. Когда вашингтонский представитель фирм Хьюза О'Брайен сделался председателем национального комитета демократической партии, на его место назначили человека по имени Роберт Беннет. Белый дом вскоре направил к Хьюзу своего эмиссара, и тот по домашнему телефону переговорил с ведущим в то время уже замкнутый образ жизни миллиардером. В результате этих телефонных переговоров Беннет, разумеется на деньги Хьюза, купил занимавшуюся рекламой вашингтонскую фирму под названием «Маллен и компани». На самом деле «Маллен» с 1962 года была фирмой-прикрытием ЦРУ. Эта фирма имела своих представителей в десятке других городов по всему свету — от Стокгольма до Сингапура. Местные представительства рекламной фирмы на деле были резидентурами американской секретной службы. (Между прочим, президент фирмы «Маллен» Беннет и по сей день является одним из генеральных директоров предприятий Хьюза.)

Так что, наверное, правы авторы появившейся уже после смерти миллиардера книги «Документы Хьюза» Давенпорт и Эдди, когда утверждают: «Хьюз в своей коммерческой деятельности играл роль прикрытия для ЦРУ. Остается без ответа вопрос: что еще делал Хьюз по заданиям ЦРУ, о чем мы попросту не знаем?»

Под конец жизни Хьюз предпринял крупную реорганизацию своих предприятий. Это случилось уже после того, как он уволил Маё и хотел укрепить свою личную власть. Суть этой реорганизации состояла в том, что все свои предприятия, имевшие капитал на сумму около 3 млрд. долл., он свел в единую гигантскую акционерную компанию с единственным акционером. Полным хозяином стала фирма «Сумма корпорейшн», названная так в знак того, что эта фирма объединяет («суммирует») все предприятия Хьюза. В числе наиболее важных предприятий, входивших в «Сумма корпорейшн», были следующие: 1. Авиационная компания «Хьюз эйрвест»; 2. КЛАС-ТВ — телевизионная сеть; 3. Сеть отелей и игорных домов в Лас-Вегасе; 4. Гостиницы и землевладения на Багамских островах, а также в штатах Невада, Аризона и Калифорния; 5. Золотые и серебряные рудники; 6. Завод «Хьюз геликоптер». Кроме того, к «империи» миллиардера относилась упомянутая ранее «Хьюз эйркрафт компани». Из стремлений укрыть имущество от обложения нало-

гами и для лучшей маскировки связей миллиардера с ЦРУ все перечисленные предприятия «империи Хьюза» к тому же являлись собственностью фиктивного «Медицинского института». А институтом руководил исполнительный комитет во главе с Хьюзом в ранге верховного комиссара.

После серии приключений и загадок наступил конец, который настиг эту самую странную фигуру в «клубе сверхбогачей» на фешенебельном курорте Мексики в Акапулько. В ходе странствий Хьюз, пребывавший уже в очень болезненном состоянии, с Багамских островов переселился в Мексику, где на курорте в Акапулько арендовал для себя верхний этаж отеля «Герцогиня Акапулько». Хронический нефрит постепенно брал над ним верх. Он уже почти не принимал пищи и отказывался пить даже дистиллированную воду. 4 апреля 1976 г. главный представитель фирмы «Сумма корпорейшн» неожиданно вызвал самолет скорой медицинской помощи. Пилот и врач получили указание срочно лететь в Акапулько. В то же время в тexasском городе Хьюстон центр управления «империей Хьюза», занимавший два этажа небоскреба фирмы «Стандард ойл», поднял на ноги весь персонал лучшей больницы города. Главному врачу больницы было сказано, что скоро к ним прибудет тяжело больной Джон Конновер, нуждающийся в интенсивной терапии. 5 апреля в отеле «Герцогиня Акапулько» были перекрыты все выходы, а жители гостиницы, несмотря на протесты, были отправлены по комнатам. Вскоре после этого в холле гостиницы появилось шесть человек с носилками на колесиках. На носилках лежал худой, как скелет, весивший всего 40 кг старый человек. Лицо его закрывала кислородная маска.

Самолет взлетел из Акапулько, но живым Хьюз — «Конновер» на территорию США уже не прилетел. Он умер по дороге. Похоронили Хьюза в скромной могиле, рядом с его отцом.

В похоронах приняли участие всего 16 человек.

На другой день газеты написали, что начальник контрразведывательной службы ЦРУ грозный Джеймс Энглтон заплакал, когда узнал о смерти Хьюза. Говорят, что он якобы воскликнул: «Говард Хьюз! Если когда-то нужно было защищать интересы родины, этот человек знал, где его место в строю. Нам выпало большое счастье, что он был наш человек...»

ХАНТ и ХАММЕР - ДВА ПОЛЮСА

**«ПРОРОК» ИЗ ДАЛЛАСА — ТЕНЬ КЕННЕДИ — СОЕВЫЕ
БОБЫ И СЕРЕБРО — МИЛЛИОНЕР
В РЕВОЛЮЦИОННОЙ БУРЕ — КОНЦЕССИИ
И ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА — КАРЬЕРА «ОКСИ» —
СНОВА В МОСКВУ**

Продажный старый король уже давно был изгнан, и власть в Ливии перешла в руки поднявшихся на свержение монархии молодых офицеров во главе с полковником Каддафи. Мир еще отделяли целых три года от предстоявшего грандиозного нефтяного кризиса 1973 — 1974 годов и последовавшего за этим взрыва цен, а в ливийской пустыне уже вспыхнула война за нефть. Каддафи предъявил ультиматум нефтяным компаниям, предложив им сократить производство нефти, и пригрозил, что, если они не будут платить более высокую цену за нефть, он национализирует нефтяные промыслы. Нефтяные компании, относившиеся к «империи Рокфеллеров» («Стандард ойл» и ее «дочери»), и другие нефтяные гиганты сравнительно спокойно выслушали громы угроз, которые исходили из Триполи. Их предприятия густой сетью опутали земной шар, и они имели множество возможностей получить нефть в другом месте.

Однако две независимые нефтяные компании вели ожесточенные арьергардные бои с молодым руководством Ливии. Единственные крупные нефтяные залежи, принадлежавшие иностранцам (в данном случае Гарольдсону Лафайету Ханту — крупнейшему независимому техасскому «нефтяному барону»), лежали как раз под песками ливийской пустыни. Другая независимая крупная нефтяная компания «Оксидентл петролеум», находившаяся в руках Арманда Хаммера, по-видимому, пребывала в еще более тяжелом положении.

Старый Хант, неофициально признаваемый третьим

(после Гетти и Хьюза) богатейшим человеком мира, сам себя числил первым богатеem. У него даже было обыкновение, представляясь, говорить: «Вас приветствует Г. Л. Хант, самый богатый в мире человек!» (Рассказывали также, что однажды рассердившийся Гетти отправил Ханту послание: «Если вам так хочется, я отказываюсь в вашу пользу от почетного титула «самый богатый в мире человек»».)

Арманд Хаммер, миллиардер, владелец фирмы «Оксидентл петролеум», имел полное основание быть уверенным, что его богатства достигают миллиардных высот. Однако с богатством «хантовской империи» и он не мог состязаться.

Совместную борьбу, которую они повели против Ливии, проиграл сначала Хант, а затем — хоть и с меньшими потерями — и Хаммер. И вместе же они проиграли еще одно сражение, когда в разгар борьбы попытались заручиться финансовой поддержкой у «Семи сестер», семи гигантских трестов, объединенных в нефтяной картель.

На первый взгляд может показаться, что Гарольдсон Лафайет Хант и Арманд Хаммер, которые в борьбе с Каддафи хотя и применяли различные методы, но находились по одну сторону баррикады, ничем не отличаются друг от друга. На самом же деле похожи они только в том, что в мире сверхбогачей оба относятся к числу «одиночек».

Законы борьбы за прибыли лишь какой-то короткий период сделали Ханта и Хаммера людьми одинаковой судьбы. Биографии же этих двух людей, история богатства каждого из них при ближайшем знакомстве скорее иллюстрируют не их сходство, а коренное различие между ними. Мир капитала (и внутри его — мир сверхбогачей) слишком сложен для того, чтобы можно было согласиться с чьим-то стремлением представить их всех похожими друг на друга, как-то унифицировать. Династия Хантов олицетворяет крайне реакционное, почти фашистское течение, а на главу семейства даже падает тень соучастия в убийстве президента Кеннеди. Арманд Хаммер, напротив, человек прогрессивных взглядов, знал В. И. Ленина и был желанным гостем в Кремле. В 70-е годы Хаммер был награжден международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами».

Хант и Хаммер — враги. (В американских банковских кругах так и говорят: «Ха против Ха».) Их биогра-

фии скорее свидетельствуют о том, что и на вершинах капитализма в рамках беспощадных законов прибыли, тоже есть возможность выбора между многообразными, решительно отличающимися друг от друга по типу поведения моделями.

«Ха против Ха» — это два крайних полюса и, пожалуй, идеальная тема для написания «параллельных биографий».

Старый Г. Л. — основоположник богатства династии Хантов и глава целого клана, состоящего из законных и побочных детей, родился в 1890 году в маленькой деревушке в средней части Америки. Ландберг, известный исследователь богатейших американских семейств, сравнивал его в известном смысле с Фордом. Г. Л. Хант, как и Форд, был человеком, наделенным способностью быстро схватывать, потрясающим нюхом бизнесмена и «памятью слона». Он походил на Форда и тем, что при огромных природных способностях не имел никакого образования и всего только пять лет ходил в школу. Его точку зрения на вещи и явления так же, как и у Форда, часто определяли циничные интересы. Из этих характерных качеств Ландберг делает вывод, что позднее Хант, может быть, даже в большей степени, чем Форд, мог бы стать «пророком» и покровителем самой реакционной части американских политиков.

Еще до того, как опасным самоучкой-любителем ворваться в американскую политику, он прошел путь, обычный для основателей «династий богатеев»: был парикмахером и ковбоем, карточным шулером и лесорубом, строил железные дороги. За семь лет, начиная с 13-летнего возраста, он объехал почти все южные и западные штаты США, пока, наконец, не осел в Арканзасе, где принялся разводить хлопок. Но неожиданное падение цен на хлопок в 1921 году разорило его, и тогда с отчаяния он принялся искать нефть.

Он был одним из тех авантюристов, кого «нефтяная лихорадка» поманила в Арканзас, а затем в Техас и кто большей частью так и умер полунищим бедняком. Но Ханта не подкарауливала нищета. С первых же попыток он наткнулся на нефтяные залежи, что можно считать немисливо редкой, почти никогда не повторяющейся удачей, счастливым случаем. Начало его богатства теряется где-то в тумане. Семейное предание утверждает, что он купил необходимое для бурения первой скважины снаряжение что-то за 50 долл., да и те у кого-то там одолжил.

По другому варианту легенды (этот вариант приводится в книге Ландберга) Хант выиграл в карты требовавшиеся для буровых работ в Арканзасе деньги — скорее всего, применяя шулерские приемы.

На втором этапе он перенес свою деятельность в Техас. Здесь, в окрестностях города Килгор, он натолкнулся на типичного представителя переболевших «нефтяной лихорадкой» людей — старого бурильщика, которого и поныне упоминают в истории нефтяной промышленности США под кличкой «папаша Джойнер». «Папаша Джойнер» на огороде фермы некоей известной веселой вдовушки Дейзи Бредфорд, находившемся в такой местности, где, по мнению хозяев крупных компаний, нефти нет и в помине, пробил скважину и нашел фантастически богатые запасы нефти. С фермы Дейзи Бредфорд началась «вторая техасская нефтяная лихорадка». В окрестностях Килгора уже и дома ломали, чтобы на месте полутемных горниц воздвигнуть буровые вышки. Такие же вышки вздымались теперь даже среди надмогильных плит на городском кладбище. Удача «папаши Джойнера» поманила в Техас и Ханта. И здесь снова история его богатства погружается во мрак. Согласно официальному семейному преданию, он купил скважину у «папаши Джойнера» вместе с 4 тыс. га земель окрест за 1 млн. долл. Однако этой версии противоречит одно обстоятельство, а именно, каким образом при таких-то деньгах два года спустя «папаша Джойнер» оказался обитателем полуразвалившейся хижины в пригороде столицы Техаса Далласе, а умер — в доме для престарелых нищих. Хант же на гребне «нефтяной волны» взял курс на «страну миллиардеров». (До сего дня исследователи американской экономики не установили, каким образом, собственно, Хант приобрел те 4 тыс. га — уж не выиграл ли он их в покер?)

Появление миллионов у Ханта (как и вообще у всех «независимых нефтяных миллиардеров») не объяснишь, разумеется, одной игрой краплеными картами. Для этого понадобился ловчайший трюк в истории американской налоговой политики. А осуществление этого трюка было бы невозможным без денег на подкупы и взятки, которые так обильно потекли в карманы сенаторов и губернаторов в Техасе и в других «нефтяных штатах», как в свое время струилась нефть на задворках фермы Дейзи Бредфорд.

Официально техасцы этот гениальный ход называли «depletion allowance», то есть «сидка на истощение». Ра-

ди справедливости нужно добавить: выгоду от этого налогового трюка получали не только нефтедобытчики-одиночки, но в первую очередь крупные нефтяные монополии.

А суть трюка с налогами такова. Американские законы исходят из того, что, чем больше нефти дала та или иная скважина, тем меньше этой нефти остается в земле. Значит, ценность нефтеносного участка падает. То есть, чем больше скважина уже принесла дохода, тем меньше нужно за нее платить налог! Закон разрешает вычитать из налога до 28% годового дохода. А это означает, что если в какую-то нефтяную скважину было вложено 100 тыс. долл. и она на протяжении 10 лет дает нефти на сумму в 500 тыс. долл. в год, то за 10 лет из полученных доходов сначала можно вычесть почти 1,5 млн. долл., а затем в конце концов и вовсе освободить ее от обложения налогом.

Личная собственность хантовского клана и подобных ему за очень короткое время без больших усилий выросла до таких невероятных высот, для достижения которых Рокфеллеру, например, пришлось провести в борьбе половину своей жизни. Так возникла крупнейшая азартная игра нашего столетия.

Для этой игры, разумеется, обязательно нужно, чтобы миллиардер-суперспекулянт «купил» себе с помощью взяток, а иногда — шантажа нескольких ответственных деятелей из числа местных (а иногда и на государственном уровне) политиков и заручился их поддержкой.

Г. Л. Хант был настоящим мастером заводить знакомства и связи. Когда в конгрессе впервые прозвучали обвинения в его адрес в связи с налоговым трюком, Хант «привел в действие» тexasского сенатора Рейнберна, который в то время был руководителем сенатской группы от республиканской партии и одним из влиятельнейших политиков в стране.

На вершине «холодной войны», в начале 50-х годов, Хант через этих своих политических друзей вломился в джунгли правого крыла политической жизни Америки, как в свое время Форд — в начале 20-х годов.

Печальной памяти сенатор Маккарти, апостол «охоты на ведьм», который одно время имел грозную славу и представлял собой крупнейшую политическую силу в США, был партнером Ханта по картам, а Хант поддерживал самые сумасбродные затеи сенатора огромными денежными субсидиями.

Именно в это время Хант в качестве своего рода политической игрушки создал сеть радиостанций, фондов и газет, распространявших крайне правую, почти фашистскую идеологию. Прежде всего он принялся поддерживать деньгами заметно влиявшую на общественное мнение в Техасе авторитетную правую газету «Даллас морнинг ньюс», которой владел его друг Тед Дилей. (Когда Дилей умер в конце 50-х гг., его именем назвали ту самую площадь, на которой позднее был убит президент Кеннеди.) Всего у Ханта в Техасе и других юго-западных штатах Америки было более 330 радиовещательных станций, которые он централизованно, из 25 редакций в Вашингтоне, снабжал необходимыми материалами.

В соответствии с «лучшими традициями» американского крупного капитала Хант частично маскировал оголтелую пропаганду, пользуясь прикрытием так называемых фондов. (Как правило, эти «фонды» носили звучные имена: «Форум фактов», «Спасательный пояс», «Сияющая звезда».) Интересно, что даже вашингтонские власти не захотели занести эти организации, осуществлявшие политическую травлю, в официальный список фондов. Но Хант и так достигал своих целей.

Вот что пишет об этом Ландберг: «Было ясно, что у Ханта имелись и в центральном налоговом управлении таинственные и могущественные друзья. Эти «фонды», служившие целям пропаганды, получали полное освобождение от налогов. Один из них к тому же еще и с такой аргументацией: „это — организация, служащая религиозным целям“.

Чтобы показать, как далеко простирались эти связи, Ландберг приводит такой пример: в 1952 году, в канун президентских выборов, Хант перевел республиканской партии более 300 тыс. долл., в том числе 150 тыс. долл. в кассу генерала Макартура, находившегося на самом правом краю американской политики. Эйзенхауэра Хант считал «коммунистом» и хотел, чтобы президентом Соединенных Штатов стал генерал Макартур. Но и демократическая партия не прогадала: Линдон Б. Джонсон, вице-президент во время президентства Кеннеди, а позднее — президент, получил от Ханта 100 тыс. долл. Хант не забыл, что Джонсон, будучи сенатором от штата Техас, оказался не только надежным другом семейства Хантов, но и главным защитником их «налогового трюка», с помощью которого Ханту удалось поднять свои доходы от нефти до небес.

Но все это было только прелюдией к той драме, окончившейся убийством Кеннеди, в которой Хант сыграл зловещую роль, до сих пор скрытую в густом и, по-видимому, не дешевой ценою напущенном тумане.

(Напомним, что президента Кеннеди убили 22 ноября 1963 г. в городе Далласе. Созданная для расследования убийства комиссия, названная по имени верховного судьи «комиссией Уоррена», пришла к выводу, что никакого заговора в данном случае не было. Был убийца-одиночка — Ли Освальд. Комиссия зафиксировала, что Освальд во время попытки бежать встретился с одним полицейским по имени Типпит, с которым его раньше связывали не очень чистоплотные связи. Как утверждает комиссия, Освальд убил и Типпита. Немного позднее Освальда поймали. Однако никто его даже не допросил, а через несколько дней его застрелил некий Джек Руби, человек с темным прошлым, поддерживавший связи с кубинскими эмигрантами-контрреволюционерами. Пристрелил в гараже тюрьмы на глазах целой дюжины полицейских. За это Руби сам угодил в тюрьму. Здесь он пообещал верховному судье Уоррену дать подробные показания, при условии, что его переведут из Техаса в тюрьму в какой-нибудь другой штат. «Чувствую, — говорил Руби, — что в Техасе я приговорен к смерти». Его желание не было выполнено, и Руби при обстоятельствах, не выясненных по сей день, умер в тюрьме. В ходе опроса общественного мнения, проведенного в 1980 году, 65% американцев и сегодня убеждены в том, что Кеннеди был убит не убийцей-одиночкой, а пал жертвой политического заговора.)

В нескольких моментах биографии Ханта отмечается его почти прямая причастность к убийству Кеннеди.

Газета Дилея «Даллас морнинг ньюс» в день убийства Кеннеди опубликовала объявление на целую страницу. В этом объявлении фонда «Форум фактов», основанного и финансировавшегося Хантом, говорилось: «Добро пожаловать в Даллас, мистер Кеннеди!» Объявив затем президента «другом коммунистов», авторы требовали от президента ответа на 50 вопросов. Американский писатель Уильям Манчестер по просьбе семейства Кеннеди написал историю трагических дней в Далласе под названием «Смерть президента». Об этом «объявлении» автор сказал: «Оно — будто ордер на арест».

В то же утро одна из радиостанций Ханта в Далласе тоже передала довольно мрачный комментарий, в кото-

ром была такая фраза: «Если дела пойдут и дальше так, очень скоро наступит день, когда граждане Америки не смогут больше свободно покупать оружие, для того чтобы разделаться с предателями».

Причастность Ханта к «делу Кеннеди» была слишком ощутима, чтобы «комиссия Уоррена» оставила его просто без внимания, не упомянув в документах следствия даже имени нефтяного миллиардера. Но тем не менее обошлись с Хантом весьма деликатно. Еще бы, если учесть, что преемником Кеннеди, по указанию которого была составлена и «комиссия Уоррена» и кому затем были направлены после окончания работы комиссии все следственные материалы, был все тот же Джонсон, личный друг Ханта.

Но и «комиссии Уоррена» тоже пришлось пережить несколько неприятных моментов. Например, когда арестовали Руби, у него в кармане нашли напечатанный на машинке тот самый текст комментария, направленного против Кеннеди, который был передан радиостанцией Ханта. При допросе Руби признался, что 21 ноября, то есть за день до покушения, он в обществе некоей молодой танцовщицы посетил одного из сыновей Ханта — влиятельного руководителя хантовских предприятий Лама-ра — в его офисе.

Таким образом «комиссия Уоррена» признала тот факт, что между Руби и одним из членов клана Хантов накануне убийства президента произошла личная встреча. А ведь такая связь между миллиардером и владельцем увеселительного заведения, человеком с сомнительным прошлым, едва ли была возможной, если бы они не были знакомы раньше. Но комиссия удивительным образом решила пройти мимо этого факта, и по делу не был допрошен ни один из членов семьи Ханта.

В одном из пунктов отчета о проведенном следствии имеется такое свидетельское показание: председатель фонда «Форум фактов» некий Вайсман, опубликовавший на деньги Ханта пресловутое газетное объявление за шесть дней до убийства, встретился с Руби и полицейским Типпитом, тем самым, которого позднее по не выясненным следствием причинам застрелил Освальд. Эта встреча состоялась в увеселительном заведении «Карусель», принадлежавшем Руби. (Между прочим, Руби и сам признал, что ранее знал полицейского Типпита.)

«Комиссия Уоррена» предпочла не заниматься в ходе следствия этой линией. Общественное мнение Америки до

сих пор считает клан Хантов самым главным финансистом заговора, предшествовавшего убийству Кеннеди. Однако подтверждавшие это факты, как говорят американцы, «отбросили словно горячую картошку». И клан Хантов мог и дальше спокойно заниматься деятельностью по строительству и обогащению своей «империи».

После «дела Кеннеди» клан Хантов из предосторожности несколько уменьшил свою активную политическую деятельность и все силы обратил на увеличение богатства.

В 1974 году, когда старый Г. Л. Хант умер, богатство династии Хантов оценивалось по меньшей мере в 3 млрд. долл., а по некоторым оценкам, и в 5 млрд. долл.

Впрочем, и здесь часть богатства утекала по «подземным каналам», что делало точную оценку имущества миллиардера невозможной. Фактом, однако, остается то, что уже тогда во владении династии Хантов находились две крупнейшие нефтяные компании, стоявшие вне картелей, — «Хант ойл компани» и «Плесид ойл компани». Кроме того, семейство Хантов держало в своих руках крупнейший американский промышленный комплекс сахарных заводов и шахты, располагавшие угольными запасами в 2,5 млрд. т. Кроме того, Хантами управлялись еще приблизительно 250 предприятий. У Хантов были гигантские животноводческие фермы, причем не только в Соединенных Штатах Америки, но и в Австралии и Новой Зеландии. Они имели конные заводы с более чем сотней чистокровных рысаков, содержали одну команду профессиональных регбистов и «держали у себя в кармане» также крупнейшую в Калифорнии компанию по управлению недвижимой собственностью.

С начала 70-х годов Ханты начинают преимущественно играть на бирже и заниматься всевозможными темными спекуляциями. Конечно, речь идет не о каких-то малых проделках и ловких обманных трюках, а о настоящих стратегических операциях, которые были вполне «достойны» одного из самых богатых семейств Соединенных Штатов. После смерти Г. Л. Ханта эти спекуляции продолжили его многочисленные сыновья: основатель династии заботился не только о росте своего богатства, но и о росте семейства. От первой жены у него было шесть детей. Когда же супруга умерла, он женился на своей секретарше, приведшей с собой в дом его же четверых детей. Но вот Хант умер, вскрыли его письменный стол, и из документов, хранившихся в секретном

ящике стало известно, что у Ханта в США имеется еще четыре внебрачных ребенка.

Впрочем, финансовые дела «империи Ханта» вершили только законные или хотя бы «узаконенные» дети. В основном это были три брата — сыновья Ханта от первой жены: Нельсон Банкер Хант, Уильям Герберт Хант и уже упоминавшийся ранее Ламар Хант. Они-то и договорились о разделе между собой руководства всеми предприятиями концерна Ханта. Разумеется, раздел этот протекал не очень гладко. Еще при жизни отца трое родных братьев вели ожесточенную борьбу со своими «сводными братьями», детьми от второй жены. Для обеспечения успеха первые прибегли к помощи агентов ФБР, чтобы организовать наблюдение за вторыми. Метод слежки был очень прост: они записывали на магнитофонную пленку все телефонные разговоры представителей другой ветви семьи Хантов. Помог им в этом известный своими «правосторонними» симпатиями сенатор штата Миссисипи Истленд. Как выяснилось позднее, сам министр юстиции Джон Митчелл по его просьбе отрядил для этого нескольких надежных агентов ФБР.

Все дело трое братьев провели без шумихи, но с успехом. Они захватили всю власть и полное руководство «империей Ханта», лишив остальных и денег, и власти. И обо всем этом семейном скандале, наверное, никогда бы и не узнала общественность, если бы не разразился другой скандал, известный под названием «дело Уотергейт», после которого вынужден был уйти в отставку даже сам президент страны Никсон. Ведь и в этом деле тоже решающую роль сыграли подслушивание телефонных разговоров конкурентов и коррупция.

Потрясший всю Америку «Уотергейт» выбросил на поверхность и «семейный Уотергейт» клана Хантов. Трех братьев-победителей вызвали в сенатскую комиссию по расследованию, и те признались, что два сменивших один другого на этом посту министра юстиции США, высшие блюстители законов в стране, Джон Митчелл и Ричард Клейндинст, смещенные в связи с «делом Уотергейт», получили по 100 тыс. долл. каждый за их верную службу сыновьям Ханта.

Америка была возмущена, но затем, всем на удивление, дело застряло в лабиринтах правосудия. С головы сыновей Ханта не упал ни один волосок. Выяснилось: министры юстиции, «провалившись», уходят — миллиардеры остаются.

С тех пор эту аксиому подтвердило множество новых «проказ» в доме Ханта. И некоторые из них были такого масштаба, что от них закачался весь банковский мир Америки и даже фондовые биржи всего света.

Из серии больших «карточных ходов» достаточно будет упомянуть хотя бы два. Один, ставший известным общественности в 1976 году под названием «скандал с поставками сои». Второй тянулся почти 10 лет и представлял собой крупнейшую в истории капитализма «панаму» — спекулятивную биржевую сделку.

Расскажем сначала о «скандале с соей». В 1973 году президент Никсон запретил экспорт сои за пределы Америки. А поставки американской сои составляли 90% мирового экспорта, так что запрет Никсона фактически означал настоящую катастрофу для сельского хозяйства, в частности животноводства, Японии и поставил в трудное положение западноевропейские страны.

Династия Хантов отметила для себя, что в результате этого запрета цены на сою на крупнейших сырьевых и материальных биржах выросли в четыре раза в течение буквально нескольких месяцев. В 1976 году урожай сои в США снова был невелик, запасы ее на складах уменьшились, а цены снова начали расти. И тут-то биржи с удивлением констатировали, что хантовская династия уже с весны была готова к этому неурожаю. Оказывается, Ханты скупили (еще по недорогой цене) и все запасы прошлогодних соевых бобов, и еще предстоявшие осенние поставки на корню. На сырьевых биржах последовал взрыв цен: оказалось, что более $\frac{1}{3}$ всего урожая сои в США уже скуплено семейством Хантов. Комиссия, контролирующая зерновые биржи Америки, попыталась заставить братьев Хантов продать имевшиеся у них запасы сои пусть даже по высоким, но пока еще разумным ценам. Даже в момент этой попытки цены, предложенные контрольной комиссией, давали фамилии Хантов возможность заработать на этой спекуляции 100 млн. долл. Однако братья, наверняка подстрекаемые и поощряемые высокими покровителями, отвергли это предложение комиссии. И еще четыре месяца держали в своих руках значительную часть американских соевых запасов, а потом, на вершине конъюнктуры, продали ее. В результате, как показало расследование комиссии конгресса, эта спекуляция принесла Хантам прибыль в 250 млн. долл.

Началось шумное расследование дела комиссией конгресса. Но вскоре и его постигла та же участь, что и

расследование дела об убийстве Кеннеди и «семейного Уотергейта».

Клан еще вовсю занимался приготовлением блюда «соя по-Ханту», а уже в конце 1974 года началась подготовка следующей, еще более крупной спекуляции на бирже, которая вошла в историю экономики капитализма под названием «Серебряная битва». Следует признать, что для этой спекулятивной операции нужны были огромные капиталовложения, а также острый деловой нюх и способность принимать смелые решения.

К середине 70-х годов одним из признаков начинающегося экономического кризиса был стремительный рост цен на золото, что в основном было связано с поднятием цен на нефть и падением курса доллара. Братья Ханты с присущими им деловым инстинктом и нюхом учуяли, что под сенью этого необыкновенного взлета цен на золото можно сделать свой бизнес на серебре, втором по ценности благородном металле. (Они совершенно справедливо предположили, что прибыль здесь может быть еще большей, чем при торговле золотом, потому что серебро не так «на глазах» у всех, как золото, и обращение серебра не оговорено такими строгими международными правилами и законами, как обращение золота.) И вот с 1973 года братья Ханты через своих агентов на бирже начали скупать гигантское количество серебра, и к тому же по довольно низкой цене — 3 долл. за унцию (около 28 г). Скупка серебра шла на протяжении нескольких лет, и различные предприятия братьев Хантов хранили в своих подземных сейфах потрясающее количество драгоценного металла. Позднее, в 1975 году, агенты семейства Хантов установили контакт с иранским шахом, что означало для Хантов новый источник денег: теперь они скупали серебро «для иранского главы государства». Прошло еще три года, а семейство Хантов продолжало сидеть на скупленном серебре. Между тем цены на серебро стали быстро подниматься. В конце 1977 года унция серебра стоила уже 11 долл., то есть почти в четыре раза больше по сравнению с тем, сколько платили скупщики за серебро по поручению Хантов пять лет тому назад. В то время в бизнес включились новые «тихие компаньоны».

Посредником в «серебряном деле» был бывший техасский губернатор Коннели, позднее министр финансов США. (Коннели, который, кстати сказать, находился в машине Кеннеди в момент покушения на него и сам был

тогда легко ранен, в 1980 г. пожелал баллотироваться на пост президента от республиканской партии, но партия не выдвинула его.) Так вот Коннели и представил братьям Хантам в их ставке в Далласе на семейном совете одного из саудовских принцев, которого король Аравии послал в США изучить перспективы выгодного вложения в дело обильно поступавших теперь в саудовскую казну нефтяных долларов. Это посредничество оказалось успешным: начиная с 1978 года на серебряный рынок потекли деньги не только Реза Пехлеви, но и клана Саудов, разумеется, через братьев Хантов. Мечтавший о должности президента Коннели в результате этих действий тоже не стал беднее.

Случилось так, что пока поднимались цены на нефть и золото, цены на серебро незаметно, но постепенно тоже резко возросли. Взрыв цен на серебро был, пожалуй, даже большим, чем на золото. В самом начале 1980 года на американской бирже унция серебра некоторое время стоила почти 50 долл. Это было уже в 16 раз больше того, что платили Ханты, когда начинали скупать серебро. И эта цена на серебро была приблизительно на 50% выше официальных цен на золото 10 лет тому назад!

Как позднее выяснилось, к этому моменту $1/2$ мировых запасов серебра в самом буквальном смысле слова находилась в руках семейства Хантов, и стоимость этих запасов равнялась 7 млрд. долл.

Но тут братья пожадничали и совершили одну тактическую ошибку: они плохо определили готовность рынка поднимать цену на серебро и дальше, полагая, что новыми закупками ее можно поднять еще выше. И дали своим агентам на бирже распоряжение продолжать закупки. Поскольку к этому времени Реза Пехлеви был изгнан из Ирана и выпал из числа «тихих компаньонов», Ханты начали подбивать на этот бизнес своих «тихих компаньонов» из династии Саудов. Но такую новую спекулятивную волну рынок осилить уже не мог и курс серебра начал падать. Из трех крупнейших биржевых агентств два разорились. Фондовые биржи охватила паника. Однако Ханты и в этой ситуации вышли сухими из воды. Они, правда, вынуждены были освободиться от большей части запасов серебра по ценам, несколько ниже рекордных, однако прибыль от этой тянувшейся много лет спекуляции составила больше 100 млн. долл. (Понятно, точной суммы никто не знает.)

Не знает даже американский сенат, финансовая ко-

миссия которого назначила расследование по этому делу и вызвала к себе братьев Хантов. Но те направили в комиссию из своего штаба в Далласе послание. В нем говорилось, что их не интересует никакое расследование и что они вообще не склонны явиться в комиссию.

После того как улеглась «серебряная лихорадка», корреспондент одного из наиболее читаемых американских политических журналов «Ньюсуик» посетил братьев Хантов в их верховной ставке в Далласе. Но они и с ним не очень-то пожелали разговаривать и отвечали на его вопросы короткими, ничего не говорящими фразами. Репортаж об этой встрече журналист закончил так: «В конце визита, который едва ли можно назвать беседой, Банкер Хант, серебряный король, попросту повернулся ко мне спиной и отошел разглядывать что-то за окном. Он смотрел на площадь, стоя у того же самого окна на шестом этаже, с которого глядел вниз его отец старый Хант на караван автомобилей президента Кеннеди ровно за восемь минут до того, как прозвучал смертельный выстрел. Законы США писаны не для этих людей...»

Миллиарды обрамляют жизненный путь другого персонажа из параллельной биографии «Ха против Ха», хантовского антипода, миллиардера Арманда Хаммера. Того самого Хаммера, который, между прочим, одновременно с Хантом сторговался с представителями ливийского революционного режима относительно добычи нефти.

И все же история рождения богатств Хаммера — летопись совсем иного сорта. Она как бы служит доказательством того, что одинаковые или подобные интересы можно представлять методами, в корне отличающимися друг от друга.

Прапрадед Хаммера, носивший имя Владимир, уже в царской России считался богатым человеком. Он строил корабли для военного флота России. Но дед Хаммера в 1875 году потерял все свое состояние, вложив заработанные на строительстве военных кораблей деньги в оптовую торговлю солью. Добытую соль его представители хранили у Каспийского моря, в построенных на морском берегу складах. Неожиданно налетевший шторм смыл в море все запасы соли...

Практически разоренный дед Арманда Хаммера с женой и маленьким сынишкой Юлиусом эмигрировал в Америку, где вскоре стал «настоящим американцем»,

активным сторонником республиканской партии. Юлиус вырос, стал врачом. Политическая картина в США тех времен сложилась так, что он вступил не в республиканскую, как отец, а в крохотную социалистическую рабочую партию; находившуюся на левом крыле американской политики.

Сын его Арманд тоже стал врачом, но со дня получения диплома в 1921 году медициной не занимался. У него было исключительное деловое чутье, чем он славился уже в студенческие годы. Хаммер-младший, еще будучи студентом, начал приводить в порядок оказавшееся на краю финансового краха отцовское предприятие, производившее лекарства. В противоположность крупным фирмам он посчитал, что прекращение больших заказов времен первой мировой войны отнюдь не означает предстоящее свертывание фармацевтической промышленности. И он не уменьшил объем производства, не стал любой ценой избавляться от запасов сырья, а, наоборот, расширил предприятие. Его расчеты оправдались. Вслед за первой мировой войной на рынке появились новые медикаменты, а спрос на них возрастал. А ведь еще за несколько лет до этого, к моменту, когда завод находился на краю финансового краха, на нем трудилось всего несколько рабочих. Теперь же, к 1920 году, Арманд Хаммер, еще учившийся в университете, имел на своем заводе 1500 рабочих.

Производство медикаментов привлекло внимание молодого Хаммера к родине его предков — России. После гражданской войны молодая Советская республика боролась с международной интервенцией, политической изоляцией, экономической блокадой. Гражданская война и страшная засуха, приведшая к неурожаю, ввергли в упадок экономику страны. В отдельных районах России разразился голод, свирепствовали эпидемии. Ослабевшие люди нуждались в лекарствах. И Арманд Хаммер принимает решение: везти лекарства в Россию.

Он продал свою фабрику нескольким сотрудникам за 2 млн. долл. и на вырученные деньги купил списанный полевой госпиталь, лекарства и медицинское оборудование. Но чтобы пробиться в Советскую Россию; ему пришлось выдержать настоящую борьбу. В Англии, в главной стране — организаторе интервенции, чинуши Скотланд-Ярда даже посадили его на несколько дней под арест, найдя его миссию и цель поездки подозрительными. Запоздала и советская виза, так что 23-летнему

молодому предпринимателю пришлось отправлять в Москву «телеграмму протеста». 10 дней спустя Хаммеру, ожидавшему визу в Берлине, также телеграммой она была выслана.

Поездка в Россию в медленно тащившемся поезде была полна трудностей. Вагоны освещались взятыми с собой в дорогу свечами. Пассажиры старались избегать контактов друг с другом, боясь холеры и тифа. Москва тех дней носила на себе следы войны и страданий. На улицах — неубранный снег, незарытые ямы, выбитые витрины; на фасадах домов — следы от пуль и осколков снарядов. Люди плохо одеты и обуты, дети — часто босиком. Продукты давали на карточки и их не хватало. Молодой миллионер, обладавший к тому же хорошим аппетитом, зачастую был вынужден ложиться спать на пустой желудок. Полевой госпиталь и медикаменты он передал народному комиссару здравоохранения, который через несколько дней предложил, чтобы Хаммер в качестве гостя Советского правительства принял участие в ознакомительной поездке в составе одной комиссии по стране. Цель поездки комиссии: исследовать возможности восстановления промышленности на Урале и пуска в ход крупнейших предприятий этого индустриального района. Экспедицию возглавлял один из руководителей ВСНХ.

Комиссия путешествовала трое суток, прежде чем добралась до Екатеринбурга. (С 1924 г. — Свердловск.) Поезд шел по разрушенной войной стране, и Хаммер записал в свой дневник такие строки: «...Свирепствуют холера, тиф и всякие детские заболевания... Я думал, что я в студенческие годы на медицинском факультете закалился по отношению к человеческим страданиям, но при виде первого же поезда с беженцами меня охватил ужас. Мне сказали, что, когда поезд выходил из Самары, в нем была тысяча человек. Когда через несколько дней этот поезд прибыл в Екатеринбург, в живых уже осталось только двести. Наиболее сильных. Многие умерли с голоду, остальных скосили болезни...»

Хаммера потрясло зрелище полуразрушенного края, застывшие, как мертвые трупы, уральские заводы, шахты и фабрики и в то же время богатство Урала — платина, смарагды и другие драгоценные камни и огромное количество мехов. Руководитель комиссии сказал, что за все эти сокровища можно было бы купить тот самый миллион пудов пшеницы, который помог бы жителям Урала протя-

нуть до следующего урожая. А Хаммеру было известно, что американцы не знают, куда девать необыкновенно богатый урожай 1921 года. Три пуда хлеба в США можно купить за один доллар. Фермеры Америки, не представляя, что делать с лишним зерном, вынуждены были сжигать его, чтобы удержать цены от дальнейшего падения. Гость тут же на месте предложил, не обращая внимания на политические трудности и бюрократические препоны, организовать этот клиринговый бизнес.

Предложение его было принято. Хаммер отправил телеграмму своему старшему брату Гарри Хаммеру с просьбой закупить 3 млн. пудов пшеницы и срочно отправить в петроградский порт. А в письме написал, что в обратный путь корабли поплывут с грузом мехов, сырых кож и других товаров тоже на сумму в 1 млн. долл. Плюс пять процентов комиссионных. Телеграмма своей лаконичностью была характерна для Хаммера, человека, который позднее стал легендарным со своим кредо коммерческой деятельности: быстрая рекогносцировка на местности, честное деловое предложение и достаточная прибыль.

Вернувшегося через несколько дней в Москву Хаммера уже на следующее утро ждало приглашение к В. И. Ленину.

В своих мемуарах Хаммер описывает, что стол в рабочем кабинете В. И. Ленина был буквально уставлен книгами, завален журналами. В. И. Ленин вытащил из этой кучи номер выходящего и поныне научного журнала «Сайнтифик Америкен» и заговорил о том, что России нужна техника. Среди прочего, он сказал, что хотелось бы ускорить развитие отношений с Америкой, предоставив иностранному капиталу промышленные и торговые концессии. Хаммер и на этот раз отреагировал мгновенно. Он вспомнил, что во время своей ознакомительной поездки по Уралу видел заброшенный карьер, где раньше разрабатывались богатейшие залежи асбеста. Он сказал об этом В. И. Ленину, и тот тут же предложил Хаммеру концессию. Гость немного поколебался, но затем согласился.

Хаммера переселили в правительственную гостиницу, и он сразу же приступил к организации работ по подготовке концессии. Вскоре договор был утвержден ВСНХ.

Наконец, с некоторым запозданием прибыла в Петроград хаммеровская пшеница. В обратный путь корабли

загрузили мехами, а Хаммер получил полагающиеся ему пять процентов комиссионных.

После этого он еще раз виделся с Лениным осенью 1922 года. Во время встречи Хаммер рассказал вождю российского пролетариата о положении дел с концессией на добычу асбеста. Во время этого визита Хаммер вручил Ленину небольшую бронзовую фигурку. Статуэтка символизировала опасности, подстерегавшие человечество: на ворохе книг, среди которых была и книга Дарвина «Происхождение видов», сидела маленькая обезьянка и пристально разглядывала лежавший перед ней человеческий череп. В. И. Ленин принял подарок и, как вспоминает Хаммер, сказал о том, что, если люди не научатся жить в мире, развитие технологии погубит человеческую цивилизацию. Статуэтка эта до сих пор стоит на письменном столе в кабинете В. И. Ленина в Кремле.

Так началась не имеющая себе подобных в истории капитализма связь. Хаммер (таких примеров не встречается не только в истории сверхбогачей, но и среди просто бизнесменов) в течение 10 лет жил и работал в Советском Союзе. И богател.

Помимо концессии на добычу асбеста он первым подписал ряд крупных американо-советских торговых соглашений. Смелость и дальновидность его лучше всего проиллюстрировать примером, когда он отправился к отпетому «врагу красных», к уже известному нам Генри Форду, уверенный в том, что гениальный организатор и предприниматель победит в Форде плохого политика. И он не ошибся в своих расчетах, хотя первая фраза Форда была, прямо скажем, малообнадешивающей. Он сказал Хаммеру: «Да, действительно, русский рынок был бы для меня весьма кстати, но я не пошлю в Россию ничего до тех пор, пока там не поменяют строй». Хаммер, которому тогда было всего только 25 лет, возразил: «Ну, мистер Форд, если вы намерены ждать, пока переменится строй в России, то вам еще долго не удастся „делать там бизнес“».

Даже среди сверхбогачей, пожалуй, не нашлось бы другого смельчака, способного сказать такое самому Форду в 1922 году.

В конце концов дело завершилось тем, что Хаммер договорился с Фордом о поставке в Россию тракторов, а затем прибывшие в нынешний город Горький специалисты с заводов Форда оказали помощь по возведению первого в России крупного тракторного завода. Кроме

того, Хаммер был посредником при подписании торгового соглашения между Советским государством, установившим монополию на внешнюю торговлю, и Фордом о закупке большой партии деталей для тракторов на сумму в 35 млн. долл. После Форда Хаммер привлек к установлению деловых связей с СССР многие другие американские крупные фирмы. Все это делалось на традиционной основе 5% комиссионных. Но это был надежный источник заработка для фирмы Хаммера. А он смело вторгся в области самые неожиданные: скупал меха и невыделанные кожи, икру и строевой лес; он был первым, получившим чековую книжку в советском государственном банке. Он должен был выполнять только два условия: не покупать недвижимого имущества, а также переводить свою прибыль в доллары только один раз в году и тогда — с правом вывозить полученную прибыль из страны.

Со второй половины 20-х годов правительственные круги США начинают ставить все больше препятствий деятельности Хаммера в Советском Союзе, да и советская внешняя торговля развила собственные органы и сама вступала в непосредственные контакты и переговоры с иностранными фирмами. Изобретательный Хаммер все же нашел еще одну возможность сохранить для себя связи с экономикой СССР: на основании соглашения с Советским правительством он построил карандашную фабрику на базе местных графитов. (Для этого из Германии он «импортировал» нескольких лучших специалистов с фабрики Фабера.)

В 1930 году он покидает Советский Союз. Советское правительство, прощаясь с Арманом Хаммером, частично за наличные деньги, частично за акции с рассрочкой на три года приобрело у Хаммера его карандашную фабрику. Хаммеру разрешили после уплаты 15% налогов вывезти его имущество, приобретенное в Советском Союзе.

К этому времени Хаммер был уже одним из богатейших людей Америки. Его богатство, заводы и предметы искусства оценивались приблизительно в 100 млн. долл. Однако настоящим сверхбогачом его все еще не считали. Последующий период в жизни Хаммера в международных масштабах ничем не примечателен. Влиятельные представители американского капитализма яростно ненавидели пришедшего к власти Рузвельта, ограничивавшего деятельность монополий, а вместе с ним и Хаммера, который был помощником и другом Рузвельта. В 1940 го-

ду Хаммер выработал план, согласно которому США оказывали Англии, уже находившейся в состоянии войны с Гитлером (в обмен на предоставление некоторых английских военных баз), серьезную экономическую помощь. Позднее Хаммер работал вместе с доверенным лицом и «разъездным полномочным послом» Рузвельта — Гарри Гопкинсом. Он был одним из тех, кто еще до вступления Америки в войну разработал значительную и в то время очень важную военную программу помощи Англии, чтобы не дать ей рухнуть под ударами нацистов.

В знак памяти об этой дружбе после смерти президента Хаммер купил бывшее фамильное поместье семейства Рузвельтов — приходившее в упадок имение Кампобелло. За много миллионов долларов Хаммер отремонтировал жилой дом, привел в порядок парк, поручил своим людям разыскать старинную мебель семейства Рузвельтов, а затем все имение он подарил американскому правительству с условием, что Кампобелло будет мемориальным музеем Рузвельтов.

Разумеется, когда Хаммер сделал этот широкий жест (в 1963 г.), он был уже миллиардером. Добавим: особенным, не вписывающимся в обычные рамки миллиардером.

Характерно, пожалуй, для удачливости Хаммера, что ему буквально в руки валились новые и новые миллионы и тогда, когда он совсем уже намеревался уйти из бизнеса. В середине 50-х годов он почувствовал было усталость и признал, что пришло время отправиться на покой, в свой переполненный сокровищами искусства дом в Калифорнии. Он щедро дарил и писал благотворительные завещания. Подарил собрание картин старинных мастеров Южно-Калифорнийскому университету, другую коллекцию стоимостью в 25 млн. долл. — музею дистрикта в Лос-Анджелесе, коллекцию графиков — вашингтонской Национальной галерее. Много миллионов он пожертвовал «институту Джонса Солка» для организации при институте «центра раковых исследований имени Арманды Хаммера».

Но перед тем как сделать последний шаг перед окончательным уходом на покой, Хаммер решил посоветоваться со своими биржевыми агентами и юрисконсультами: во что лучше всего вложить капитал, чтобы он и в годы его отдыха растил богатства семейства Хаммеров. И его советники тогда впервые напомнили Хаммеру о законе, носящем название «Скидка на истощение запасов», который предоставлял возможность списывать

большие суммы из имущества, облагаемого налогом, на исследования в области нефтяной промышленности. В качестве примера они назвали семейство миллиардера Ханта и добавили: вложения в нефтяную промышленность полезны даже тогда, когда скважины, может быть, и не дадут никакой нефти. Ведь расходы по бурению неудачных, так называемых «сухих скважин» все равно списывались из общей суммы налогов. Вот тогда-то один из знакомых и посоветовал Хаммеру купить находившуюся на пороге разорения калифорнийскую нефтедобывающую компанию «Оксидентл». Мол, всю фирму можно взять за какие-нибудь 100 тыс. долл. Хаммер изучил состояние дел фирмы и увидел, что фирма и того не стоила. Однако он предоставил фирме заем в 50 тыс. долл. для того, чтобы покрыть расходы хотя бы еще двух-трех бурений. Риск был невелик, ведь в случае неуспеха сумму можно было вычесть из налогов.

И вдруг обе буровые скважины дали нефть. Акции фирмы «Оксидентл» мигом подпрыгнули на бирже с 18 центов до 1 долл. Хаммер тотчас же приказал скупить все ее акции, и через несколько месяцев у него в руках уже был контрольный пакет акций компании. С того времени будто добрый волшебник сказал свое заповедное слово на все его нефтяные скважины: буквально каждая из них стала давать нефть. Вблизи Сан-Франциско, в долине реки Сакраменто, где до того времени пробурили десятки «пустых» скважин, вдруг наткнулись на крупнейшие, вторые по величине нефтяные залежи в Калифорнии. Одна только эта территория оценивалась отныне в 200 млн. долл. Несколько месяцев спустя вблизи города Брентвуд был открыт и другой богатый нефтью регион.

Собственно говоря, так началась «вторая жизнь Арманда Хаммера», когда он вошел в число богатейших людей США вместо того, чтобы уйти на покой. (Заметим, что даже знаменитый хаммеровский буровик, мастер своей профессии, известный Джин Рейд стал обладателем 30 млн. — разумеется, не за счет зарплаты, а от владения акциями компании «Оксидентл».)

«Империя Хаммера» росла от месяца к месяцу. Поднялись к небу корпуса заводов по производству искусственных удобрений «Бест фертилайзерс компани» — совсем рядом с залежами природного газа фирмы «Оксидентл», и вот уже в течение очень короткого времени это предприятие стало крупнейшим в США по производству искусственных удобрений. Вскоре после этого геологи

Хаммера наткнулись в северной части Флориды на огромные запасы фосфатов, хотя специалисты в этой области еще полвека тому назад, когда во Флориде закончились разработки, объявили все существовавшие к тому времени разработки фосфатов истощившимися. Следующим шагом Хаммера было приобретение третьего по величине предприятия по производству серы в Соединенных Штатах — «Джефферсон-лейк сульфур компани» в Техасе.

На вопрос, какую роль в его жизни играли случай и удача, Хаммер один раз сказал: «Удача сопутствует тому, кто работает по 14 часов в сутки».

Скорее всего, Хаммер и сам относился к числу прилежно работающих по 14 часов в сутки, кому к тому же сопутствует удача. «Оксидентл» (прибыльные акции которой акционеры называли «Окси») поднялась в ряд самых сильных независимых нефтяных компаний, но заводы по производству искусственных удобрений все равно играли ведущую роль среди предприятий, принадлежащих Хаммеру. Для обеспечения бесперебойной деятельности своих фирм Хаммер «прикупил» еще и фирму ИНТЕРОРЕ, объединявшую международный трест по добыче руды, производство искусственных удобрений и посредническую деятельность по продаже искусственных удобрений. Новое приобретение позволяет Хаммеру сбывать свою продукцию в 60 странах мира.

Но самый обильный ливень долларов — хотя и на относительно короткое время — последовал только теперь. Когда весной 1956 года Хаммер появился в Ливии, которая в то время еще была феодальным владением короля Идриса, седовласый монарх, принимая Хаммера, воскликнул: «Аллах прислал вас в Ливию!» Разумеется, генеральный директор фирмы «Оксидентл» прибыл не по поручению аллаха, а по собственным делам.

До переворота, осуществленного под руководством Каддафи, Ливия была настоящей «землей Ханнаанской» для нефтяных компаний, и добиться новой концессии в этой толкучке и суматохе было нелегко. Однако Хаммер, прилетев в Ливию на специальном, переделанном из бомбардировщика «дуглас» самолете, нашел в отличие от конкурентов свой путь к получению концессии. Помимо обычных финансовых условий он пообещал отчислять 5% от полученной прибыли на развитие земледелия Ливии. Предложил он также, чтобы его буровики искали в недрах страны не только нефть, но (за отдельное воз-

награждение) взялись за оборудование в окрестностях оазиса Куфра и других пустынных местностях артезианских колодцев.

Хаммеру предоставили концессию, и после двух неудачных попыток фирма «Оксидентл» напала на богатейшее нефтяное месторождение в Ливии. Хаммер тотчас же приступил к строительству нефтепровода стоимостью 150 млн. долл., тогда самому большому в стране. Следующим шагом Хаммера была покупка фирмы «Сигнал ойл компани», одной из крупнейших в Западной Европе, имевшей собственные нефтеперегонные заводы, бензоколонки и станции обслуживания автомобилей. Имея же за спиной все эти опорные пункты, Хаммер готов был к надвигающейся схватке. Могущественный конкурент в области нефти, принадлежащая Рокфеллерам «Стандард ойл», дважды бросалась на штурм, намереваясь проглотить «Окси»; однако Хаммер, ловко маневрируя, сумел защититься. Он не только сохранил независимость своих предприятий, но за счет прибылей, полученных от ливийской нефти, купил третью по величине фирму по добыче угля в США, единственную, имевшую патент на эффективную переработку каменного угля в газ.

«Хаммеровский стиль», который первоначально в Ливии мог показаться размахистым и расточительным, в конце концов принес гигантскую сверхприбыль для «Оксидентл».

После победы Каддафи клан Ханта, представлявший «крайне правый» американский монополистический капитал, и реалистичный предприниматель Хаммер в одно и то же время вели переговоры с представителями нового ливийского режима. Вместе они просили финансовой поддержки у гигантских нефтяных компаний.

Но молодые офицеры при новом руководителе Ливии, как видно, очень точно определили разницу между владельцами этих двух фирм с одинаковыми нефтяными интересами. Предприятия Ханта они буквально тотчас же национализировали. С фирмой же «Оксидентл» Каддафи сотрудничал еще несколько лет; люди Хаммера помимо поисков нефти бурили и артезианские колодцы, а под конец Хаммер, получив соответствующую компенсацию, «организованно отступил».

Вступивший в должность президента Кеннеди одним из первых своих распоряжений назначил руководителя фирмы «Оксидентл» своим разъездным комиссаром по экономическим вопросам. Клан Ханта финансировал

провокационную агитацию реакционных кругов в Далласе, а в это же время Хаммер по поручению Кеннеди совершает поездки в Индию, Японию и Советский Союз. В Москве его принял и долго с ним беседовал А. И. Микоян, заместитель Председателя Совета Министров, знакомый ему еще по 1922 году, когда тот работал в Ростове и принимал поставленные при посредничестве Хаммера первые тракторы из США.

Хаммер по поручению Белого дома вел переговоры по заключению с СССР крупного клирингового соглашения: в обмен на поставки газа на сумму в 3 млрд. долл. американцы импортируют в Советский Союз гранулированные искусственные удобрения.

Другой характерный эпизод из того же периода времени: один американец, торговец произведениями искусства рассказал Хаммеру, что у него хранятся два письма В. И. Ленина. Одно из них — Кларе Цеткин, всемирно известному руководителю немецкого рабочего движения. Хаммер купил эти письма и передал их Советскому Союзу.

Разумеется, высоко ценя человеческие и дружеские жесты, мы не забываем о том, что Хаммер — отнюдь не «человек эмоций». Он далек от того, как утверждали финансируемые его конкурентами газеты, «чтобы служить русским». Просто он реально оценивал ситуацию, отлично зная, с кем имеет дело и как нужно поступать, чтобы заключать взаимовыгодные сделки.

Свою здоровую деловую философию он и выразил в одной из лекций, прочитанной им редакторам американских экономических и финансовых газет и журналов. Выступить с этой лекцией его попросили в связи с подписанием очень крупного торгового контракта между консорциумом во главе с фирмой «Оксидентл» и СССР. (Это был расширенный вариант предыдущего соглашения об обмене советского газа на американские удобрения. Теперь сумма торговой сделки поднялась до 8 млрд. долл. — крупнейшее соглашение в истории советско-американских торговых связей.)

В лекции перед редакторами экономических журналов миллиардер Хаммер сказал: «Я — капиталист. Всем, кто меня знает, известно, какой я решительный сторонник капитализма. Просто я уверен, что с коммунистами можно иметь деловые отношения. Они свой строй никогда не изменят, считая, что их строй лучше нашего. Но прямая телефонная линия, связывающая Вашингтон с

Москвой, так называемая «горячая линия», существует не для того, чтобы связывать бомбоубежище Белого дома с Центральным Комитетом в Кремле. Самая «горячая линия» американского делового человека — это та, которая связывает его с русскими торговыми представителями для регулярного ведения переговоров, для обмена мнениями. Я пережил слишком много всяких поворотов в международной деловой жизни, чтобы не понимать, что у двух великих держав мира еще всегда найдется время, если они захотят, отойти друг от друга. Идеологически они никогда не будут партнерами, но экономически — да. Если бы мне потребовалось в одной фразе сформулировать советы, которые я мог бы дать как американский деловой человек, ведущий переговоры в Москве, я сказал бы: „Дорабатывайте очень осторожно и тщательно каждую деталь договора, потому что, если ты однажды что-то подписал, советские представители уж позаботятся о том, чтобы ты это подписанное выполнил по всем пунктам. Но и они со своей стороны выполнят договор очень точно“».

ИТТ - международная супермодель

**ХАРОЛД СИДНЕЙ ДЖЕНИН — СОСТЕНЕС БЕН —
ВЕСТРИК — ЛИНИЯ ДАЛЛЕСА — СТРАТЕГИЯ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ — ДЛИННЫЕ РУКИ — ЦЕЛЬ:
ЧИЛИ**

В Брюсселе на самой шикарной и аристократической улице, среди дворцов на авеню Луи в небо взвился небоскреб из стекла с надписью крупными буквами на фронто-не: ИТТ. Это европейская ставка самого крупного (и добавим, пресловутого) в мире так называемого «супернационального треста». Стекланный дворец относится к числу крупнейших деловых центров в бельгийской столице, но он не может сравниться по своим размерам с другим зданием, которое находится в Нью-Йорке, на Парк авеню, с небоскребом верховной ставки ИТТ в США.

Разумеется, трестом (полное его название «Интернэшнл телефоун энд телеграф корпорейшн» — Международная телефонная и телеграфная корпорация) целиком и полностью управляют именно отсюда, из стеклянного дворца в Нью-Йорке. Настолько, что, когда в «малом небоскребе» в Брюсселе раз в месяц открывается пленарное заседание правления ИТТ, часы на стене огромного конференц-зала показывают только нью-йоркское время.

120 менеджеров, генеральных директоров предприятий, которые занимают свои места за круглым столом в бруссельском дворце, решают судьбу десятков тысяч рабочих и чиновников и ворочают капиталом во много миллионов. Но в этом зале они кажутся маленькими мальчиками, с робким трепетом поглядывающими на сидящего в центре стола человека невысокого роста, с птичьим лицом, в очках в золотой оправе. Зовут этого человека Харолд Сидней Дженин. Он президент ИТТ

с неограниченными полномочиями, то есть глава того самого гигантского треста, который в ряду других гигантских американских фирм («Дженерал моторз», «Стандард ойл», «Форд», «Дженерал электрик») занимает пятое место. Но это пятое место среди американских промышленных гигантов особое. Если принимать во внимание международные связи этой монополии, то многие считают ее скорее наднациональной, располагающей деловыми контактами во всем мире, и, таким образом, она соответствует современному представлению о мультинациональном монопольном тресте, являясь его типичным образчиком.

120 менеджеров в конференц-зале дворца в Брюсселе с робостью смотрят на властелина мировой империи. У ИТТ имеются предприятия и «интересы» в 90 странах мира, она уже давно перешагнула рамки понятия «телефон и телеграф». Трест ИТТ занимается самыми различными видами бизнеса, всем — от электроники до строительства домов, от отелей до хлебопекарен. На его предприятиях работает полмиллиона человек.

Антони Сэмпсон, английский исследователь и журналист, первым создавший книгу по истории этого предприятия, так описал его размеры: если самолет Дженина собирался приземлиться на каком-то из аэродромов, то его посадкой наверняка управляла система, изготовленная в ИТТ. Если он собирался в такси поехать с аэродрома на деловое совещание, то это была наверняка машина, принадлежащая ИТТ. Гостиница, в которой он останавливался, — один из фешенебельных отелей треста «Шератон», который тоже относится к ИТТ. Снимая телефонную трубку, включая радио, проигрыватель или телевизор, он пользуется одним из аппаратов какой-то дочерней фирмы ИТТ. Если вечером он поднимал свой взгляд к небу, то мог созерцать, как над ним кружится спутник одного из предприятий ИТТ. А если президенту Соединенных Штатов Америки вдруг придет в голову позвонить по «горячей линии» (из Вашингтона в Москву), американскую часть этой линии наверняка строила фирма ИТТ.

Что касается личности Харолда Сиднея Дженина, то она знаменует собой характерные черты, которые отличают сравнительно молодой гигантский трест ИТТ от других могущественных предприятий, родившихся еще в XIX веке.

Дженин прибыл в Америку не потомком одного из

«разбойников-баронов» и уселся в кресло руководителя гигантского предприятия США не как наследник Рокфеллера или Форда. Его просто отыскивали и выбрали для этой роли члены специальной комиссии осенью 1957 года — в тот бурный период истории ИТТ, когда она переживала кризис и подбирала подходящего человека на пост генерального директора. Дженин родился в Англии в 1910 году, отец его был русский, мать — английская гражданка итальянского происхождения. Когда ему было около одного года, родители его эмигрировали в Америку. По образованию он — бухгалтер. Более двух десятилетий проработал на все более ответственных должностях в американских крупных предприятиях, пока не получил назначение на пост вице-президента концерна «Рейтеон», занимавшегося электроникой. Здесь, в городе Бостоне, его и открыла «комиссия по розыску талантов» и вознесла на головокружительную высоту, в кресло генерального директора ИТТ. А было ему тогда 49 лет.

Итак, в данном случае речь идет не о счастливице, унаследовавшем богатство, а о человеке, который в школе жизни, суровой и беспощадной, добился-таки своего. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что для королей-менеджеров типа Дженина свойственны в основном те же людские качества, которые в свое время позволили Рокфеллеру или Форду подняться на вершину богатства. Поведение этого нового типа менеджеров определяется такими же требованиями, какие капитал предъявляет ныне и внукам Рокфеллера, то есть тем, кто представляет третье поколение династии капиталистов-монополистов. Словом, фирма ИТТ еще до появления Дженина была уже крупным предприятием. И сегодня Дженин ведет себя, как король. С нескрываемым презрением с высот ИТТ он взирает на настоящих премьер-министров и королей. (Один раз он достаточно долго заставил ждать у себя в приемной бельгийского короля, а когда ему предстояли переговоры с сидевшим тогда еще на троне шахом Ирана, он за несколько часов до условленного времени, сославшись на другие более срочные дела, отменил встречу с шахом.)

Однако Харолд Сидней Дженин не первый король ИТТ. Имя первого короля — Состенес Бен. Именно он был тем самым деловым мужем, который придал нынешний облик тресту ИТТ.

История ИТТ берет начало в 1920 году, и это говорит о том, что речь идет о молодой, родившейся после первой

мировой войны монополии. Состенес Бен в то время был демобилизовавшимся из американской армии майором. Вместе со своим братом Эрнандо он основал на острове Пуэрто-Рико небольшую телефонную компанию. Во многом потому, что семья Бенов проживала неподалеку от Пуэрто-Рико, на Виргинских островах, относящихся к группе Малых Антильских островов.

Состенес Бен родился тоже здесь. Отец его был датчанин, мать — француженка. Перед тем, как в первую мировую войну его призвали в армию, он работал на предприятиях своего дяди. У старика был сахарный завод на острове Пуэрто-Рико. Когда Состенес Бен демобилизовался, один из компаньонов дяди, имевший, кроме того, находившуюся в довольно плачевном состоянии телефонную сеть, разорился. Бен с помощью дяди купил прогоревшее предприятие и внес свою малюсенькую фирму под громким названием «Интернэшнл телефоун энд телеграф» в список американских компаний. Суть этого трюка состояла в том, что в Соединенных Штатах уже существовала могущественная компания, владевшая всей телефонной и телеграфной сетью США, — АТТ («Американ телефон энд телеграф компани»). Хитроумные братья Бены рассчитывали, что партнеры, которые вели с ними дела, спутают эти две фирмы — ИТТ и АТТ — на первых переговорах по деловым вопросам и будут взирать на них с уважением.

До сего времени находятся историки мировой индустрии, которые считают, что Примо де Ривера, испанский диктатор в 20-е годы, который был первым крупным деловым партнером Бена, вначале принял ИТТ за АТТ. Другие же считают, что братья Бены успешно провели переговоры в Испании потому, что как пуэрториканцы великолепно говорили по-испански.

Одно точно — благодаря Примо де Ривере эта крохотная, ничего не значащая фирма получила свой первый крупный заказ. Диктатор Испании решил реорганизовать и модернизировать находившуюся в страшно запущенном состоянии телефонную сеть Испании. А Состенесу Бену, который отправился в Мадрид в надежде сделать бизнес, довольно быстро удалось установить контакты на высоком уровне, и в первую очередь с одной аристократической испанской семьей — потомками герцогов Альба. Состенеса Бена представили королю Испании Альфонсу XIII. Благодаря этим связям он уже легко получил важный выгодный договор, в результате

которого возникла фирма «Компания телефоника де Эспанья» — первое дочернее предприятие ИТТ за границей. Президентом ее стал герцог Альба. Характерно для тогдашнего положения ИТТ, что Состенес Бен только после подписания испанского договора начал «разыскивать» для фирмы американских специалистов, с помощью которых он мог действительно осуществить реконструкцию телефонной сети Испании. Тогдашняя ИТТ со своими малыми средствами едва ли была на это способна.

«Испанский бизнес» ИТТ, как видим, содержал известные элементы блефа. Однако он вызвал интерес на нью-йоркской бирже, в результате чего авторитет, а также курс акций ИТТ начали подниматься.

Двумя годами позже Состенес Бен во второй раз отхватил «главный выигрыш в лотерее». В то время комиссия американского сената по борьбе с трестами расследовала дело концерна «Вестерн электрик». Решением комиссии эту фирму обязали продать свои предприятия за границей. Братья Бены, получив заем от мorganовского банковского дома в размере 30 млн. долл., купили на эти деньги заграничные дочерние предприятия фирмы «Вестерн электрик». Ныне эти предприятия под вывеской «Интернэшнл стандарт электрик» представляют собой наиболее ценную часть империи ИТТ.

Вот вам еще одно доказательство, что в условиях современного капитализма такие «мероприятия по декартелизации» — одна только видимость. Заставив одну монополию продать свои заграничные филиалы предприятия, американский сенат попросту помог другой многократно усилить свое могущество!

После двух таких «главных выигрышей» в деловой лотерее Состенес Бен начал укреплять свою маленькую «империю». В его характере было применять блеф, и он поднял этот «метод» на невиданную высоту.

В Нью-Йорке, на Брод-стрит, он купил себе небоскреб в 33 этажа и роскошно обставил его, хотя тогда, в 1928 году, материальное состояние фирмы еще не очень-то позволяло покупать такую дорогую мебель и обстановку для большого небоскреба. Его рабочий кабинет был меблирован в стиле эпохи Людовика XIV, а в огромной столовой штаб-квартиры ИТТ французский повар еженедельно устраивал банкеты на много сотен персон для деловых друзей карабкающегося вверх Бена. Кто только ни перебивал в этом небоскребе на Брод-стрит. Буквально все финансовые короли, от

Генри Форда и Рокфеллера до членов семейства Моргана и Ротшильдов. Вскоре Бен, через свои связи в Испании наладив контакты и с папой римским, получил заказ на телефонизацию Ватикана.

По такому случаю на стену в рабочем кабинете Бена был водружен портрет папы Пия XI, а по окончании работ Бен подарил тому телефонный аппарат из чистого золота.

Добившись всех этих успехов, Состенес Бен окинул взглядом рынок сбыта и пришел к выводу, что в самих Соединенных Штатах он пока еще не мог состязаться с могучими конкурентами. И он решил сосредоточиться на борьбе с одним из крупнейших в то время (и до сих пор) трестом в электропромышленности Германии, с «Сименсом». Этот трест в то время тесно сотрудничал с заводами «Эрикссон» в Швеции, во главе которых стоял шведский «спичечный король» Ивар Крюгер. Наступление против треста «Сименс» Бен начал сразу на двух фронтах. Во-первых, он предложил в 1930 году союз другому крупному германскому тресту в электропромышленности — сопернику «Сименса» — фирме АЭГ. Совместно с АЭГ они создали фирму под названием «Электротехническая компания Стандарт». И почти в то же время Состенес Бен купил у голландского треста «Филипс» акции старейшей в электропромышленности германской фирмы «Лоренц». На другом направлении атаки Бен сумел обойти амбициозного Ивара Крюгера, и швед вынужден был продать часть акций заводов «Эрикссон». Взамен Крюгер получил 11 млн. долл. наличными и кучу акций ИТТ, а также место в директорском совете ИТТ.

Уже упоминавшийся нами Сэмпсон в своей работе по истории ИТТ с полным основанием ставит вопрос: какое имел отношение Состенес Бен к самоубийству Ивара Крюгера? Одна английская фирма, осуществлявшая контроль бухгалтерских книг треста «Эрикссон», напала на след гигантских растрат. Это, собственно, и привело к финансовому краху, а затем самоубийству Крюгера. Сэмпсон исключает, чтобы руководство ИТТ не знало об обманах и растратах, которые совершало руководство заводами «Эрикссон».

Однако и по сей день не удалось распутать это дело. Одно точно: замышлявшийся союз Бена с Крюгером теперь уже был неосуществим, так что ИТТ пришлось в

одинокую сражаться со своим конкурентом «Сименсом» на европейском промышленном рынке.

Эту борьбу в какой-то мере облегчило то обстоятельство, что в 1933 году умер брат Состенеса Бена, Эрнандо, который еще со времени первой сделки в Испании получил кличку «добрый Бен», в отличие от своего брата — «злого Бена». Вскоре после смерти брата Состенесу Бену удалось установить на самом высоком политическом уровне связи с Германией: 2 августа 1933 г. новоиспеченный канцлер Гитлер впервые принимал делегацию американских бизнесменов. «Делегация» состояла из двух человек. Одним из них был Состенес Бен, другим — германский представитель фирмы «Стандард», принадлежавшей концерну ИТТ. Гитлер предложил Бену, чтобы тот попросил тогдашнего экономического советника фюрера Вильгельма Кеплера дать ему «надежных» германских капиталистов, с которыми можно сотрудничать.

Первым партнером, которого шефу ИТТ рекомендовал Кеплер, был Курт фон Шрёдер, известный кёльнский банкир, который позднее стал членом штаба СС и до самого конца обеспечивал связь между предприятиями ИТТ и Гиммлером. Неофициально Курт Шрёдер стал членом наблюдательного совета «Стандард». При посредничестве Шрёдера Состенес Бен встречался, все чаще навещаясь в нацистскую Германию, с Герингом. Втроем они договорились, что фирма «Лоренц», принадлежавшая теперь ИТТ, купит 28% акций авиационного завода, на котором строились германские бомбардировщики «Фокке-Вульф».

После войны Шрёдер очутился как военный преступник перед Нюрнбергским военным трибуналом. Давая на суде показания, он заявил: «Состенес Бен лично одобрил покупку акций концерна „Фокке-Вульф“». Мало того, он никогда не вмешивался в решение вопроса, какая доля прибылей фирмы ИТТ в Германии должна была перед войной переводиться в Америку. Он также никогда не спрашивал Шрёдера, правда ли, что Германия готовится к войне? Более того, он без колебаний согласился часть дохода фирмы вкладывать в германскую промышленность и тем самым увеличивал производительность оружейных заводов Гитлера.

Состенес Бен делал ставку на «лошадь Гитлера»: германские заводы ИТТ он принялся развивать намного быстрее дочерних предприятий своего концерна во всех остальных странах. В 1943 году, в разгар войны, след-

ственная комиссия американского правительства так сформулировала свои выводы об этом: «ИТТ усиленно финансировала развитие промышленности Германии и увеличивала оборот германских фирм, в то время как оборот ее дочерних предприятий в других странах оставался неизменным».

Другой, может быть, более интересный и более опасный деловой партнер, которого фирме ИТТ порекомендовали люди из окружения Гитлера, был адвокат Герхард Алоис Вестрик, совладелец одной крупной германской юридической конторы. (Между прочим, младший брат этого Вестрика после второй мировой войны в правительстве Эрхарда был министром канцелярии премьера от партии христианских демократов.)

Герхард Вестрик с давних времен был представителем американских фирм в Германии и, как таковой, сотрудничал с одной авторитетной адвокатской конторой в американской столице, с фирмой «Салливен энд Кромвель». Контора эта принадлежала Джону Фостеру Даллесу, государственному секретарю Соединенных Штатов времен «холодной войны». В годы же второй мировой войны Даллес возглавлял американскую разведку в Швейцарии.

Так вот, этот-то Вестрик первым и установил связь между гитлеровской и американской секретными службами и концерном ИТТ. Так же как Шрёдер, он был членом директорского комитета «Стандард» и еще до того, как вспыхнула война, неоднократно посещал Бена, снимавшего роскошные апартаменты в люкс-отеле «Плаза» в Нью-Йорке. И даже когда война в Европе уже вовсю бушевала, Вестрик снова отправился в Нью-Йорк, где вместе с двумя сыновьями вначале был гостем Состенеса Бена, а затем поселился в гостинице «Плаза». Здесь его посетили несколько американских предпринимателей — в большинстве своем симпатизировавших гитлеровскому режиму и сопротивлявшихся вступлению США в войну. В том же отеле Бен познакомил Вестрика с американским автомобильным королем Генри Фордом.

Кончились эти визиты грандиозным скандалом, так как вашингтонский резидент английской разведки организовал против Вестрика кампанию в газетах. Вестрику пришлось срочно покинуть Америку, однако с собой он увозил один очень важный документ. В нем Состенес Бен уполномочивал Вестрика на время войны, с помощью

Шрёдера и СС, делать все необходимое для защиты интересов ИТТ в Германии.

Между тем предприятия ИТТ загребали огромные прибыли не только в нацистской Германии, но и в США. Научно-исследовательские институты ИТТ разработали специальный прибор, с помощью которого английские и американские торговые суда могли обнаруживать немецкие подводные лодки и, таким образом, спастись от их торпедных атак. Таким образом, когда в воздухе ревели бомбардировщики, построенные на заводах «Фокке-Вульф», относившихся к предприятиям ИТТ, корабли той же самой ИТТ с помощью изготовленного на этой фирме прибора могли уклоняться от немецких торпедных ударов.

В годы второй мировой войны Состенес Бен «скакал одновременно на двух лошадях». С окончанием войны, правда, одна «лошадь» пала. Но в тот же час ИТТ (благодаря имевшимся у фирмы связям, протянувшимся к американской секретной службе) возникла на европейском континенте в роли представителя «победившей американской демократии».

К всеобщему изумлению Состенес Бен уже 25 августа 1944 г., в день освобождения Парижа, в умышленно испачканном окопной глиной американском полковничьем мундире явился во Францию — для контрольного осмотра здешних предприятий ИТТ. Он был одним из первых руководителей американских трестов, которые, двигаясь в арьергарде американских армий, имели право вступить на землю поверженной Германии.

Кроме него еще три члена американского совета директоров ИТТ получили ранг бригадных генералов: так им было проще передвигаться по германской территории. Из двух гитлеровских партнеров Состенеса с одним, со Шрёдером, пока еще нельзя было вести переговоры: он как генерал СС слишком уж подмочил свою репутацию. Однако, нарядившись в мундиры бригадных генералов, директора ИТТ очень быстро раздобыли документы, «отмывавшие» хотя бы Вестрика почти добела. Получалось, что Вестрик, даже будучи во время войны в Германии, работал на американскую армию. (В этом, возможно, и была доля правды: с 1941 по 1945 г. Вестрик действительно несколько раз ездил в Швейцарию и там вел переговоры с Джоном Фостером Даллесом. Джеймс Аллен, американский историк экономики, в книге «Монополистический капитализм и мир» уже в 1946 году

разоблачил связи между гитлеровцами и фирмой ИТТ. Относительно же Вестрика он говорит, что тот был агентом-двойником, который одновременно находился на секретной службе и у нацистов, и у американцев.)

«Империя Состенеса Бена» с помощью изощренных приемов выдержала штормы второй мировой войны, и, собственно говоря, именно благодаря своей связи с гитлеровцами европейские филиалы ИТТ во главе со «Стандард» сразу же после второй мировой войны смогли беспрепятственно приступить к работе. При этом Состенес Бен и его непосредственное окружение ни на миг не забывали о своих личных доходах и интересах.

Однако в 1947 году в фирме разгорелся «бунт акционеров», которые жаловались на то, что Бен и группа менеджеров, полномочно вершивших дела ИТТ, в течение девяти лет, ссылаясь на военные трудности, не выплачивали дивидендов, в то время как самому Бену и его доверенным директорам заплатили в виде зарплаты почти 4 млн. долл.

«Бунт акционеров» удалось уладить с большим трудом: от одной из трех высших должностей, которые занимал Бен на вершине ИТТ (от поста президента компании), пришлось отказаться и передать его в руки генералу Гаррисону. На самом же деле ничего не изменилось. Бен и дальше оставался полномочным властелином концерна ИТТ. Но девять послевоенных лет — с 1948 по 1957 — были в истории ИТТ с деловой точки зрения действительно довольно серыми. Народно-демократические преобразования в ряде восточноевропейских стран вырвали из рук Состенеса Бена многие предприятия, принадлежащие ИТТ: был национализирован завод «Стандард» в Венгрии, сделались недостижимыми для Бена предприятия ИТТ в ГДР.

А к 1956 году, когда уже тяжело больной 74-летний Бен вынужден был уйти в отставку, стремительное развитие фирмы ИТТ совсем прервалось, и она фигурировала только на 52-м месте среди крупнейших предприятий Америки. Год спустя Бен умер. В этом же году вышел из числа президентов компании и генерал Гаррисон, занимавший, впрочем, этот пост только для видимости. Директорский совет предприятия отрядил членов комитета на розыск новых талантов, и те в конце концов нашли нового властелина для «империи ИТТ» в лице Дженина.

Под руководством Дженина фирма претерпела колос-

сальные преобразования и, по выражению одного из американских комментаторов, быстро начала разрастаться, подобно «раковой опухоли».

Первым шагом Дженина было установление твердой дисциплины в руководстве американским трестом, а затем и сосредоточение неслыханно неограниченной единоличной власти в его руках. От каждого предприятия потребовали ежемесячный отчет, настолько подробный, что в ряде случаев пришлось создавать специальные отделы для подготовки таких отчетов. Предприятия получили строгие предписания, определявшие, какие цели в производстве и росте предприятия они должны достигнуть и какую прибыль получить.

Но одной только беспрекословной единоличной власти и исключительной дисциплины было еще недостаточно для коренного перелома, если бы Дженин не разглядел возможностей, которые 60-е годы давали деловому развитию фирмы. Эти возможности развития имели два направления: во-первых, была изменена структура, соотношение вклада отдельных предприятий внутри ИТТ. Когда в фирму пришел Дженин, только 18% продукции ИТТ производилось на предприятиях на территории США, 82% поступало из-за рубежа. Дженин изменил это соотношение, увидев, что международная обстановка в мире затруднит деятельность ИТТ без мощной опоры внутри Америки, и тогда фирма не сможет оказывать соответствующее влияние на политику сменявших друг друга правительств США. Соответственно этому в первый год его пребывания в руководстве ИТТ Дженин сделал поворот на 180 градусов, и сегодня уже 55% прибылей поступает в кассы ИТТ от предприятий, находящихся в США.

Другое изменение в организации состояло в том, что Дженин смог выработать такие принципы производства, которые характерны для всех современных наднациональных монополий. Это можно было бы сформулировать так, что безусловная единоличная власть в концерне сочеталась с большой самостоятельностью отдельных предприятий. Так, все предприятия ИТТ, разбросанные в сотне государств мира, выступают всегда в собственных «национальных» одеждах, но вожжи находятся в руках одного возницы, сидящего в стеклянном дворце на Парк-авеню. Книга Сэмпсона остроумно называет это «тактикой хамелеона» и поясняет: «Когда Дженин пожелает, концерн ИТТ выступает как один великан. Если же

интересы дела требуют, он сразу же превращается в сотни небольших предприятий».

Этот метод хорош прежде всего тем, что властям различных государств с трудом удается контролировать деятельность множества предприятий ИТТ, хорошо замаскированных под местные фирмы. За выступающей в сотне различных одежд новой сверхмонополией труднее следить, чем за предприятиями, на воротах которых висит вывеска «Форд» или «Дженерал моторз».

Для того чтобы наднациональный трест приобрел такой «новый облик», он должен состоять из возможно большего числа предприятий. Ведь чем больше масок, тем проще маскироваться. И потому во второй половине 60-х годов фирма ИТТ по указанию Дженина начала лихорадочно скупать все подряд. Вначале трест купил компанию по прокату автомобилей «Авис», затем наступил черед нескольких страховых обществ, заводов по производству ламп, парковочных стоянок автомобилей, школ по подготовке секретарш, была приобретена новая система стенографии и завод водяных насосов, был куплен гигантский домостроительный комбинат «Левитт», который ежегодно возводит 250 тыс. одноквартирных домов в США. Купил трест и крупнейшую в США фабрику по производству товаров из стекла и керамики, крупнейшую хлебопекарню Америки. Наконец, фирма ИТТ приобрела и с молниеносной быстротой расширила огромный гостиничный комплекс «Шератон», который сегодня имеет люкс-гостиницы в 38 государствах мира и является самым крупным конкурентом фирм «Хилтон» и «Интерконтиненталь». Не удалось только завладеть телевизионной компанией Эй-би-си, да и то только потому, что этому помешало министерство юстиции Соединенных Штатов Америки.

В 1969 году, через 10 лет после прихода Дженина к власти в ИТТ, трест уже нельзя было узнать. Оборот его с 761 млн. долл. в год вырос до 5,5 млрд. долл. (а за последующие три года приблизился к 9 млрд.). За 10 лет в списке крупнейших предприятий Америки он перешел с 52-го на девятое место, а за последующие три — переместился на пятое.

Это развитие противоречит утверждению защитников американского капитализма, которые пытаются уверить весь мир, что в «эпоху менеджеров» директора руководят наднациональными трестами на какой-то новой, «гарантированной основе». ИТТ — самый молодой из современ-

ных наднациональных трестов. Дженин — не собственник и не владелец этого треста в том смысле, как, например, братья Рокфеллеры или Генри Форд. Однако право решать все вопросы единолично находится в его руках. (Между прочим, среди американских менеджеров только он получает такую высокую зарплату — 812 тыс. долл. в год.)

Во время правления «второго императора» трест ИТТ пережил взрывоподобный рост. Но и поныне у него, как и при жизни создателя треста Состенеса Бена, имеются свои «черные пятна». А для урегулирования темных делишек, естественно, нужны были влиятельные и, как правило, хорошо оплачиваемые связи и контакты, подобные отношениям со Шрёдером из СС или Вестриком.

В ведомостях на зарплату ИТТ фигурируют имена десятков бывших руководящих чиновников министерства юстиции и государственного департамента. В ИТТ ныне работают Юджин Блэк (бывший президент МБРР), Джон Маккоун (бывший директор ЦРУ). В свое время находились на службе ИТТ Трюгве Ли, бывший Генеральный секретарь ООН, и Спаак, бывший генеральный секретарь Североатлантического пакта, неоднократно министр иностранных дел, премьер-министр Бельгии.

При таких связях ИТТ не приходится удивляться, что «эта монополия может сделать все» или почти все.

Наглядный пример тому — антитрестовский судебный процесс, который много лет велся против ИТТ. Многие судебные процессы против трестов превращаются в США в простую формальность. Так было с процессом против «Стандард ойл», а в истории ИТТ — с делом о «Вестерн электрик». Последнюю, правда, раздробили на части, но тем самым даже усилили монопольное положение ее главного конкурента — ИТТ.

Но вот в 1968 году против стремительно развивавшегося треста ИТТ министерство юстиции США тоже начало процесс. Люди из министерства считали, что ИТТ следовало бы пожертвовать несколькими значительными предприятиями, в том числе частью домостроительного комбината «Левитт», предприятием по прокату автомобилей «Авис» и несколькими отелями «Шератон».

В течение двух лет дело странствовало по лабиринту различных комиссий министерства и конгресса, пока, наконец, в 1970 году было вообще прекращено, как и весь процесс против треста ИТТ.

Может быть, дело тем и кончилось бы, если бы в 1973 году не разразился скандал «Уотергейт».

Одним из пострадавших по «делу Уотергейт» был министр юстиции Клейндинст. (С ним мы уже встречались, описывая маневры семейства Ханта.) В 1972 году он дал показания перед ведшей расследование сенатской комиссией, что «ни от кого не получал никакого указания о прекращении процесса против ИТТ». Однако годом позже, осенью 1973 года, когда его «прижали» в связи с другими делами, он уже признал, что сначала ему позвонил по телефону один из советников Никсона и посоветовал прекратить процесс против ИТТ. «А несколько минут спустя позвонил и сам президент, — показал бывший министр юстиции, — и тоже сказал: „похороните дело против ИТТ...”» Этот случай — блестящий пример того, как далеко простиралось могущество Дженнина.

А чего стоит поведение треста во время событий в Чили! Для того чтобы понять омерзительную роль ИТТ, есть смысл подробнее рассказать о деятельности этого треста в Южной Америке. В 20-х годах, когда во главе ИТТ еще стоял Состенес Бен, в руки ИТТ одна за другой попали телефонные компании, сначала Кубы, а затем и всей Южной Америки. Телефон, телеграф — такое опасное средство политического контроля и воздействия, что правительства разных оттенков в странах Латинской Америки, поняв это, одно за другим начали национализацию находившейся в руках ИТТ телефонной сети.

В тех случаях, когда компания ИТТ получала соответствующую компенсацию, руководители ИТТ обычно смирялись с национализацией. Так, во времена Бена национализировали телефонные предприятия ИТТ в Аргентине, а во время правления Дженнина — в Бразилии и Перу, выплатив ИТТ хорошую компенсацию.

А вот на Кубе революция взяла в свои руки предприятия телефонной сети ИТТ без всякой компенсации, и тут даже Дженни оказался бессильным что-либо сделать. (Для самоутешения Дженни «отомстил» Кастро тем, что подарил отправившемуся в ссылку кубинскому диктатору Батисте такой же золотой телефонный аппарат, какой в свое время послал в подарок папе римскому.)

После сравнительно гладко прошедшей национализации в Перу ИТТ держала теперь в своих руках телефонную сеть только лишь в трех местах: на родине концерна

(в Пуэрто-Рико), на родине Бена (на Виргинских островах) и в Чили.

Уже из этого перечня видно, что Чили оставалась последней страной Южной Америки, где стоявшая за спиной ИТТ американская секретная служба в полном смысле этого слова держала «ухо остро» и подслушивала телефоны. Эта телефонная сеть оказалась для американцев жизненно важной и в политическом отношении, когда в Чили парламентским путем произошли глубокие политические перемены.

Разумеется, дело не только в политике, но и в деньгах. Чилийскую телефонную сеть еще Состенес Бен купил у англичан в 1930 году и тем самым принес гигантские выгоды тресту. Не в последнюю очередь потому, что компания ИТТ заключила соглашение с тогдашними чилийскими руководителями на таких условиях, что государство обязывалось уплатить ИТТ все долги золотом. В 1970 году, в год политических перемен в Чили, на предприятиях ИТТ в Чили работало более 6 тыс. Капиталовложения фирмы исчислялись в 200 млн. долл.

Когда накануне выборов 1970 года, приведших к власти президента-социалиста Альенде, заседал директор ИТТ, его первым пунктом повестки дня было «Чилийское дело». Как позднее выяснилось, Дженин с самого начала считал, что в этой борьбе экономических методов недостаточно, и потому с помощью американской секретной службы нужно воспрепятствовать продвижению народных сил вперед и тем самым сохранить для ИТТ последнюю телефонную сеть в Южной Америке.

Дженин воспользовался помощью Маккоуна, который в то время занимал директорское кресло в ЦРУ. Маккоун обсудил этот вопрос со своим будущим преемником на посту директора ЦРУ Ричардом Хелмсом. А потом доверенное лицо Дженина, Бил Мерриам, встретился в холле вашингтонской гостиницы «Шератон Карлтон» с одним из старейших агентов ЦРУ Вильямом Брое. Посланец ИТТ сказал связному американской секретной службы, что Дженин готов помочь в избирательной борьбе противнику Альенде большими денежными суммами, но попросит ЦРУ перебросить эти деньги в «нужное место».

Однако на этот раз ИТТ и Дженин оказались слишком медлительными. Встреча двух агентов в гостинице в Вашингтоне произошла в июле 1970 года, а 4 сентября

этого же года Альенде уже победил на выборах и стал президентом Чили.

Начиная с этого момента, ИТТ предлагала секретной службе множество планов, и планы эти достигали Белого дома. По одному замыслу, компания ИТТ готова была пожертвовать около 1 млн. долл. на подкуп правых политиков, занимавших ключевые позиции, чтобы подбить их на создание в Чили коалиционного правительства, которое противостояло бы народным силам. Другой вариант плана предусматривал затраты нескольких миллионов долларов на поддержку чилийской правой прессы и телевидения. В переговорах, где обсуждались названные планы, участвовали тогдашний государственный секретарь Роджерс, а также Киссинджер, советник президента по вопросам национальной безопасности, позднее ставший государственным секретарем. А вообще, никто не знает точно, сколько из предложенных сумм было все же переведено в Чили и передано в чьи-то руки.

Новая обстановка создалась, когда в октябре 1971 года правительство Альенде передало руководство предприятиями ИТТ в руки правительственного комиссара. Тогда Дженин пригласил на обед Петерсона, главного советника президента Никсона по вопросам международной экономики, и предложил тому план из 18 пунктов, как свергнуть Альенде. Предложение об осуществлении плана было сформулировано так: «В полной тишине, но энергично обеспечить, чтобы режим Альенде не пережил следующих шести месяцев».

Правительство Альенде было излишне доверчиво: в феврале 1972 года, то есть за два месяца до назначенного президентом ИТТ дня свержения Альенде, оно еще вело переговоры с представителями ИТТ о соответствующей компенсации за национализированную телефонную сеть. И только приблизительно через три недели после этого Альенде прекратил переговоры с людьми ИТТ. А в это время в США уже ковались планы подлого заговора против Чили в треугольнике ИТТ — ЦРУ — Белый дом.

До сих пор еще не стали достоянием гласности документальные доказательства, которые совершенно точно продемонстрировали бы, что в этом «треугольнике» после разрыва ИТТ с чилийским правительством продолжалась дальнейшая подрывная работа против Чили. Нет, однако, никакого сомнения, что военный путч против народного правительства созрел на основе того самого

«сценария» из 18 пунктов, который Дженин передал Петерсону.

«18 пунктов, — сказал в одном из своих выступлений чилийский сенатор, член руководства Компартии Чили Володя Тейтельбойм, — это тщательно продуманный и разработанный план атаки, план заговора, который охватывал все уровни и все области — от финансово-экономической блокады до подкупа газет и журналистов. Массовое беспокойство, вызванное и другими средствами, создаст обстановку насилия, что вызовет возмущение и вмешательство военных».

Уже упоминавшийся нами Сэмпсон в своей «Истории ИТТ» говорит не только о наглости и двурушничестве этого треста, но и о поощрении коррупции и беспощадного давления на правительство. Автор широко показывает отношения между наднациональными монополиями, капиталистическим правительством и секретными службами. Он цитирует интересные признания одного из заместителей директора ЦРУ Ричарда Биссела, который как-то в 60-х годах заявил: «Шпионов лучше прятать в конторах и офисах крупных международных фирм, чем в наших посольствах». Из всего этого английский автор делает такой вывод: «Джон Маккоун был одновременно директором ИТТ и советником американской секретной службы. Кому же он, собственно говоря, служил, когда вел переговоры со своим преемником Ричардом Хелмсом? Ведь указания он получал от ИТТ, а связи его вели к секретной службе. Так что, как и многие предыдущие руководители ИТТ, он мог рассматривать интересы государства и интересы треста как одно целое».

Оглядываясь на историю ИТТ, на длительные и глубокие связи этого концерна с иностранными правительствами, на его маневры во время второй мировой войны и оценивая политическое значение средств коммуникации, можно сделать только один вывод: трест ИТТ всегда поддерживал самые тесные контакты с разведывательной службой. И эти контакты Дженин унаследовал еще от Состенеса Бена.

К этому едва ли можно что-то добавить. Можно просто напомнить, что американские историки и экономисты считают ИТТ наиболее типичной, самой гибкой и по современному организованной транснациональной монополией.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РОТШИЛЬД — ПЯТЬ ЗОЛОТЫХ СТРЕЛ	5
Красная вывеска — Против Наполеона — На вершинах могущества — Суэцкий заем — Крах «Кредитанштальт» — Авантюра с Гиммлером — Возрождение клана	
РОКФЕЛЛЕР — «ВСЕМИРНЫЙ ПЛАНТАТОР»	31
Сын барышника — Бродвей, 26. 1400-я комната — Кровавая резня в Лудлоу — Керосиновые лампы «Стандарт» — Война, прибыли, их распределение — Пять сыновей и одна дочь — Банкир Дэвид — Фирма в Белом доме	
КРУПП — ПУШКИ ИМПЕРИИ	52
Чума в городе Эссене — Пушечный ствол и колесо железнодорожного вагона — Вилла «Хюгель» — Берта и ее Густав — Родина капитала — Великое ограбление — Рабы с красным вином — На новых рельсах	
МИЦУИ — УПОРНЫЙ САМУРАЙ	78
Сёгун, даймио, самурай — Великий скачок — На вершинах политики — Пробуждение от летаргического сна — Туман и сумрак	
ШЕЛЛ — НЕФТЬ В РАКУШКЕ	86
Лавка древностей и редкостных вещичек — Детердинг появляется на сцене — Женитьба на нефти — Советская нефть — Рождение картеля — Мечта о Кавказе — Эпоха безымянности	
ФОРД — «АМЕРИКАНСКАЯ ЛЕГЕНДА»	94
Мальчик с фермы — Трюк с пятью долларами — Мирный корабль и военная польза — «Голодный марш» и кровопролитие — Профсоюзный ярлычок — Грандиозное переливание крови	
ФЛИК — СОКРОВИЩА РЕЙНА	107
Старый стервятник — Семейная жизнь — Операция «Кладбище» — Неустойчивое равновесие — Новые черты	
САУДЫ — ФАРАОНЫ НЕФТЯНОЙ ПИРАМИДЫ	114
40 человек на верблюдах — Завоевание пустыни — Сундуки шейха Сулеймана — АРАМКО — Братья-наследники — Драма в Мекке	

АГА-ХАН — ПРОРОК НА ЧАШЕ ВЕСОВ	132
Управление государством, которого нет — История династии — Немного политики — Четвертый	
ДАССО — АЙСБЕРГ	138
Богатство и трудности — В «пустыне» де Голля — Умирать запрещается — Ключи планирования — «Сделка века» — Исчезнувший бухгалтер	
ШПРИНГЕР — ИМПЕРАТОР ПРЕССЫ	149
Легенда и действительность — Флот и его флагманский корабль — 2 млрд. экземпляров — Револьвер калибра 7,35 — Крах бизнеса с магнитофонными кассетами — Смерть престолонаследника	
ГЕТТИ — ОДИНОКИЙ ВОЛК	159
Нефть «Тайдуотер» — Саттон плейс — Жить надо уметь — Дети и внуки — Смерть накануне переезда	
АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ПЕХЛЕВИ — БИЗНЕС ПОГОНЩИКА ОСЛОВ	168
Реза Шавад Коух: персидский казак — Зарождение богатства — Земля и нефть — Трюк с учреждением фонда — Прибыли и бегство	
ОНАССИС — МАЛЬЧИК ИЗ ГОРОДА СМИРНА	183
Беженцы на палубе — Маленький клерк из фирмы ИТТ — Консул и корабли — Дуэль с Ниархосом — Война с трестами — Монако и другие игрушки — Брачный договор — Последний трюк	
ХЬЮЗ — ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА	206
Странная империя — Затененные комнаты — Мормонская мафия — Ключ к «Уотергейту»! — Нити, ведущие в ЦРУ — «Сумма корпорейшн» — Смерть в воздухе	
ХАНТ И ХАММЕР — ДВА ПОЛЮСА	219
«Пророк» из Далласа — Тень Кеннеди — Соевые бобы и серебро — Миллионер в революционной буре — Концессии и произведения искусства — Карьера «Окси» — Снова в Москву	
ИТТ — МЕЖДУНАРОДНАЯ СУПЕРМОДЕЛЬ	244
Харолд Сидней Дженин — Состенес Бен — Вестрик — Линия Далласа — Стратегия совершенствования — Длинные руки — Цель: Чили	

Научно-популярная литература

**Гёмёри Э.
СВЕРХБОГАЧИ**

Редактор
Ю. В. СМЫСЛОВ

Оформление художника
В. П. СМОЛЬНИКОВА

Художественный редактор
В. П. ГРИГОРЬЕВ

Технический редактор
Т. С. ОРЕШКОВА

Корректор
К. С. ЧИГРИНОВА

ИБ № 1149

Сдано в набор 23.09.86. Подписано в печать 11.02.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Гарнитура «литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 13,86. Усл. кр.-отт. 14,40. Уч.-изд. л. 15,22. Тираж 25 000 экз. Заказ № 1570. Цена 65 коп. Изд. № 13—Э/86.

Издательство «Международные отношения»
107078, Москва, Садовая-Спасская, 20

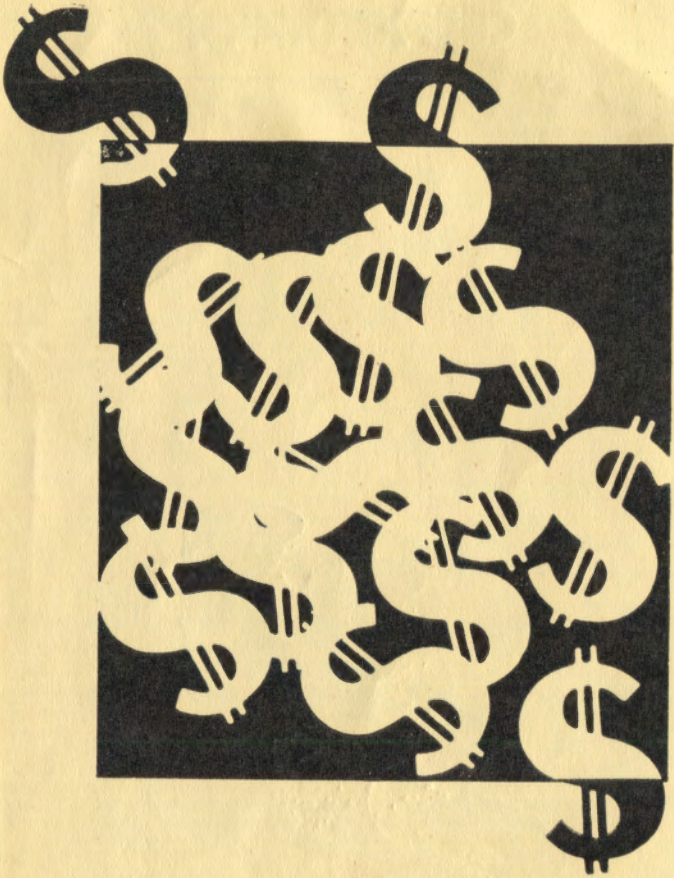
Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Гёмёри Э.

Г33 **Сверхбогачи: Пер. с венг. — М.: Междунар. от-
ношения, 1987.—264 с.**

В книге живо и интересно излагается история возникновения крупнейших личных состояний капиталистического мира, ярко обрисован путь к богатству Ротшильдов, Круппа, Мицуи, Ханта, Шпрингера, иранского шаха и др. Автор наглядно показывает неразборчивость в средствах наживы истинных хозяев капиталистических стран, их связи с политиками и закулисное влияние на политическую жизнь. Книга состоит из 17 небольших глав, каждая из которых посвящена тому или иному семейству или монополистическому объединению.

Для широкого круга читателей.

65 коп.

СВЕРХБОГАЧИ

„МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ”

СВЕРХБОГАЧИ

О ГЕМЕРИ